

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**С. А. МАДЮКОВА, О. А. ПЕРСИДСКАЯ,
В. В. САМСОНОВ**

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И ЛОКАЛЬНЫХ
СООБЩЕСТВ РОССИИ**
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

ЧАСТЬ II

Ответственный редактор
доктор философских наук, профессор
Ю. В. Попков

НОВОСИБИРСК
Омега Принт
2017

УДК 316.4+316.7
ББК 63.5+60.55
С693

Авторский коллектив
С. А. Мадюкова, О. А. Персидская, В. В. Самсонов

Утверждено к печати Ученым советом ИФПР СО РАН

Рецензенты:
доктор социологических наук *Г. С. Солодова*
доктор философских наук *А. Ю. Сторожук*
кандидат философских наук *А. М. Аблажей*

С693 Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России (на примере Республики Алтай и Новосибирской области): в 2 ч. / С. А. Мадюкова, О. А. Персидская, В. В. Самсонов; под. ред. Ю. В. Попкова; ИФПР СО РАН. – Новосибирск: Омега Принт, 2017. Ч. II. – 155 с.

ISBN

Во второй части монографии рассматриваются теоретико-методологические особенности применения социокультурного подхода к анализу региональных социокультурных трансформаций, а также обобщается практический опыт исследования особенностей и тенденций социокультурной динамики межэтнических и локальных сообществ в отдельных регионах России на примере Республики Алтай и Новосибирской области.

Для социологов, философов, политологов, этнографов, историков, правоведов, работников сферы управления, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

Издается в авторской редакции

ISBN

© ИФПР СО РАН, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (<i>С. А. Мадюкова</i>).....	4
Глава 1. Социокультурный подход к исследованию локальных и межэтнических сообществ: показатели и динамика (<i>С. А. Мадюкова, О. А. Персидская</i>).....	6
1.1. Методология социокультурного подхода.....	14
1.2. Социальность. Социальные показатели.....	21
1.3. Культура. Культурные показатели.....	25
1.4. Личность. Личностные показатели.....	35
Глава 2. Тенденции социокультурной трансформации межэтни- ческого сообщества Республики Алтай (<i>О. А. Персидская, С. А. Мадюкова</i>).....	56
Глава 3. Современная динамика развития локальных сообществ России (<i>В. В. Самсонов</i>).....	99
3.1. Основные тренды и перспективы динамики развития сельских сообществ России.....	99
3.2. Влияние глобальных трендов на динамику развития локальных сельских сообществ России.....	110
Глава 4. Процессы социокультурной трансформации локального сообщества Новосибирской области (<i>В. В. Самсонов</i>).....	120
Общий список литературы.....	144

ПРЕДИСЛОВИЕ

В рамках реализации проекта «Социокультурная трансформация межэтнических и локальных сообществ в интеграционных процессах современной России: детерминанты и модели регулирования» важное значение имеет выявление особенностей и тенденций социокультурной динамики межэтнических и локальных сообществ в отдельных регионах России, а также анализ факторов их интеграции и дезинтеграции. Комплексному анализу данной проблематики посвящена коллективная монография отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, которая состоит из двух частей. В первой части «Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России: подходы, факторы интеграции и дезинтеграции»¹ рассмотрены теоретико-методологические подходы к исследованию сообществ, выявлены общие факторы их интеграции и дезинтеграции. В книге также анализируются базовые понятия «сообщество», «локальное сообщество» и «межэтническое сообщество», выявлена специфика трансформации современных сообществ. Ретроспективный анализ развития государственного оформления национальной идеи отражает специфику трансформации идеи межэтнического взаимодействия в России.

Во второй части «Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России (на примере Республики Алтай и Новосибирской Области)» анализируется эвристический потенциал социокультурного подхода к анализу региональных социокультурных трансформаций, выявлена и структурирована система социальных, культурных и личностных показателей трансформации сообществ. На конкретном примере межэтнических и локальных сообществ Республики Алтай и Новосибирской области проведена эмпирическая верификация теоретико-методологических особенностей применения социокультурного подхода к изучению тенденций

¹ *Абрамова М. А., Зазулина М. Р., Костюк В. Г.* Социокультурная динамика межэтнических и локальных сообществ России: подходы, факторы интеграции и дезинтеграции / под. ред. Г. С. Солодовой; ИФПР СО РАН. Новосибирск: Омега Принт, 2017. Ч. I. 150 с.

социокультурной динамики межэтнических и локальных сообществ в отдельных регионах России. С позиций социокультурного подхода региональные социокультурные трансформации исследуются как целостное явление современной реальности, актуальное как для отдельного индивида, так и для локальных сообществ и всего российского социума. Социокультурный подход представляется наиболее приемлемым для такого рода исследования, поскольку позволяет акцентировать региональные особенности комплекса социокультурных трансформаций современной России. Актуальной научной задачей представляется анализ изменения социальных, культурных и личностных показателей в многолетней динамике, отражающей основные векторы внутрирегиональной трансформации.

Глава 1

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЛОКАЛЬНЫХ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ: ПОКАЗАТЕЛИ И ДИНАМИКА

Современное мировое развитие характеризуется серьезными социокультурными изменениями, что привело к необходимости осмысления и теоретического обобщения основных тенденций социокультурной динамики сообществ разного масштаба. Социальная практика последних лет актуализировала задачу анализа именно регионального развития как существенно значимой составляющей российской действительности конца XX – начала XXI вв. В то же время если конкретные (экономические, политические, социальные, профессиональные и др.) стороны развития регионов в определенной степени находят свое отражение в социологических, экономических, социально-философских и других исследованиях, то работ, посвященных комплексному анализу системы показателей социокультурной трансформации регионального развития существенно меньше, тогда как анализ такого комплекса показателей трансформации и как теоретической конструкции, и как социокультурного феномена на региональном уровне является актуальной научной задачей.

В последние десятилетия Россия претерпела ряд преобразований в самых разных сферах: распад СССР привел к изменению государственных границ, была осуществлена попытка рыночного реформирования, что привело к кризису в экономике, сменились как внешнеполитические, так и внутренние этнокультурные ориентиры. Российское общество столкнулось с необходимостью поиска новой системы ценностей и актуализации локальных идентичностей с самыми разными основаниями: экономическая, этнокультурная, региональная. Фиксируя внимание на региональной специфике, отметим, что Россия – полиэтническое государство с множеством различающихся регионов, каждый из которых предстает как системная целостность, в рамках которой важное значение имеют как территория с ее ресурсами, экономика, управление, так и культура (в том числе традиционная культура коренных народов региона). При этом

на регион как целостность накладывают отпечаток разнонаправленные тенденции глобализации и регионализации, что находит свое отражение в социальных настроениях представителей региональных сообществ. Все эти компоненты в комплексе формируют региональную отличительность. Существенно значимым представляется, что специфика каждого региона обусловлена его историко-культурными особенностями и протекающими в нем этносоциальными процессами. Важно, что социальные и культурные процессы неотделимы от процессов этнических, поскольку в полиэтничных регионах на современном этапе повышается роль именно этнокультур. Под этнокультурными процессами мы понимаем любые изменения в сфере культуры этноса, в особенности те, что затрагивают ее ядро, традиционную этническую культуру, а также взаимодействия этнокультурных традиций с социокультурными новациями, духовно-ценностную сферу культуры межэтнического сообщества.

Как отмечает Р. Г. Абдулатипов, «если различные этносы, их представители столетиями живут в одном государстве, в общей социально-экономической и культурной среде, то формирование их общности как народа, как граждан, как соотечественников объективно неизбежно; но в полной мере необратимость этого процесса формирования межэтнической нации возможна на основе свободного развития каждого этноса в своей самобытности и в равноправной его подключенности через представителей конкретных национальностей в развитие всей страны»¹. Стоит согласиться с мнением О. М. Михайленок, что «активизация стремления народов к самоопределению, защите собственного культурного и языкового пространства требовала выработки государственной политики, направленной как на сохранение единства Российской Федерации и гарантий самостоятельности при определении внутренней и внешней политики, так и на предотвращение межнациональных конфликтов и свободное развитие всех населяющих страну народов»².

¹ Абдулатипов Р. Г. Создание российской нации // Российская газета. 2003. 28 авг. № 3284.

² Михайленок О. М. Российская политология и вызовы современного общества. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2011. С. 167

Специфика современных этносоциальных процессов на территории России формировалась в течение длительного периода становления современной полиэтничной общности, в условиях соседства и взаимодействия разнообразных этносов и этнических групп. Отдел социальных исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН на протяжении многих лет в качестве своего исследовательского поля обозначает этносоциальные процессы, протекающие в конкретных регионах. Руководителем новосибирской научной этносоциологической школы Ю. В. Попковым данный концепт проработан в теоретико-методологическом плане в рамках коллективной монографии «Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири»³. Мы не ставим перед собой цель подробно проанализировать данное понятие, однако представляется необходимым остановиться на некоторых ключевых точках данного концепта с целью фиксации различий между понятиями «этносоциальные процессы» и «этносоциальная ситуация». Отметим, что важной характеристикой любого процесса является его протяженность во времени и динамика изменения его характеристик. Таким образом, социальный процесс мы понимаем именно как процесс, который связывает прошлое, настоящее и будущее, имеет длительную историю и подчиняется определенным закономерностям. Этносоциальный же процесс формируется совокупностью непрерывно сменяющихся этносоциальных ситуаций, а этносоциальные ситуации во многом складываются в зависимости от характера межэтнических отношений. Суть понятия «этносоциальные процессы» Ю.В. Бромлей обозначал в его целостности, системности и в то же время многоплановости, включающей рассмотрение множества отдельных проявлений (т.е. того, что мы понимаем как этносоциальные ситуации), раскрывая внутренний механизм этих процессов через определение «взаимосвязей их этнических и собственно соци-

³ Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Гончарова Г. С., Мархинин В. В., Удалова И. В., Костюк В. Г. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / под ред. Попкова Ю.В. Новосибирск, 2015. С. 8–22.

альных параметров»⁴. Другими словами, этносоциальные процессы стоит рассматривать как неразрывную связь социальных и этнических процессов в том смысле, который в это понятие вкладывает Л.М. Дробижева: «процессы, происходящие в этнически маркированном социальном пространстве»⁵. Таким образом, «этносоциальные процессы представляется существенным рассматривать как процессы, протекающие в системе межэтнических взаимодействий в многонациональных обществах»⁶. Одной из основ этносоциальных процессов являются межэтнические взаимодействия, под которыми принято понимать «разнообразные контакты между этносами, ведущие к изменению индивидуальных и социальных характеристик каждой из взаимодействующих этнических групп и их отдельных представителей, а также к интеграции их определенных качеств и свойств»⁷. Взаимодействуя, представители различных этнических общностей, с одной стороны, изменяют свои собственные черты и качества, а с другой — интегрируют некоторые свои уникальные особенности в нечто общее, совместное. Вместе с тем представляется необходимым подчеркнуть, что отдельный этносоциальный процесс можно выделить не столько и не только по социальному или этническому основанию, но и по локализации. Как уже отмечалось выше, Россия состоит из локальных образований, множества различающихся регионов. Соответственно, этносоциальные процессы, протекающие в одном конкретном регионе, будут содержательно отличаться от этносоциальных процессов в другом. Ю. В. Попков и Е. А. Тюгашев отмечают: «...обычно говорят об этносоциальных процессах в отдельных регионах страны или мира. Такой подход позволяет зафиксировать целостность локального межэтнического

⁴ Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука. 1987. С. 161.

⁵ Дробижева Л. М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2004. С. 16.

⁶ Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Гончарова Г. С., Мархинин В. В., Удалова И. В., Костюк В. Г. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири. С. 9.

⁷ Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М.: Изд-во «Экзамен», 2002. С. 67.

сообщества, его развитие во взаимодействии конкретных этнических групп. Описание этносоциального процесса, следовательно, должно включать описание взаимозависимого развития ряда этносов (этнических групп), составляющих локальное (региональное) межэтническое сообщество»⁸. Справедливо замечание А. Н. Белокопыта о том, что «особенностью исследований этносоциальных процессов является то, что эти исследования предполагают как рассмотрение различных аспектов проявлений этничности в современных социальных и политических процессах, так и изучение социальной структуры общества, факторов ее динамики»⁹. Перед исследователями в этом смысле стоит непростая задача комплексного учета социальных, культурных, экономических, демографических и политических процессов, существующих в конкретном регионе¹⁰. Кроме того, следует учитывать внутреннюю (этническую) дифференцированность этноса и роль субэтнических групп в формировании конкретных этносоциальных ситуаций и протекании этносоциальных процессов в регионе. Вместе с тем этносоциальные и этнокультурные процессы не автономны в своей социальной практике, а взаимосвязаны и служат основой интегративных процессов всего современного российского социума. Таким образом, этносоциальные процессы мы рассматриваем с точки зрения новосибирской научной этносоциологической школы как «взаимодействие противоречивых явлений и тенденций, характеризующих, в частности, формирование тождества и различия этнических общностей, их сближения и обособления, взаимозависимости и автономии. Тенденции этносоциальных процессов в их де-

⁸ Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Гончарова Г. С., Мархинин В. В., Удалова И. В., Костюк В. Г. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири. С. 20.

⁹ Белокопыт А. Н. Этносоциальные процессы в условиях социальной трансформации: на примере Ставропольского края: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2004. С. 3.

¹⁰ Даргын-оол Ч. К. Культура как основа социального развития регионов России (на примере Тувы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 40–44.

мографических, экономических, культурных, политических аспектах исследуются в единстве объективных и субъективных сторон»¹¹.

Несмотря на то, что существует действительно солидный пласт научной литературы, посвященной исследованию конкретных этносоциальных ситуаций в отдельных регионах России, нам не встретилось концептуально проработанного понятия «этносоциальная ситуация». Исследователи на интуитивном уровне выявляют и анализируют компоненты таких ситуаций. Такого рода компоненты могут различаться применительно к конкретному региону и находятся в прямой зависимости от его социокультурной специфики. Так, например, в ряде публикаций, посвященных этносоциальной ситуации в республике Дагестан, исследовательское внимание сфокусировано не столько на этносоциальной ситуации в целом, сколько на таком ее компоненте, как межэтнические конфликты в регионе¹². А. П. Чемчиева в статье «Этносоциальная ситуация в Улаганском районе Республики Алтай» исследует сферу этнической культуры и языка, сферу брака и семьи, социально-экономическое положение, землепользование, а также дает оценку социально-политической ситуации¹³. А. М. Аблажей в статье «Современная экономическая и этносоциальная ситуация в Эвенкийском автономном округе» анализирует социально-экономические трансформации в регионе, а именно влияние рыночных реформ на традиционные для Севера отрасли хозяйства, и, как следствие, трансформации социального самочувствия коренных жителей региона (русских старожилов, эвенков, якутов)¹⁴. Таким образом, под этносоциальной ситуацией может пониматься довольно широкий комплекс условий и обстоятельств, создающих

¹¹ Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Костюк В. Г. Этносоциальные процессы в современной Евразии: история и современность // Этносоциальные процессы в Сибири: Темат. сб. / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 2006. Вып. 7. С. 12.

¹² Цатиева О. К., Муслимов Т. К. Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Дагестане и новейшие конфликты // Россия и мусульманский мир. 2008. № 2. С. 77–93.

¹³ Чемчиева А. П. Этносоциальная ситуация в Улаганском районе Республики Алтай // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6 (43). С. 472–475.

¹⁴ Аблажей А. М. Современная экономическая и этносоциальная ситуация в Эвенкийском автономном округе // Этносоциальные процессы в Сибири: Темат. сб. / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 123–130.

определенную обстановку в межэтническом сообществе. Такая ситуация может быть зафиксирована посредством анализа закономерностей развития этносов и межэтнических сообществ, а также вопросов, связанных с регулированием межэтнических отношений. Не претендуя на описание комплекса целиком, мы делаем акцент на таком ее компоненте, как установки в межэтнических отношениях. Они, на наш взгляд, позволяют делать определенные выводы о сложившейся в конкретном регионе этносоциальной ситуации. Стоит согласиться с Ю. В. Попковым, что «если отношение понимается не социально-психологически, а в теоретико-социологическом смысле как развивающееся взаимодействие, то его процессуальная интерпретация вполне возможна и необходима»¹⁵. Таким образом, выстраивается определенная логическая «матрешка»: межэтнические отношения (понимаемые не только как «чувства», но и как «действия») являются индикатором этносоциальной ситуации, которая, в свою очередь, является единомоментным срезом этносоциальных процессов, протекающих в регионе.

Важной методологической особенностью данного исследования является изучение межэтнических отношений в региональных и локальных межэтнических сообществах. Понятие межэтнического сообщества было введено В. В. Мархининым и И. В. Удаловой для обозначения образующихся в результате совместного проживания целостных групп полиэтнического населения¹⁶. Исследователи отмечают, что «межэтническое сообщество» в отличие от «международного сообщества» имеет только региональные масштабы, но зато обладает исторически прочным, укорененным в традиции, существованием»¹⁷, что, учитывая вышесказанное, имеет прямое отношение к исследованию показателей социокультурной динамики межэтнических сообществ. Значимой представляется характеристика

¹⁵ Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Гончарова Г. С., Мархинин В. В., Удалова И. В., Костюк В. Г. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири. С. 16.

¹⁶ Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 70.

¹⁷ Там же. С. 75.

межэтнических сообществ как социокультурной основы целостности полиэтнической структуры российского государства¹⁸.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что региональные социокультурные процессы связаны с процессами национального, цивилизационного и глобального масштаба и в таком качестве служат основой для формирования единого российского социокультурного пространства.

Эвристичным для исследования показателей социокультурной динамики региональных межэтнических сообществ видится рассмотрение региона как целостной специфичной системы, ядром которой является межэтническое сообщество, объединяющее разные этнические группы политическими, экономическими, культурными и социальными и др. процессами, взаимосвязанными между собой. Региональное межэтническое сообщество является формой, посредством которой этнические группы интегрированы в Российскую Федерацию. При таком подходе каждая из этнических групп, населяющих регион, обладает собственной спецификой, а их взаимодействие обеспечивает многоаспектное развитие регионального межэтнического сообщества. В рамках такого подхода в монографии региональная социокультурная динамика исследуется как целостное явление современной реальности, актуальное как для отдельного индивида, так и для локальных сообществ. В данном методологическом ключе осуществляется систематизация социальных, культурных и личностных показателей динамики, разрабатываемых и исследуемых разными научными школами, предлагается комплексное определение региональной социокультурной трансформации как динамики системы данных показателей. Под этим же углом зрения нами осуществлена эмпирическая верификация эксплицированной системы показателей на материалах конкретного региона – Республики Алтай во второй главе.

¹⁸ *Мархинин В. В., Удалова И. В.* Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы). С. 77.

1.1. Методология социокультурного подхода

Современная российская этносоциальная действительность обуславливает необходимость поиска адекватной научной методологии изучения социокультурной динамики межэтнических сообществ. Социокультурный подход представляется востребованным в данном контексте, поскольку актуализирует значимость исследования именно социокультурных аспектов изменения общества. Методология социокультурного подхода применительно к специфике российских этносоциальных процессов актуализирована в 90-е годы прошлого века как следствие необходимости оценки социокультурных трансформаций на постсоветском пространстве¹⁹. Стоит согласиться с Н. И. Лапиным, что «необходимость учета социокультурных параметров изменения общества сейчас признают все. Но если направление социокультурных сдвигов действительно рассматривать как глубинный и наиболее надежный критерий направленности трансформационного процесса, то учет соответствующих параметров приобретает статус теоретико-методологического подхода»²⁰. Важной для исследования социокультурных трансформаций межэтнических сообществ характеристикой социокультурного подхода является способность с его помощью обоснования единства личности, культуры и социальности в их устойчивости и изменчивости. При этом, проведенный Ю. В. Попковым и В. Г. Костюком анализ понятия «социокультурности» показал, что «если строго придерживаться понимания концепта «социокультурное» как интегрального единства его социальных, культурных и личностных аспектов, то этому императиву (по Сорокину) соответствует лишь немногие исследования, обозначаемые как «социокультурная динамика». В большинстве случаев он и подменяется концептом «социально-культурное» или суммативным описанием отдельных социальных, культурных и (что крайне

¹⁹ *Ефимов Е. Г.* Социокультурный подход как методологическое основание исследования современного социально-экономического развития России // Условия, ресурсы и факторы развития России в XXI веке: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (20–22 окт. 2009 г.) Волгоград, 2009. С. 269–272.

²⁰ *Лапин Н. И.* Россия как реальность. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России, 2000. № 3. С. 6.

редко) личностных признаков процессов. Между тем эвристические возможности социокультурных концепций динамики общественных явлений только начинают осознаваться»²¹. Значимым в данном контексте представляется заключение Н. И. Лапина, что «структура и динамика общества в рамках данного подхода характеризуется параметрами социокультурного баланса, преобладанием воспроизводящих (традиционных) или изменяющихся (инновационных) процессов. Субъектами взаимодействия здесь могут выступать как индивиды, так и социальные общности (группы, организации и др.)»²².

Основоположником социокультурного подхода принято считать П. Сорокина, который выразил его суть в книге «Человек. Цивилизация. Общество»²³. Проводя анализ «родовой структуры» социокультурных явлений, он подытоживает результаты анализа в формуле: «Личность, общество и культура как неразрывная триада» и поясняет: «Структура социокультурного взаимодействия... имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения... Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других»²⁴. Под культурой им понимается совокупность способов и результатов деятельности человека (материальных и духовных: идеи, ценности, нормы, образцы и др.), а под социальностью – совокупность отношений каждого человека или иного социального субъекта с другими субъектами: экономических, социальных, идеологических, политических отноше-

²¹ Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурная динамика: концептуальные подходы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 2. С. 68–74. С. 114.

²² Лапин Н. И. Россия как реальность. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России, 2000. № 3. С. 5.

²³ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

²⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. С. 218.

ний, формируемых в процессах деятельности. Таким образом, «социокультурное есть социальное в его культурном разнообразии, а личностное, присутствуя в социальном и культурном в снятом виде, в определенной мере модифицирует социокультурное разнообразие своими социально-психологическими чертами»²⁵.

Как пишет в данном контексте Н. И. Лапин, «специфика социокультурного подхода состоит в том, что он интегрирует три измерения человеческого бытия (человека в его соотношении с обществом, характер культуры, тип социальности) именно как фундаментальные, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них. Но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей. Многомерность человека и истории получает здесь воплощение в методологической интеграции трех специфических форм (способов, измерений) человеческого бытия»²⁶. «При социокультурном подходе, – обращает внимание С. Г. Кирдина, – в центре внимания исследователя находится человек активный (*homo activus*), являющийся многомерным био-социо-культурным существом и субъектом действия, его нравственность, составляющая основание любой культуры. Тем самым предпринимается попытка выявить сущностные ценностные и этические характеристики социальных субъектов, определяемые культурным долговременным контекстом, поскольку культура, как справедливо замечают сторонники данного подхода, пронизывает все без исключения состояния социальной жизни. При этом авторы концентрируются на рассмотрении, прежде всего, основополагающих ценностей социальных групп, наиболее значимых для характеристики социокультурного типа общества. При этом подходе обязательно присутствует сопоставительный анализ изучаемых ценностей социальных групп, с одной стороны, и социокультурных характеристик общественного целого, с другой стороны. Социокультурный подход оперирует с определенной моделью общества. Общество здесь по-

²⁵ Попков Ю. В., Костюк В. Г. Динамика социокультурных процессов в сообществах: тенденции, основные показатели // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 3. С. 75–85. С. 76.

²⁶ Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 7.

нимается как социокультурная система, возникающая и изменяющаяся в результате действий и взаимодействий людей»²⁷.

Значимой характеристикой социокультурного подхода представляется способность с его помощью выяснения сопряжения устойчивого и изменчивого, личности и общества, культуры и социальности, что в комплексе позволяет отследить многомерные социокультурные трансформации локальных и межэтнических сообществ.

В контексте исследования социокультурной трансформации межэтнических сообществ интересна структура и динамика общества, которая в рамках данного подхода характеризуется параметрами социокультурного баланса, преобладанием воспроизводящих (традиционных) или изменяющихся (инновационных) процессов. Субъектами взаимодействия здесь могут выступать как индивиды, так и социальные общности (группы, организации и др.). «С этих позиций социокультурная трансформация есть комплексное, преимущественно эволюционное преобразование общества как социокультурной системы. Комплексность преобразования означает, что трансформационный процесс охватывает все основные структуры и процессы системы и потому не сводится к реформам «сверху», а его ход и исход в решающей степени зависят от действий массовых социальных групп. Это обуславливает принципиальную неоднозначность, незаданность окончательного исхода преобразований. В особенности это относится к трансформации социокультурной системы как переходу от одного типа антропосоциетального соответствия к другому. Этот исторический процесс охватывает жизнь многих поколений людей и длится десятилетия»²⁸.

Н. И. Лапин, как представляется, корректно описал те трансформации, которые в явном виде обозначились на постсоветском пространстве и не окончены до сих пор: «Собственно говоря, именно в процессе либеральной трансформации социокультурного общества его традиционалистский баланс нарушается, а проблема его симмет-

²⁷ Кирдина С. Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. URL: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=219&Itemid=58&lang=ru (дата обращения 11.10.17).

²⁸ Там же.

рии приобретает особую актуальность. Именно это мы и наблюдаем в современном российском обществе. В настоящее время его базовые функции осуществляются асимметричными структурами: *жизнеобеспечение* – смешанной экономикой, при чрезмерном влиянии олигархического сектора; *интеграция* – переплетением культур западного и восточного типов, при преобладании западной культуры; *дифференциация* – разнородными системами стратификации при неразвитости среднего класса; *властное регулирование* – унитарной федеральной властью при сочетании с многопартийным парламентом, автономией субъектов федерации и либеральными нормами гражданства»²⁹.

Несколько иная модель общества в рамках социокультурного подхода представлена в исследованиях А. С. Ахиезера³⁰. Он доказывает объективное существование в российском обществе двух разнонаправленных процессов и соответствующих им двух социокультурных идеалов, как в среде интеллигенции и духовной элиты общества, так и в глубине народной жизни, внутри самого социума. Основной объект анализа при этом – раскол целостности, выражающийся в борьбе этих противоположных идеалов – вечевое (соборное, либерального) и авторитарного (абсолютистского, тоталитарного). При этом основное содержание конфликта, по мнению А. С. Ахиезера, «конфликт двух типов конструктивной напряженности (локального и общества в целом)», внутреннее противоречие между локализмом и государственностью, конфликтом частей общества между собой и государством как целым. Следуя методологии социокультурного анализа, осмысление, и, соответственно, преодоление раскола, как полагает А. С. Ахиезер, прежде всего, должно быть достигнуто в культуре, в нарастании рефлексии истории, ибо раскол – это со-

²⁹ Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры. С. 4.

³⁰ См., напр.: Ахиезер А. С. От закрытого к открытому обществу – путь противостояния катастрофам // Рубежи. 1997. № 7. С. 29–61; Ахиезер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А., Яковенко И. Г., Яркова Е. Н. Большевизм – социокультурный феномен (опыт исследования) // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 28–41.

стояние общественного сознания, неспособного осмыслить целостность понимаемого³¹.

Разделяя императив П. Сорокина о неадекватности теорий, рассматривающих социальные, культурные и личностные аспекты общественной жизни вне их интегральной целостности³², отметим, что применение социокультурного подхода позволяет при анализе социальных трансформаций выявить дополнительный культурный пласт в анализе общественного развития. В применении к данному исследованию социокультурный подход акцентирует внимание на глубинных исторически сформированных социально-ценностных структурах, задающих границы для формирования новой системы идентичностей в условиях трансформации российского общества в целом, выявляет социокультурные основания, позволяющие объяснить как магистральную линию социокультурной динамики, так и ее региональную специфику. «Такой подход восстанавливает представление об обществе как о сложном социокультурном объекте, выявляя исторически накапливаемые социально-культурные программы деятельности, поведения и общения людей, обеспечивающих передачу социального опыта от поколения к поколению. Он позволяет определить социокультурные ограничения, неизбежно существующие в каждом обществе, его социетальную природу, которые обуславливают сопротивление или принятие тех или иных культурных образцов. При социокультурном подходе в центре внимания находится взаимодействие типа-личности и типа-общества, и характер этого взаимодействия рассматривается как одно из определяющих направлений социальных изменений»³³.

Говоря о современном состоянии социокультурного подхода в России, согласимся с выводом Е. А. Тюгашева об общенаучном и метанаучном статусе социокультурного подхода. «Социокультур-

³¹ Цит. по: *Кирдина С. Г.* Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России.

³² См.: *Попков Ю. В., Костюк В. Г.* Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: теоретико-методологические и методические основы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 114.

³³ *Кирдина С. Г.* Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России.

ный подход следует идентифицировать как продукт философско-методологической деятельности. Конкретные науки используют этот философский метод для решения специфических предметных задач. Этот подход применяется в самых разных науках (например, разрабатываются социокультурные методы лечения психиатрических заболеваний). Вместе с тем он не разрабатывается ни одной из гуманитарных наук. Социокультурный подход принимается науками как данность, как готовый методологический продукт»³⁴. Применительно к исследованию социокультурной динамики межэтнических обществ использование социокультурного подхода позволяет акцентировать внимание на социально-ценностных структурах, позволяющих объяснить региональные особенности данных процессов.

Социокультурный подход к изучению комплекса социально-культурных трансформаций представляется, таким образом, наиболее приемлемым, поскольку понимание общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека, позволяет вскрыть региональную специфику социокультурных трансформаций наряду с магистральной линией развития современной России как целостности. В рамках социокультурного подхода этносоциальные процессы в региональных межэтнических сообществах могут быть исследованы как целостное явление современной реальности, актуальное как для отдельного индивида, так и для разного уровня социальных групп и сообществ. Исследование социокультурной динамики межэтнических сообществ с позиций социокультурного подхода, таким образом, предполагает рассмотрение не только межэтнических отношений или межэтнических конфликтов, а - и здесь мы согласны с Ю. В. Попковым и В. Г. Костюком – «этносоциальных процессов, взятых во всей их полноте и в своей конкретной локализации, где носителями этносоциальных

³⁴ Тюгаишев Е. А. Социокультурный подход: эпистемологический статус и содержание // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Новосибирск: НГАЭиУ, 2011. Вып. XIII. С. 13.

процессов выступает конкретное межэтническое сообщество»³⁵. Эвристичность социокультурного подхода, таким образом, заключается в возможности фиксации основных тенденций социокультурной трансформации межэтнических сообществ посредством анализа трех групп показателей как целостной системы, отдельные показатели которой взаимосвязаны и взаимообусловлены.

1.2. Социальность. Социальные показатели

Комплексный анализ группы социальных показателей предлагается начать с определения границ социального. Под социальностью мы понимаем совокупность экономических, идеологических, политических и иных общественных отношений, формируемых в процессах деятельности социальных субъектов. Отметим, что мы понимаем социально-исторические факторы как часть социальности в рамках исследуемой проблематики, поскольку они оказывают влияние и на современные социокультурные трансформации. И даже если конкретные исторические события не имели прямого влияния на то, как складывались, например, отношения народов, они могут стать неким символом, объектом локальной гордости или противоположных чувств, которые повлияют на ход ныне развивающихся межэтнических отношений.

Социальность, как составляющая триады, безусловно, не ограничена историей, а включает в себя самые разные составляющие. Актуализируя анализ социальных показателей как самостоятельное направление исследования социокультурной динамики регионального развития, стоит сказать, что в самом общем виде под социальными показателями обычно понимают качественные и количественные характеристики отдельных свойств и состояний социальных субъектов и процессов, совокупность которых отражает их существенные особенности в статике и динамике³⁶. Разработка системы социальных показателей должна основываться на исследовании объектив-

³⁵ Попков Ю. В., Костюк В. Г. Концептуальные и методические основы организации социокультурного мониторинга муниципального межэтнического сообщества // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 3. С. 153.

ных закономерностей общественного развития, представлении о структуре социального объекта (в данном случае – региона). В широком смысле к социальным показателям относятся демографические, экономические, социально-структурные, показатели политического, нравственного, социально-культурного, духовного развития, образа жизни (условий жизни и деятельности) общества и различных групп населения³⁷.

Социальные показатели определяются и рассчитываются на основе данных статистики, а также, для более глубокого представления о социальных процессах, происходящих в обществе, проводятся социологические исследования, призванные дать оценку их состояния³⁸.

В качестве базовых индикаторов при построении модели обобщающего социального показателя исследователи выбирают такие показатели, как численность населения, темп его прироста, коэффициент миграции, уровень безработицы, ожидаемую продолжительность жизни, детскую смертность³⁹.

Таким образом, рассматривая социальную сферу жизни в качестве объекта исследования, зафиксируем ее основные структурные элементы. К ним обычно относят демографическую, социально-экономическую, социально-психологическую составляющие, социальное здоровье населения, а также социальную инфраструктуру⁴⁰.

Социально-экономическая составляющая социальной сферы подразумевает трудовую деятельность, производство и уровень доходов. Внимания в этой связи заслуживает также индустриальное и/или аграрное развитие конкретного исследуемого региона, терри-

³⁶ Прохоров Б. Б. Экология человека: терминологический словарь. Ростов на/Д: Феникс, 2005. 476 с.

³⁷ Экология человека: терминологический словарь.

³⁸ Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г. В. Осипова, Москва: Изд-во НОРМА, 1998. 666 с.

³⁹ Павловская О. В. Построение обобщающего показателя социального развития региона и анализ его динамики на примере Кемеровской области // Современные тенденции развития науки и производства: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. (23–24 октября 2014 г.): в 4 т. Кемерово: ООО «ЗапСибНЦ», 2014. Т. 1. С. 65–68.

⁴⁰ Квеско Р. Б., Муравская Е. Н., Квеско С. Б., Чайковский В. Д. Организация управления и администрирования в социальной работе (менеджмент социальной работы): учеб. пособ. Томск, 2009. 136 с.

ториальное его расположение, в частности, в контексте исследования возможностей трансграничной торговли.

Конкретным методическим инструментом для исследования регионального развития может выступать анализ значений индекса человеческого развития, являющегося интегральным показателем, отражающим совокупность основных характеристик человеческого потенциала территории и который является инструментом сравнения уровня жизни различных стран и регионов. Во второй главе нами проанализированы показатели данного индекса в сравнительном ключе, с определением места региона (на примере Республики Алтай) среди регионов России с разным уровнем развития (подробнее см. главу 2 данной монографии). ИЧР складывается из трех основных показателей – индексов образования, долголетия и доходов. Значения индекса долголетия связаны с такой составляющей социальной сферы жизни, как социальное здоровье населения и могут быть исследованы на основе анализа уровня развития медицинского обслуживания, тенденций ведения здорового/нездорового образа жизни. Анализ индекса доходов позволяет оценить разрывы в развитии между благополучными и депрессивными регионами России. Исследование индекса образования позволяет выявить уровень грамотности взрослого населения и отражает комбинированный показатель совокупной доли учащихся в регионе.

Вместе с тем, исследование индексов, рассчитанных преимущественно на основе экономических и статистических показателей, безусловно не дает комплексной информации о трансформации социальных показателей на региональном уровне. Методологически значимой компонентой анализа социальных показателей региональной динамики представляется привлечение данных социологических исследований, массовых опросов и экспертных интервью. Кроме того, в разделе данной главы, посвященной анализу личностных показателей, мы акцентируем внимание также на социально-психологической компоненте социального бытия. Важно понимать, что социальное самочувствие является формой функционирования общественного сознания и поведения, в котором проявляется эмо-

ционально комфортная оценка населением уровня удовлетворения социальных потребностей⁴¹.

Самостоятельного исследования заслуживает такая сторона социальной жизни региона, как демографическая ситуация, а также динамика соотношения численности этнических групп. Анализ данных, касающихся естественного прироста населения, уровня рождаемости и смертности, колебания соотношений численности этнических групп в полиэтничном регионе, а также внутрирегиональное распределение динамики этих показателей и соотнесение их с другими показателями, такими, например, как уровень развития системы здравоохранения и качества медицинского обслуживания, качество работы в области профилактики заболеваний, и, кроме того, финансовым благосостоянием членов локального (регионального) межэтнического сообщества, уровнем алкоголизации населения и т. д. позволяет осуществить комплексный анализ региональной социальной динамики в данном ее аспекте.

Кроме того, значимым социальным показателем, на наш взгляд, является региональная миграционная специфика, как важная компонента жизни межэтнического сообщества. В данном фокусе исследования анализ миграционных потоков приобретает особую актуальность, поскольку влечет за собой качественные изменения этнической структуры региона. Изучение динамики положительного/отрицательного миграционного прироста, особенно в аспекте распределения эмигрантов в конкретный регион по этническому признаку позволяет реализовать корреляционный анализ в сопоставлении с динамикой межэтнических отношений в полиэтничных регионах и вскрыть возможные причины межэтнической напряженности. Кроме того, для анализа социально-экономической региональной специфики, необходимо также сделать акцент на исследовании внутрирегиональных миграционных процессов (миграция из сельских районов в крупные города). Сопоставительный анализ проблем влияния на межэтнические отношения трудовой миграции из Сред-

⁴¹ Бурко А. А. Интерпретация показателя «Социальное самочувствие» // Социология и общество: тез. I Всерос. социол. конгр. «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб.: Изд-во «Скифия», 2000. С. 56.

ней Азии и проблем социально-экономического характера, вызванных как внутрирегиональной, так и внешней миграцией, позволит исследовать влияние миграционной динамики на социокультурные трансформации региона.

Подводя итог данному разделу, отметим, что региональное социальное развитие может быть рассмотрено посредством анализа таких социальных показателей как демографическая, социально-экономическая, социально-психологическая составляющие социальной сферы, социальное здоровье населения, социальное самочувствие, миграционная региональная специфика.

1.3. Культура. Культурные показатели

Еще одной, значимой для комплексного анализа социокультурной динамики региона, группой показателей являются, в соответствии с «триадой» П. Сорокина, культурные показатели. Как справедливо отмечает Л. Бойцов, «культура – один из краеугольных камней государства, благодаря которой происходит трансляция из поколения в поколение нравственных норм, устоев и духовных ценностей, что делает общество устойчивым и способным к гармоничному развитию»⁴². Важным представляется понимание под культурой совокупности способов и результатов деятельности человека. Здесь мы имеем ввиду как материальные результаты (примером «социокультурности» материальной составляющей культуры может служить т. н. «Северный неотрадиционализм», понимаемый в социокультурном смысле как реализация права на ту хозяйственную культуру, которая обеспечивает сохранность этноса»⁴³. Подробнее речь об этом пойдёт ниже), так и духовные: идеи, ценности, нормы, образцы и др.

В контексте данного исследования особое значение приобретает традиционная этническая культура, рассматриваемая нами, прежде

⁴² Бойцов Л. Отцы и дети: корневой вопрос современной жизни // Российская Федерация сегодня. 2006. № 2. С. 33.

⁴³ Гудыма А. П. Парадигма ревитализации хозяйственной культуры народов Севера // Проблемы устойчивого развития: иллюзии, реальность, прогноз: Материалы VI постоянно действующего науч. семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». Томск, 2002. С. 102–110.

всего, как система этнокультурных ценностей и конкретных этнических традиций и обрядовых практик.

Стоит отметить, что большинство фольклористов и этнографов полагают, что традиционная культура должна пониматься, прежде всего, как особая семиотическая система, возникшая в дописьменную эпоху⁴⁴. Недостатком такого подхода представляется то, что он однозначно связывает существование традиционной культуры только с прошедшими эпохами. Как представляется, и в современных социокультурных трансформациях этнические традиции как часть культуры имеют важное значение и являются значимым ресурсом сохранения и трансляции своей этничности в постоянно меняющемся мире, подверженном унифицирующим тенденциям и популяризации «масс-культурных» ценностей.

Благодаря традициям культурный опыт может передаваться от одного поколения другим поколениям и от одного народа другим народам⁴⁵. Важным в таком подходе к культуре как системе традиций является вопрос, *что* транслируется и *как* транслируется в процессе культурной коммуникации. При таком подходе оказывается, что содержанием традиции может стать любой функциональный элемент культуры: знания, нормы морали, ценности, приемы художественного творчества.

В рамках исследования культурных показателей трансформации методологически значимым представляется анализ роли традиции и выявления значения ее авторитета для сознания, осуществленный Х.-Г. Гадамером. Традиция для Х.-Г. Гадамера – та культура, в которой реализует себя индивид⁴⁶ (что актуализирует связку культура-личность в «триаде» П. Сорокина), традиция синонимична культуре. Х.-Г. Гадамер исходил из того, что чаще всего историческое сознание ориентировано на изменчивость, а устойчивые признаки остаются

⁴⁴ См.: *Топоров В. Н.* Модель мира // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. 284 с.

⁴⁵ См., напр.: *Суханов И. В.* Обычаи, традиции, преемственность поколений. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1976. 216 с.; *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–97.

⁴⁶ *Андреева И. С.* К столетию со дня рождения Х.-Г. Гадамера: проблема традиции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 2. С. 154–163.

ся вне его поля зрения: «традиция, к которой мы принадлежим и в которой живем, – это не часть нашего культурного опыта, не так называемое культурное предание, которое тогда состояло бы из одних памятников и текстов и заключалось бы лишь в передаче смыслов, выраженных средствами языка и исторически засвидетельствованных. Нет, нам непрестанно передается *traditur*, сам же познаваемый в коммуникативном опыте мир передается нам как постоянно открытая бесконечности задача»⁴⁷.

Фокусируя исследовательское внимание на этнокультурной компоненте социального бытия, традиции этнической культуры можно определить как «исторически сложившиеся, передаваемые от поколения к поколению системно связанные устойчивые нормы в нравственных взаимоотношениях, воплощенные в моральном сознании, направленные на формирование нравственной личности и охраняемые общественным мнением. Они состоят из норм и правил поведения, на базе которых формируется духовно-нравственный облик личности, и проявляются в манерах, способах и формах общения»⁴⁸. В рамках традиций этнической культуры А. М. Малкандуев выделяет следующие системообразующие факторы: 1) целевую установку индивида или социума, где целью выступает формирование человечности на основе нравственных традиций и обычаев, а элементы системы связаны целью формирования нравственной личности; 2) понимание идеи об идеальной личности как интеграторе в деле формирования человечности; 3) общественное мнение: под воздействием как внешних условий, так и внутренних социальных сил общественное мнение, обладая свойством самосохранения, может вносить изменения в подсистему; 4) социально-структурную дифференциацию общества; 5) уровень общей культуры этноса; 6) социальную память национального самосознания, которая способна сохранять и передавать с помощью обычаев социальные нормы, образцы поведения, социальную информацию о человеке»⁴⁹.

⁴⁷ Гадамер Г.-Г. *Философия и герменевтика* // Гадамер Г.-Г. *Актуальность прекрасного*. М.: Искусство, 1991. С. 14.

⁴⁸ Малкандуев А. М. *Нравственные аспекты и системный характер традиций этнической культуры*. Нальчик: Полиграфсервис, 2004. С. 17.

⁴⁹ Там же. С. 79–82.

Значимым в контексте комплексного анализа системы показателей социокультурных трансформаций представляется понимание, что носителем традиции могут выступать разные социальные субъекты – классы, элитарные группы, государство и др.⁵⁰ Однако чаще всего в качестве субъекта культурной традиции исследователи называют этнос, народ. В контексте связки «традиция – этнос» интересным представляется следующее определение: «традиция есть необходимая и продолжающаяся во времени живая связь, посредством которой осуществляется современная внутриэтническая культурная коммуникация, – а также коммуникация с другими социумами и мировой цивилизацией в целом»⁵¹. Таким образом, этносоциальное охватывает ту область традиционного, которая выступает как один из компонентов духовной культуры этнической общности. Этническое в традиционных культурах, таким образом, представляет собой элементы социокультурного опыта данного этноса, которые несут на себе отпечаток своеобразия географической среды, природно-климатических условий его исторического и культурного развития.

В этом контексте примечательно, что существует некоторая общность, точки пересечения этнической и конфессиональной культуры. У ряда народов религиозная составляющая органично вписывается в этническую канву, становится неотъемлемым атрибутом этнической культуры, превращается в один из ее признаков. У тех этнических общностей, в процессе консолидации которых существенную роль сыграл конфессиональный фактор, заметнее взаимосвязь и взаимовлияние этнической и религиозной традиционности⁵². В исследованиях религии, кроме того, обращается внимание на традиционность и нетрадиционность, которые являются необходимыми качествами любой культурно-исторической формы религии. Так, по мнению Е. В. Бурлуц-

⁵⁰ Захаров А. В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 112.

⁵¹ Калайков С. Ю. Взаимодействие традиции и новации как проблема риторического конструирования социальной реальности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2004. С. 8.

⁵² Подробнее см.: Ефименко М. Н. Религиозная традиция как предмет социально-философского анализа: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. М.: Моск. пед. пос. ун-т, 2001. С. 14.

кой, «традиционность проявляется в реализации содержания религии, выражающегося в исторической устойчивости, консервативности, инерционности, преемственности, массовости, компромиссном отношении к светскому образу жизни и светской культуре. Нетрадиционность заключается в такой реализации содержания религии, которое отличается преобладанием инновационного элемента, бессистемностью, эклектичностью, динамичностью, оппозиционностью, автономностью, приоритетом индивидуального религиозного опыта»⁵³. Таким образом, конфессиональная компонента в этнической культуре обладает рядом функций, привнося качественную специфику в ее содержание.

Общеизвестно, что ни одна культура не может существовать и развиваться изолированно, в отрыве от культур других этносов. Объективные потребности и интересы этносов заставляют их взаимодействовать, коммуницировать в разных сферах культуры. На основе этого происходит ознакомление одного этноса с образом жизни и культурными традициями другого этноса. Как справедливо отмечал американский политолог Р. Такер, «сколь бы ни была революция новаторской в культурном отношении – в смысле создания новых институтов, убеждений, ритуалов, идеалов и символов – национальный культурный этос продолжает свое существование многими путями, причем в одних сферах жизни более устойчиво, чем в других. Со временем происходит процесс адаптации, посредством которого элементы дореволюционного культурного прошлого нации ассимилируются в новую революционную культуру, которая таким образом принимает форму амальгамы старого и нового»⁵⁴.

Таким образом, еще раз акцентируем внимание, что распространенным среди исследователей является способ рассмотрения культуры

⁵³ Бурлуцкая Е. В. Традиционность и нетрадиционность как формы реализации религиозного содержания в культуре: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т, 2003. С. 11.

⁵⁴ Toker R. Political Culture and Leadership in Soviet Russia. N. Y., 1987. Pp. VII–VIII // Цит по: Ачкасов В. А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сб. ст. Вып. 1 / Под ред. Ю. Н. Солонина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 177.

в связке с понятием традиции, традиционной культуры. Традиция может рассматриваться и как синоним культуры, и как ее структурный элемент. Справедлив вывод С. В. Медведко, что при таком подходе система представляется в виде своеобразной матрешки «традиция – репрезентант – культура – этнос – цивилизация»⁵⁵.

В контексте задач настоящего исследования важным представляется рассмотрение культуры, в частности, этнической культуры, как способа этнической самоидентификации, социального самовыражения и самоутверждения. Согласимся с мнением Д. М. Володихина, С. В. Алексеева, К. С. Бенедиктова и Н. В. Иртениной, что «культура вырабатывает компенсаторные механизмы, позволяющие более или менее безболезненно выдерживать груз традиции. Прежде всего, здоровая культура внутри каждой цивилизации рождает органический метод адаптации «своих» к «чужакам», т.е. индивидам, принадлежащим к другим цивилизациям, имеющим иную идентификацию. Массовая ксенофобия – естественное состояние социального организма цивилизационного уровня. Она обеспечивает на рефлекторном уровне поддержку «своим» и создает достаточно четкую градацию психологических реакций на «чужака». Этот «чужак» – опаснее другого, а тот – совсем почти домашний, с близкородственной идентификацией»⁵⁶.

Таким образом, значение традиции в процессе возникновения, сохранения, воспроизведения культуры, ее способность воспроизводить закреплённые в ней образцы прошлого, ценности и смыслы всей совокупной жизнедеятельности в изменяющихся условиях социального бытия, возможность возрождения при помощи традиции забытого, но необходимого для легитимации нового, прошлого – все это выявляет полифункциональный характер традиций для культуры. Понимание сущности и функционального своеобразия традиции

⁵⁵ Медведко С. В. Функции традиций во взаимоотношениях религии и политики // Годичные научные чтения «Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты». Вып. 7: Обновление России: трудный поиск решений. М., 1999. С. 200.

⁵⁶ Володихин Д. М., Алексеев С. В., Бенедиктов К. С., Иртенина Н. В. Традиция. Сила постоянства (историко-философский феномен традиции). М.: ЗАО «Мануфактура», 2004. С. 12.

необходимо для построения концептуальной модели культуры в целом, а также для осмысления отдельных ее форм в их историческом прошлом и прогнозируемом будущем.

Для исследования культурных трансформаций тех или иных локальных сообществ существенно значимо исследование соотношения традиционного и новационного в культуре. Интересной в данном контексте представляется трактовка проблем трансформации традиции Ш. Эйзенштадтом в работе «Традиция, изменения и современность». Он, в частности, пишет, что «традиционное общество постоянно меняется», и изменения эти могут быть как малыми, так и глобальными, связанными с трансформацией всего социального каркаса общества. В традиции, с его точки зрения, присутствуют в единстве творческая и консервативная составляющие. «На структурном уровне она (экспансия) выражается в попытке изменить границы групп, организаций, социальных систем, во взаимодействии между этими границами и в возможности развития новых ресурсов и новых уровней структурной дифференциации. На символическом уровне она дана в комбинированной возможности расширения, рационализации и развития новых измерений человеческого существования и новых аспектов существующих измерений»⁵⁷. Носителем консервативной составляющей, по преимуществу, является «большинство не склонное к рефлексии» и связана она с институализацией традиции. В связи с этим Ш. Эйзенштадт концентрирует внимание на взаимоотношении традиции и харизмы, которую М. Вебер называл «единственной революционной силой традиционного общества»⁵⁸.

Традиционность и современность могут и не быть взаимодополнительными при становлении той или иной культуры, а инновации могут выполнять и разрушительные функции в отношении традиционных форм, препятствовать воспроизводству их содержания. В таком контексте гибридные культурные формы утрачивают органичную связь с тем прошлым, которое их породило. С. А. Арутюновым выдвигался тезис о необходимости учитывать, каким образом – как дис-

⁵⁷ Eisenstadt S. N. Tradition, Change and Modernity. N. Y., 1973. P. 253.

⁵⁸ Ачкасов В. А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма. С. 179.

сонанс или как созвучие – входят инновации в основные тенденции внутреннего становления данной культуры⁵⁹. Он различает четыре этапа инновации (селекция, копирование, модификация, структурная интеграция), но указывает на принципиальную неодинаковость судьбы как инноваций, так и взаимодействующих с ними традиций. Неодинакова и роль различных инноваций. Остановившись на этапе копирования, инновация способна порождать ряд элементов культуры этноса, тогда как инновация, поднявшаяся на ступень интеграции, формирует этническую культуру как целое.

Иными словами, такие инновации качественно меняют весь облик этноса. Действие инноваций в культуре напоминает «дрожжевой» эффект: инновация, которая в принципе может начинаться в любой отдельно взятой сфере культуры и в любой социальной прослойке или группе, обычно рано или поздно в той или иной мере приводит к некоторым изменениям и в других культурных сферах и социальных группах⁶⁰. Традиции и инновации практически растворяются друг в друге в «традициологии» Э. С. Маркаряна⁶¹. В динамическом рассмотрении, согласно его взглядам, традиции задают инновациям их общую направленность, а инновации превращаются в традиции. Эти механизмы служат ее адаптации к постоянно меняющейся среде. Парадоксальным образом «процесс формирования традиции очень сходен с распространением новаций», – пишет П. Штомпка⁶².

В рамках полемики о соотношении традиций и инноваций в культуре, прошлого и современного, архаического и современного привлекает внимание точка зрения М. П. Денисюк, которая отмечает, что традиции не могут быть только нормами и принципами общественных отношений, способами общественной деятельности, наследием прошлого или нормами поведения людей. В них в специ-

⁵⁹ Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Советская этнография. 1982. № 1. С. 8–21.

⁶⁰ Там же. С. 21.

⁶¹ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1982. № 2. С. 78–97.

⁶² Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 92.

фических формах закрепляются результаты не только прошлого опыта, но и современной общественной практики, лучшие образцы, достигнутые во всех областях социальной жизни⁶³. Автор справедливо отмечает, что традиции выступают не только как нечто, транслируемое от минувших поколений, они предстают не только формами, передаваемыми и приобретенными, но и актуально создаваемыми новыми поколениями. Ценность данной позиции заключается в том, что в ней не разводятся традиции и новации в культуре как абсолютные противоположности.

В связке традиционной этнической культуры с социально-экономическим развитием региона значимы выводы А. П. Гудымы, которая, основываясь на собственных исследованиях, фиксирует проблематику экономического неотрадиционализма. Для нашего исследования значимой представляется позиция автора, в рамках которой оговаривается важность ревитализации хозяйственной культуры, как основы воспроизводства этничности. Исследователь констатирует, что «большая группа ученых выдвинула концепцию «Северного неотрадиционализма», представляющую собой обоснование традиционного природопользования, натурального хозяйства и рыночных отношений с опорой на помощь государства и компенсации от промышленной разработки природных ресурсов Севера (Е. Андреева, С. В. Гусев). В основу северного «неотрадиционализма» авторы положили предоставление народам Севера правовой государственной протекции и свободы самостоятельного развития экономики, культуры и самоуправления. Северный неотрадионализм, понимаемый в социокультурном смысле как реализация права на ту хозяйственную культуру, которая обеспечивает сохранность этноса, оказывается созвучным формирующемуся постиндустриальному обществу. Зарубежный опыт также свидетельствует об учете социокультурных, а не только узкоэкономических подходов. Взаимоотношения с хозяйственными культурами во всех странах арктического круга определяются парадигмой ревитализации традиционной культуры. Ревитализация – многогранная работа, в которой осо-

⁶³ См.: Денисюк М. П. Традиции и формирование личности. Минск, 1979. 198 с.

бое значение имеют поддержание самоуправления народов Севера, участие их в распределении прибылей от разработки природных ресурсов, развитие навыков ассоциации для решения конкретных задач»⁶⁴. Аналогичным образом на стыке этнической культуры и динамики региональных экономических показателей можно исследовать и другие сферы общественного бытия, в частности, влияние развития туризма не только на экономическое благосостояние региона, но и на сферу культуры, и на социальное самочувствие и межэтнические отношения членов региональных сообществ. Так во второй главе монографии нами показано, что на современном этапе развития Республики Алтай экономика региона во многом определяется активно формирующейся туристической отраслью, что имеет результатом урбанистическое развитие Алтая, сопровождающееся благоустройством территорий, развитием коммуникаций и сферы обслуживания, является одной из основных отраслей экономики региона, значимым источником дохода его жителей, а также способствует взаимодействию разнообразных этнических групп на макрорегиональном и мировом уровне. Вместе с тем, как представляется, туристы, с одной стороны, находятся в общем с принимающим сообществом географическом пространстве, включены в экономические отношения, но с другой стороны воспринимаются принимающим сообществом преимущественно как потребители внутрирегиональных ресурсов, по большому счету исключенные из социокультурной сферы жизни принимающего сообщества, либо включенные в нее опять же как потребители. Содержательный анализ взаимодействия экономического развития региона и динамики культурного развития представляется значимой задачей для выявления механизмов консолидации региональных межэтнических сообществ.

Наконец, еще одним существенно значимым, по нашему мнению, культурным показателем тенденций социокультурной динамики межэтнического сообщества является культурно-языковая компонента общественного бытия. Изучение соотношения значимо-

⁶⁴ Гудыма А. П. Парадигма ревитализации хозяйственной культуры народов Севера // Проблемы устойчивого развития: иллюзии, реальность, прогноз: Материалы VI постоянно действующего науч. семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». Томск, 2002. С. 102–110.

сти русского языка как государственного языка федерального уровня с уровнем развития языков титульных этносов исследуемых регионов, а также языков коренных малочисленных народов, проживающих на территории регионов, вскрывает взаимозависимость экономической целесообразности владения родным языком представителями титульных (не русских) этносов, населяющих регионы с вероятностью становления тенденций этнокультурной депрессии и кризиса национальных культур и языков, когда молодежь стремится изучать русский, а не родной язык, в первую очередь потому, что русский язык видится более перспективным с точки зрения возможностей получения высшего образования и трудоустройства за пределами региона, а быть носителем языка своего этноса отходит исключительно в плоскость воспроизводства этнической культуры и этнической идентичности, не имеющей экономической целесообразности.

Таким образом, к культурным показателям нами отнесены как уровень нравственного, социально-культурного развития межэтнического сообщества, так и конкретное состояние и уровень развития культуры на региональном уровне, в том числе охрана культурного наследия и организация этнотуризма. Значимыми компонентами для анализа культурных показателей являются динамика состояния развития национальных языков членов регионального межэтнического сообщества, уровня и качества этнокультурного образования, ревитализация этнической обрядности, качество работы музеев и уровень интереса жителей региона к материальному наследию. Анализ данных показателей на материалах конкретного регионального и/или локального межэтнического сообщества позволяет выявить и систематизировать факторы культурной интеграции регионального межэтнического сообщества.

1.4. Личность. Личностные показатели

Наконец, личностная составляющая триады – именно посредством конкретных личностей как субъектов социальных отношений и культурной деятельности осуществляются, по сути, те трансформации, которые мы в широком смысле называем социокультурными. Роль личности в этих процессах многогранна. Так, с одной стороны,

учитывая, что в современных условиях сохраняется и даже актуализируется отличительность – этнокультурная, языковая, расово-антропологическая, акцентируем внимание на том факте, что данные процессы реализуются посредством личностей – активистов, лидеров, которые с необходимостью обладают рядом психических качеств, харизмой, волей, властью и т. п. С другой стороны, нельзя не учитывать, что личности с не столь выраженной социальной позицией также являются участниками социокультурных трансформаций, и тот срез информации, который мы получаем в результате массовых социологических опросов, есть сумма рефлексий индивидов – участников трансформационных процессов.

К личностным показателям мы отнесли три группы. При этом, по-прежнему исходя из понимания личности, культуры и общества как неразрывной триады, к личностным показателям мы относим, в первую очередь, показатели «ощущений» индивидов, их психологического комфорта или дискомфорта, напряжения, эмоциональное состояние. Личностные показатели можно исследовать посредством анализа социальных идентичностей, социального самочувствия и установок в межэтнических отношениях.

Трансформация системы идентичностей, смена оснований для локальных идентичностей, актуализация этнических, субэтнических, конфессиональных и других видов идентичностей отнесена нами к ключевым личностным показателям социокультурных трансформаций межэтнических сообществ. На первый взгляд актуализация локальных (этнических) идентичностей противоречит формированию полноценной общенациональной идентичности и оказывает негативное влияние на целостность России, идентичность ее граждан с этим целым. Кроме того, как справедливо отмечают О. Е. Ноянзина, С. Г. Максимова, Г. С. Авдеева, Д. А. Омельченко и Н. П. Гончарова, «в настоящее время сформировались основания институционализации новой позиции российских этносов и республик, образованных на их основании: произошло изменение правового статуса республик в составе РФ, избрание в них президентов, утверждение конституций, подписание федеративного договора и целого ряда двусторонних договоров между субъектами федерации и федеральным

центром, принятие законов о языках и об образовании»⁶⁵. В то же время в Конституции Российской Федерации закреплена формула: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов»⁶⁶. Кроме того, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года в явном виде обозначены как задачи укрепления государственного единства и целостности России, так и сохранения этнокультурной самобытности ее народов, «сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, ... активизация всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развитие их национальных языков и культур»⁶⁷.

С целью терминологической определенности отметим, что под идентичностью в самом общем виде мы понимаем осознание личностью своей принадлежности к определенной социальной или личностной позиции. Социальная идентичность является результатом процесса социальной идентификации, в результате которого личность осознает себя частью той или иной группы. Этот процесс позволяет личности организовывать информацию об окружающем мире. Категоризация групп, сопутствующая процессу социальной идентификации личности, направлена на заострение различий между категориями и их смягчение между элементами внутри одной категории, так для личности формируются группы «своих» и «чужих». В случае категоризации в ту или иную социальную группу члены данной группы стремятся сохранять позитивную социальную идентич-

⁶⁵ Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Омельченко Д. А., Гончарова Н. П. Этническая и гражданская идентичность населения современного региона России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 6 (128). С. 201.

⁶⁶ Конституция Российской Федерации // Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 15.05.2016).

⁶⁷ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (п. 2, раздел I: Общие положения) // Министерство национальной политики Удмуртской Республики. URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата обращения 15.05.2016).

ность⁶⁸. Идентификация как процесс соотнесения себя с группой и идентичность как результат этого процесса являются необходимыми составляющими социальности человека: так он конструирует свое «я» и встраивается в социум. Осознание личностью своей социальной идентичности обязательно проходит через обращение к себе как к наследнику и носителю определенных черт характера, традиций, ценностей, особенностей культурно-исторического развития той или иной социальной группы. Становление социальной идентичности формирует у личности восприятие себя в составе целого и отражается в особенностях мироощущения, мировоззрения, эмоционального склада, поведения, специфике коммуникативных актов⁶⁹.

Сложная система, которую представляют собой разные виды социальных идентичностей личности, отражает ее принадлежность к разным социальным группам. Структура системы социальных идентичностей личности многомерна, но в фокусе данного исследования находятся лишь некоторые ее компоненты: общенациональная (государственная), этническая (включая субэтническую), макрорегиональная (выраженная «сибирским» измерением) и региональная идентичности. Разнообразие перечисленных видов идентичности и сила их выраженности в сознании носителей может стать как основанием для гармоничных взаимоотношений между людьми, так и причиной противоречий и конфликтов на уровне государств, народов, регионов, населенных пунктов. Согласимся с О. Богатовой, что «одна из актуальных проблем современного российского общества, как и других полиэтнических и мультикультурных сообществ, заключается в интеграции различных в этническом и культурном отношении социальных групп при сохранении существующего этнокуль-

⁶⁸ Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Изд-во РГПУ, 2008. С. 11.

⁶⁹ Барсукова Е. Н., Романенко И. Б. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4 (25). С. 193.

турного многообразия и гарантий как коллективных, так и личных культурных и социальных прав»⁷⁰.

Каждый из перечисленных видов идентичности прежде всего имеет отношение к общей территории проживания социальной группы, будь эта территория вписана в границы целой страны или муниципального образования. Однако, помимо территории каждый из видов идентичности актуализирует в сознании носителя свои специфические ментальные и поведенческие характеристики.

Стоит отметить, что мы рассматриваем понятие гражданская идентичность как синонимичное государственной и общенациональной идентичности. Как отмечает Е. А. Кочина, «наиболее распространённая интерпретация термина гражданская идентичность в отечественной социологической литературе рассматривается как осознание собственной причастности к сообществу граждан определённого государства»⁷¹. Эта точка зрения не является единственной существующей. В частности, А. В. Буханцова и С. В. Кущенко подчёркивают важность различения государственной и гражданской идентичностей, что соотносится с одним из современных пониманий гражданства. «Гражданская идентичность, в отличие от государственной и тем более этнической идентичности, не подразумевает единой культуры, одной ценностной ориентации или мифической “национальной территории”»⁷². Аналогичного мнения придерживается Л. М. Дробижева⁷³. П. В. Григорьев считает, что «гражданская (российская) идентичность – это свободное отождествление человека с российской нацией (народом); включённость человека в общественную, культурную жизнь страны, осознание себя россиянином; ощущение причастности к прошлому, настоящему и будущему рос-

⁷⁰ Богатова О. А. Этнорегиональная и национально-гражданская идентификация в структуре социальной идентичности населения Республики Мордовия // Власть. 2011. № 5. С. 110.

⁷¹ Кочина Е. А. Гражданская идентичность в полиэтническом регионе как элемент национальной идентичности // Инновационная наука. 2015. Т. 2. № 6(6). С. 255.

⁷² Буханцова А.В., Кущенко С.В. Гражданская идентичность как ресурс консолидации общества // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 2 (24). С. 113–114.

⁷³ Дробижева Л. М. Российская идентичность в массовом сознании // Вестник российской нации. 2009. № 1. С. 135–146.

сийской нации»⁷⁴. Согласимся с позицией М. Т. Шергалиевой, что «понятие гражданская идентичность равнозначно понятию «государственная (национальная) идентичность в тех случаях, когда последнее рассматривается в рамках подхода к нации как к согражданству, общности, организованной по государственно-политическому признаку (Б. Андерсон, А. Смит, Э. Гелленер и др.). В данном подходе категории национальная и гражданская общность совпадают»⁷⁵. В работах Р. Ю. Шиковой содержательно гражданская идентичность представляет собой лояльность населения государству, которая достигается через оформление отношений прав и обязательств между властью и гражданином, эмоциональную привязанность к стране, включает в себя отождествление с гражданами страны, подкрепленную политической и общественной самоорганизацией (язык, ментальность, мира, социокультурные ценности, нормы поведения, солидарность, гордость, обиды и т.п), то есть это и готовность личности к принятию активного участия в жизни государства⁷⁶. Автор фиксирует значимость соотношения объективной и субъективной составляющих гражданской идентичности, которым определяется степень ее целостности и функциональности для обеспечения социального воспроизводства через осуществление соответствующих социальных практик: в стабильном обществе доминирует объективная составляющая; преобладание субъективной составляющей гражданской идентичности происходит в период радикальных трансформаций социокультурных ценностей и норм в обществе⁷⁷. Таким образом, общенациональная (гражданская) идентичность является фак-

⁷⁴ Григорьев Д. В. Формирование гражданской идентичности современного школьника // Интернет-конференция «Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования». URL: <http://proektpatriot2.jimdo.com/гражданская-идентичность/> (дата обращения 06.10.2017).

⁷⁵ Шергалиева М. Т. К методологии проблемы идентичностей: социальная, личная, этническая и гражданская // Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 105.

⁷⁶ Шикова Р. Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 112–113.

⁷⁷ Там же. С. 113.

тором, консолидирующим массовое сознание вокруг интересов страны, поэтому высокая степень выраженности данного компонента является залогом политической и духовной консолидации и единства национальной общности⁷⁸. Отметим также, что существенно значимым аспектом гражданской общенациональной идентичности являются мысли и чувства о стране, в которой проживает человек, эмоциональная привязанность, а базовым идентифицирующим механизмом гражданской идентичности является патриотизм, чувство гордости за свою страну⁷⁹. В последние годы ряд исследователей отмечает рост гражданской идентичности через актуализацию процесса идентификации с российской общностью в массовом сознании россиян: «в последнее десятилетие российскими социологами были получены данные, свидетельствующие о том, что эта общность (россияне – авт.) в XXI веке представляет собой уже нечто большее, чем проект. Сознание принадлежности к такому сообществу, как «россияне» стало частью социальной идентичности большинства граждан России»⁸⁰. Стоит отметить также, что «в кросскультурных сравнительных исследованиях гражданская идентичность измеряется ответственностью за дела в стране, готовностью действовать во имя ее интересов, доверием к окружающим, участием в общественных акциях, проявлениями солидарности»⁸¹.

Говоря об этнической идентичности, стоит отметить, что сам термин «этничность» не столь давно введен в гуманитарный научный дискурс. Считается, что первым его использовал американский социолог Д. Рисман в 1953-м году⁸². Проблемное поле дискурса эт-

⁷⁸ Санина А. Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 12. Вып. 4. С. 282.

⁷⁹ Кочина Е. А. Гражданская идентичность в полиэтническом регионе как элемент национальной идентичности. С. 256.

⁸⁰ Богатова О. А. Этническая, религиозная и гражданская идентичность в регионе // Регионология. 2009. №3. С. 251.

⁸¹ Буханцова А. В., Куценко С. В. Гражданская идентичность как ресурс консолидации общества // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 2 (24). С. 114.

⁸² Эриксен Т. Х. Что такое этничность? // Ethnicity and Nationalism. 2002 // Диалог. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page8768.html> (дата обращения 15.10.2017).

ничности является достаточно широким и неоднозначным. Как отмечает, например, С. Лурье, «на этничность смотрят то как на способ политического манипулирования с целью захватить или усилить свое влияние, то как на врожденное чувство принадлежности к определенной группе, то как на психологически комфортную идентичность. Исследования этничности иногда определяются как исследования национальных меньшинств и проблем мигрантов, иногда как исследование любых этнических проблем. Прилагательное «этнический» может обозначать «относящийся к этносу», а может – «проживающий в инокультурной среде». Под понятие «этнос» подводится то лингвистическое, то биологическое, то культурное, то политическое основание»⁸³.

В данном исследовании мы рассматриваем сам этнос (этническую группу) с позиций, близких сформулированным Ю. В. Бромлеем: этносы характеризуются определенными собственно этническими свойствами (язык, культура, этническое самосознание, закрепленное в самоназвании), эти свойства формируются в соответствующих условиях: территориальных, природных, социально-экономических, государственно-правовых⁸⁴. Соответственно, этническая идентичность реализуется через осознание важности, в первую очередь, языка и культуры, а также потребности в их трансляции последующим поколениям. Часто исследователи подчеркивают важность этнической идентичности для формирования систем внутренней культуры и ценностных ориентиров личности этнофора: «выступая как особый род бытия, этническая идентичность помещает индивида в определенную систему координат, позволяет реализовать себя в своем отношении к бытию как таковому. Она помогает человеку соединиться с другими людьми и избежать одиночества. И в этом единении он может открыть для себя ответы на ряд важнейших вопросов его жизни, в том числе и мировоззренческого характера: вопросы выбора смысла жизни, выяснение своих отношений с иным, самообретения своей целостной лично-

⁸³ Лурье С. Национализм, этничность, культура // *Общественные науки и современность*. 1999. № 4. С. 101.

⁸⁴ Бромлей Ю. В. *Очерки теории этноса*. М.: Наука, 1983. С. 82–83.

сти»⁸⁵. Кроме того, этническая идентичность тесно связана с воспроизводством этничности – сложным, многоуровневым и многосубъектным процессом, для понимания которого, по мнению Л. В. Сагитовой, важно проследить содержание и действие объективных условий (экономика, политика, культура и т.д.) и субъективного фактора (социализация, личностная идентификация, установка и этнические стереотипы)⁸⁶.

В полиэтничном обществе именно этническая идентичность выходит на первый план при повышении уровня межэтнической напряженности, и в нестабильной этнокультурной ситуации служит катализатором возникновения быстро вспыхивающих межэтнических конфликтов. В последнее время, как замечает В. А. Тишков, «этнический фактор стал одним из важнейших параметров общественной жизни и приобрел манифестные, а во многих случаях – конфликтные формы»⁸⁷. Работающий на подсознательном уровне «кодификатор» реагирует на иной оттенок кожи, разрез глаз или акцент, тут же присваивая носителю этнических признаков категорию «свой» или «чужой». Так, с точки зрения Э. Хобсбаума, этничность «позволяет дать четкое выражение групповой идентичности, внушить всем членам группы («нам») чувство сплоченности, подчеркивая их отличие от «других»⁸⁸. М. Т. Шергалиева рассматривает этническую идентификацию как социальный процесс, в котором понятия культурных различий заданы социальным контекстом и связаны с процессом стратификации или борьбой за получение ресурсов. «Этническую идентичность можно определить как составную часть

⁸⁵ Мухлынкина Ю. В. Социально-философский анализ структуры этнической идентичности // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2014. № 8 (8). С. 88.

⁸⁶ Сагитова Л. В. Этничность в современном Татарстане. Воспроизводство этничности в татарстанском обществе на рубеже 1980–1990-х гг. (по материалам республиканской прессы и этносоциологических исследований). Казань, 1998. 183 с.

⁸⁷ Тишков А. В. Этничность и национализм в постсоветском пространстве // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. Омск, 1993. С. 271.

⁸⁸ Хобсбаум Э. Национализм и этничность // Национализм (Взгляд из-за рубежа): Реф. сб. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 1995. С. 86.

социальной идентичности личности, предполагающую осознание личностью своей принадлежности к определенной этнической общности. Этническая идентичность – результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем определенного этноса на основе отождествления с ним и дифференциации от других этносов. Иначе говоря, переживание личностью тождества с одной этнической общностью и отделения от других. Этническая идентичность может носить как положительную, так и отрицательную окраску, т.е. позитивная и негативная идентичности⁸⁹. В социальном плане осознание человеком своей этнической идентичности может быть выражено в разных формах, во многом зависящих от стабильности этнокультурной ситуации. При низком уровне межэтнической напряженности этническая идентичность чаще всего выражается в форме этнопатриотизма, однако при усложнении ситуации она может принять форму национализма и стать причиной межэтнических и межнациональных конфликтов. Важно также, что чувство этничности бывает обострено у не доминирующих общностей⁹⁰.

Основанием макрорегиональной идентичности, проиллюстрированной нами во второй главе данной монографии «сибирской» идентичностью, является не только принадлежность к определенной территории. А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская отмечают, что к способам интерпретации дефиниции «сибиряки» можно отнести региональную (сибиряки – те, кто родился и долго живет в Сибири), культурно-историческую (сибиряки – коренные, местные жители Сибири), психологическую (сибиряки – особые по складу здоровья, характера и ума люди) и этническую (сибиряки – смесь нескольких этносов, среди которых русские, украинцы, татары и др.) составляющие. Важно, что сибирская компонента идентичности часто проявляется не сама по себе, а в противопоставлении с федеральным центром, олицетворенным в массовом сознании в образе «Москвы»: «нарративы жителей Сибири, полученные в ходе исследования, де-

⁸⁹ Шергалиева М. Т. К методологии проблемы идентичностей: социальная, личная, этническая и гражданская // Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 103.

⁹⁰ Волкогонова О. Д., Татаренко И. В. Этническая идентификация русских, или искушение национализмом // Мир России. 2001. № 2. С. 151.

монстрируют важность самоидентификации “сибиряк” в контексте осознаваемых различий между европейской Россией, Москвой и “тем, что за Уралом”, – азиатской Россией и Сибирью. Эти различия касаются, прежде всего, отношения центра к сибирской территории, к способам ее освоения, которые часто описываются информантами в терминах отношений между метрополией и колониями»⁹¹.

Регионально-территориальная идентичность, выраженная в принадлежности личности к своей республике, округу или области, отражает моменты, связанные с единством территории, общими чертами социально-экономических условий жизни, некоторыми разделяемыми этнокультурными особенностями, а также элементами рефлексии о региональном политическом процессе. А. А. Алаудинов связывает данный компонент системы идентичностей с понятием «малая родина» и считает, что региональная идентичность является основой формирования местного патриотизма⁹². В то же время, региональная идентичность может быть рассмотрена как инструмент для формирования политики регионализма. Г. С. Денисова предполагает, что «регионализм формируется также и “снизу”, как стратегия территорий, направленная на защиту собственных интересов. И в этом качестве регионализм выступает необходимым условием формирования гражданского общества и федеративного порядка»⁹³.

Таким образом, по нашему мнению, этническая идентичность может достаточно гармонично сосуществовать (и сосуществует) с гражданской идентичностью. Принципиально значимым представляется, что в таком личностном показателе, как социальная идентичность, в снятом виде присутствуют и социальные, и культурные показатели через культурно-языковую компоненту общественного бытия. Как представляется, укрепление локальных этниче-

⁹¹ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. Новосибирск: НГУ, 2012. С. 76–77.

⁹² Алаудинов А. А. Региональная идентичность: понятие, содержание и структура // Перспективы науки. 2014. № 9 (60). С. 137

⁹³ Денисова Г. С. Структура региональной идентичности городского и сельского населения Ростовской области // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 1 (1). С. 83.

ских идентичностей может и должно являться фундаментом формирования общероссийской гражданской идентичности. Самоидентификация посредством обращения к культурной памяти является для современного российского общества более продуктивной, чем поиски идентичности в мире «западных» ценностей, привносимых глобализацией.

Еще одним из ключевых личностных показателей является социальное самочувствие, которое выявляется в соответствии со следующими критериями: степень удовлетворенности личности различными сторонами жизни; ожидания от будущего; а также, в том числе, восприятие собственной идентичности. Стоит отметить, что социальное самочувствие является также показателем социального благополучия членов межэтнического сообщества.

Анализ социального самочувствия может быть реализован посредством сопоставления двух его показателей – удовлетворенность своей жизнью в настоящем и уверенность/неуверенность в будущем. Такой анализ позволяет выявить тенденции социального оптимизма/пессимизма, подтвердить или опровергнуть гипотезы о социальных ориентациях личностей – членов межэтнических сообществ, оценке своего общественного положения, уровня удовлетворения разного рода потребностей, интересов (политического, экономического, культурного, идеологического и др. характера). Формируясь в процессе социальных взаимодействий, в том числе межэтнического характера, становление социального самочувствия происходит в результате сопоставления собственных ресурсов и возможностей для удовлетворения своих потребностей с аналогичными возможностями других членов межэтнических сообществ. Значимой компонентой социального самочувствия является представление о социальной справедливости. Анализ значений показателей социального самочувствия и уровня удовлетворенности жизнью позволяет делать заключения и прогнозы о уровне притязаний и локальных (субъективных) представлениях о социальном благополучии членов локальных межэтнических сообществ. Сопоставительный анализ таких показателей с формальными показателями (на примере показателей индекса человеческого развития) позволяет зафиксировать объективные тенденции социокультурной динамики и отклик жителей конкретного региона на трансформации, их готовность принимать

или противостоять изменениям социально-экономических, политических и иных условий.

Кроме того, социальное самочувствие влияет на характер отношений представителей различных этносов и субэтнических групп внутри межэтнического сообщества, на эмоции, испытываемые к представителям своей и других, «чужих» групп, что актуализирует необходимость отдельного исследования такого личностного показателя, как установки в межэтнических отношениях. На такого рода установки и обострение социальной (в т. ч. межэтнической) напряженности может оказывать влияние целый комплекс факторов, экономического, культурного и другого плана, на первый взгляд, совершенно не связанных с сферой межэтнических отношений. Так, в частности, как уже упоминалось выше, нами выявлено влияние развития туристической отрасли на Алтае на уровень социальной напряженности в региональном сообществе.

Анализ такого рода установок в межэтнических отношениях исследуется как качественными, так и количественными социологическими и социально-психологическими методами. Во второй главе данной монографии мы подробно анализируем установки в межэтнических отношениях на основе таких показателей, как оценка характера взаимоотношений в ближнем и дальнем радиусах социального окружения, преобладающие отношения между людьми разных национальностей, представления о динамике межнациональных отношений и вероятности возникновения межэтнических конфликтов и др. Особую значимость анализ таких установок приобретает в связи с растущей интенсивностью миграционных потоков в Российской Федерации, что актуализирует проблематику отношения к мигрантам местного населения, а также отношения самих мигрантов – представителей разных этнических групп к представителям принимающего сообщества и друг к другу. Комплексный анализ такого рода установок является, на наш взгляд, одной из важнейших задач для исследования динамики этносоциальных процессов в локальных межэтнических сообществах.

Подводя итог в данной главе, подчеркнем, что социокультурный подход в этносоциологическом исследовании социокультурной динамики региональных межэтнических сообществ представляется наиболее приемлемым, поскольку понимание общества как

единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека, позволяет акцентировать региональную специфику этносоциальных процессов наряду с магистральной линией развития современной России как социокультурной целостности. Сама социальная и экономическая ситуация, а именно - дифференциация регионов России по уровню социально-экономического развития, приводящая к их условной стратификации и выделению среди них более развитых и успешных, а также отстающих, депрессивных, актуализирует исследование специфики социального развития на региональном уровне. В рамках социокультурного подхода региональные социокультурные трансформации исследуются нами как целостное явление современной реальности, актуальное как для отдельного индивида, так и для локальных сообществ и всего российского социума.

Специфика исторического развития, а также социально-экономическое своеобразие обуславливают яркость иллюстраций региональной специфики социокультурных трансформаций, что дает основания для фиксации актуальности исследования социальных, культурных, личностных показателей динамики региональных межэтнических сообществ с использованием социокультурного подхода в регионах Сибири.

Отметим, что важной перспективной задачей данного исследования представляется анализ изменения исследуемых показателей в многолетней динамике, так как она отражает основные векторы внутрирегиональной трансформации. Исследование динамики данных показателей может показать достоинства и слабые места работы органов региональной власти, динамику удовлетворенности социальных потребностей, степень достижения конкретных экономических целей региона, возможности их корректировки и уточнения.

Список литературы

Абдулатипов Р. Г. Создание российской нации // Российская газета. 2003. 28 авг. № 3284.

Аблажей А. М. Современная экономическая и этносоциальная ситуация в Эвенкийском автономном округе // Этносоциальные про-

цессы в Сибири: Темат. сб. / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 123–130.

Алаудинов А. А. Региональная идентичность: понятие, содержание и структура // Перспективы науки. 2014. № 9 (60). С. 134–137.

Андреева И. С. К столетию со дня рождения Х.-Г. Гадамера: проблема традиции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 2. С. 154–163.

Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.

Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Советская этнография. 1982. № 1. С. 8–21.

Ахизер А. С. От закрытого к открытому обществу – путь противостояния катастрофам // Рубежи. 1997. № 7. С. 29–61.

Ахизер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А., Яковенко И. Г., Яркова Е. Н. Большевизм – социокультурный феномен (опыт исследования) // Вопросы философии. 2001. № 2 С. 28–41.

Ачкасов В. А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сб. ст. Вып. 1 / Под ред. Ю. Н. Солониной СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2004. С. 173–191.

Барсукова Е. Н., Романенко И. Б. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4 (25). С. 193–196.

Белокопыт А. Н. Этносоциальные процессы в условиях социальной трансформации: на примере Ставропольского края: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2004. 22 с.

Богатова О. А. Этническая, религиозная и гражданская идентичность в регионе // Регионоведение. 2009. №3. С. 249–260.

Богатова О. А. Этнорегиональная и национально-гражданская идентификация в структуре социальной идентичности населения Республики Мордовия // Власть. 2011. № 5. С. 110–115.

Бойцов Л. Отцы и дети: корневой вопрос современной жизни // Российская Федерация сегодня. 2006. № 2. С. 33.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.

Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 333 с.

Бурко А. А. Интерпретация показателя «социальное самочувствие» // Социология и общество: Тез. I Всерос. социол. конгр. «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб.: Изд-во «Скифия», 2000. С. 56.

Бурлуцкая Е. В. Традиционность и нетрадиционность как формы реализации религиозного содержания в культуре: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т, 2003. 29 с.

Буханцова А.В., Куценко С.В. Гражданская идентичность как ресурс консолидации общества // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 2 (24). С. 112–117.

Волкогонова О. Д., Татаренко И. В. Этническая идентификация русских, или искушение национализмом // Мир России. 2001. № 2. С. 149–166.

Володихин Д. М., Алексеев С. В., Бенедиктов К. С., Иртенина Н. В. Традиция. Сила постоянства (историко-философский феномен традиции). М.: ЗАО «Мануфактура», 2004. 184 с.

Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 325 с.

Григорьев Д. В. Формирование гражданской идентичности современного школьника // Интернет-конференция «Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования». URL: <http://proektpatriot2.jimdo.com/гражданская-идентичность/> (дата обращения 06.10.2017).

Гудыма А. П. Парадигма ревитализации хозяйственной культуры народов Севера // Проблемы устойчивого развития: иллюзии, реальность, прогноз: Материалы VI постоянно действующего науч. семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». Томск, 2002. С. 102–110.

Даргын-оол Ч. К. Культура как основа социального развития регионов России (на примере Тувы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 40–44.

Денисова Г. С. Структура региональной идентичности городского и сельского населения Ростовской области // Наука и образование:

хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 1 (1). С. 82–90.

Денисюк М. П. Традиции и формирование личности. Минск, 1979. 198 с.

Дробижева Л. М. Российская идентичность в массовом сознании // Вестник российской нации. 2009. № 1. С. 135–146.

Дробижева Л. М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2004. С. 16.

Ефименко М. Н. Религиозная традиция как предмет социально-философского анализа: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. М.: Моск. пед. пос. ун-т, 2001. 36 с.

Ефимов Е. Г. Социокультурный подход как методологическое основание исследования современного социально-экономического развития России // Условия, ресурсы и факторы развития России в XXI веке: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (20–22 окт. 2009 г.) Волгоград, 2009. С. 269–272.

Захаров А. В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 105–115.

Калайков С. Ю. Взаимодействие традиции и новации как проблема риторического конструирования социальной реальности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2004. 23 с.

Квеско Р. Б., Муравская Е. Н., Квеско С. Б., Чайковский В. Д. Организация управления и администрирования в социальной работе (менеджмент социальной работы): Учеб. пособие. Томск, 2009. 136 с.

Кирдина С. Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. URL: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=219&Itemid=58&lang=ru (дата обращения 11.10.17).

Конституция Российской Федерации // Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 15.05.2016).

Кочина Е. А. Гражданская идентичность в полиэтническом регионе как элемент национальной идентичности // Инновационная наука. 2015. Т. 2. № 6 (6). С. 255–257.

Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М.: Изд-во «Экзамен», 2002. 448 с.

Лапин Н. И. Россия как реальность. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России, 2000. № 3. С. 3–47.

Лапин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

Лурье С. Национализм, этничность, культура // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 101–111.

Малкандуев А. М. Нравственные аспекты и системный характер традиций этнической культуры. Нальчик: Полиграфсервис, 2004. 164 с.

Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1982. № 2. С. 78–97.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 70–78.

Медведко С. В. Функции традиций во взаимоотношениях религии и политики // Годичные научные чтения «Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты». Вып. 7: Обновление России: трудный поиск решений. М., 1999. С. 199–204.

Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Изд-во РГПУ, 2008. 118 с.

Михайленок О. М. Российская политология и вызовы современного общества. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2011. 199 с.

Мухлынкина Ю. В. Социально-философский анализ структуры этнической идентичности // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2014. № 8 (8). С. 87–92.

Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Омельченко Д. А., Гончарова Н. П. Этническая и гражданская идентичность населения современного региона России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 6 (128). С. 200–204.

Павловская О. В. Построение обобщающего показателя социального развития региона и анализ его динамики на примере Кемеровской области // Современные тенденции развития науки и произ-

водства: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. (23–24 октября 2014 г.): в 4 т. Кемерово: ООО «ЗапСибНИЦ», 2014. Т. 1. С. 65–68.

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Динамика социокультурных процессов в сообществах: тенденции, основные показатели // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 3. С. 75–85.

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: теоретико-методологические и методические основы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 111–117.

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Концептуальные и методические основы организации социокультурного мониторинга муниципально-го межэтнического сообщества // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 3. С. 149–160.

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурная динамика: концептуальные подходы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 2. С. 68–74.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Гончарова Г. С., Мархинин В. В., Удалова И. В., Костюк В. Г. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / под ред. Попкова Ю.В. Новосибирск, 2015. 273 с.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Костюк В. Г. Этносоциальные процессы в современной Евразии: история и современность // Этносоциальные процессы в Сибири: Темат. сб. / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск, 2006. Вып. 7. С. 12–31.

Прохоров Б. Б. Экология человека: терминологический словарь. Ростов на/Д: Феникс, 2005. 476 с.

Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г. В. Осипова, Москва: Изд-во НОРМА, 1998. 666 с.

Сагитова Л. В. Этничность в современном Татарстане. Воспроизводство этничности в татарстанском обществе на рубеже 1980–1990-х гг. (по материалам республиканской прессы и этносоциологических исследований). Казань, 1998. 183 с.

Санина А. Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 12. Вып. 4. С. 281–286.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (п. 2, раздел I: Общие положения) // Министерство национальной политики Удмуртской Республики. URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата обращения 15.05.2016).

Суханов И. В. Обычаи, традиции, преемственность поколений. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1976. 216 с.

Тишков А. В. Этничность и национализм в постсоветском пространстве // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. Омск, 1993. С. 265–277.

Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. 284 с.

Тюгашев Е. А. Социокультурный подход: эпистемологический статус и содержание // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Новосибирск: НГАЭиУ, 2011. Вып. XIII. С. 8–25.

Хобсбаум Э. Национализм и этничность // Национализм (Взгляд из-за рубежа): Реф. сб. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 1995. 135 с.

Цапиева О. К., Муслимов Т. К. Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Дагестане и новейшие конфликты // Россия и мусульманский мир. 2008. № 2. С. 77–93.

Чемчиева А. П. Этносоциальная ситуация в Улаганском районе Республики Алтай // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6 (43). С. 472–475.

Шергалиева М. Т. К методологии проблемы идентичностей: социальная, личная, этническая и гражданская // Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 105.

Шергалиева М. Т. К методологии проблемы идентичностей: социальная, личная, этническая и гражданская // Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 100–105.

Шикова Р. Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 112–113.

Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

Эриксен Т. Х. Что такое этничность? // Ethnicity and Nationalism. 2002 // Диалог. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page8768.html> (дата обращения 15.10.2017).

Eisenstadt S. N. Tradition, Change and Modernity. N. Y., 1973. P. 253.

Tuker R. Political Culture and Leadership in Soviet Russia. N. Y., 1987. Pp. VII–VIII.

Глава 2

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Социально-экономическая характеристика Республики Алтай.

Республика Алтай, которую также часто называют Горным Алтаем, располагается в южной части Сибирского федерального округа. Она граничит с Алтайским краем, Кемеровской областью, республиками Хакасия и Тыва, а по южной и юго-западной границам – с Монголией, Китайской Народной Республикой и Казахстаном. Республика входит в число дотационных регионов Российской Федерации. Преобладающей отраслью экономики региона является сельское хозяйство, в основном скотоводство, которое развивается усилиями личных и фермерских хозяйств. Большая часть продукции производится в личном подсобном хозяйстве. Значительная часть населения, в некоторых районах республики доходящая до 80 %, не трудоустроена. Многие представители данной социальной категории, в том числе и те, кто официально зарегистрирован как безработный, по факту самозаняты в личном подсобном хозяйстве.

В регионе один город, 71 % населения проживают в сельских поселениях, селах и поселках с численностью жителей от нескольких десятков до нескольких сотен человек (редко – нескольких тыс. чел.)¹. При этом, чем отдаленнее расположение того или иного района от г. Горно-Алтайска, «тем сильнее его аграрная специализация, ниже уровень его социально-экономического развития и ниже качество жизни населения»².

¹ Численность и размещение населения: Стат. сб. Горно-Алтайск: Алтай-стат, 2012.

² Асеев С. Ю., Асеева Т. А., Казанцев Д. А., Киреева О. С., Шашкова Я. Ю. Угрозы национальной безопасности в процессе идентификации жителей Республики Алтай в контексте полиэтнического и поликонфессионального социокультурного пространства региона. Барнаул: Си-пресс, 2016. С. 9.

Одной из характерных черт постсоветского периода в горных регионах юга Сибири стало бурное развитие туризма. Особенно ярко эта тенденция проявилась с начала 2000-х гг. в Республике Алтай³. В настоящее время идет активное развитие турбизнеса, рост объемов и ассортимента услуг, создание новых мест коллективного размещения отдыхающих. Туристический бизнес довольно развит на Алтае, в особенности в Турочакском, Чемальском, Усть-Коксинском районах республики⁴. Активное развитие туристско-рекреационной отрасли оказывает влияние на социально-экономическую систему региона, трансформирует ее отраслевую структуру и видоизменяет территориальную организацию хозяйства, а также меняет образ жизни значительной части населения⁵. К позитивным последствиям развития туристической отрасли на Алтае относят организацию новых рабочих мест, появление возможностей для развития бизнеса, улучшение условий обслуживания населения (увеличение количества магазинов и ассортимента их товаров, улучшение транспортного сообщения, появление новых видов услуг в районах массового туризма), возможность сбыта продукции личных подсобных хозяйств. Однако существуют и негативные последствия – рост конкуренции за землю, ухудшение условий для ведения животноводческой деятельности, деградация экологических условий (захламление территорий, особенно берегов водоемов), нарушение традиционного образа жизни и уединенности местных жителей⁶. Отметим также, что услуги туристам, которые оказывает местное население, как правило, не приносят налоги

³ Дирин Д. А., Голядкина Е. И. Роль туризма в трансформации социально-экономического пространства Республики Алтай // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. № 8–1. С. 64–68.

⁴ Мадюкова С. А. Национальная политика и туризм в Республике Алтай // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 4. С. 188–201.

⁵ Гончарова Н. П. Социальная сфера села: предварительные результаты исследования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 1 / Под ред. Е.А. Попова. Барнаул, 2009.

⁶ Дирин Д. А., Голядкина Е. И. Роль туризма в трансформации социально-экономического пространства Республики Алтай.

ни в региональный, ни в местный бюджеты, но оказывают существенную нагрузку на инфраструктуру сельских поселений⁷.

Республика Алтай является трансграничным регионом. Отсутствие в регионе железнодорожного движения осложняет мобильность в его границах, которое отчасти нивелируется развитой сетью автомобильных дорог. Приграничное положение делает регион участником внешней торговли. В структуре товарооборота экспорт занимает 99,4 %, импорт – 0,6 %⁸. Объектами экспорта является сырьевая сельскохозяйственная продукция: пух, шерсть, древесина, цветные металлы. В товарной структуре экспорта наибольшая доля – 61 % – приходится на фармацевтическую продукцию. В регион импортируется технологическое оборудование, продовольствие, промышленные товары народного потребления⁹.

В целом, неразвитость транспортной инфраструктуры, которая тормозит экономический рост и снижает конкурентоспособность республиканских товаров, выступает существенным барьером для увеличения объемов перевозок грузов.

Говоря о трендах развития экономики региона в предшествующие десятилетия, следует указать на значительную деградацию базы для легкой промышленности и упадок сельского хозяйства, вызванные экономическим потрясением, которое регион перенес во второй половине 1980-х годов XX века в ходе перестройки¹⁰. Рост производства зафиксирован в области промыслов и выпуска сувенирной

⁷ Краснаярова Б. А. Современные процессы реформирования и диверсификации экономики алтайских регионов России // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 1 (4). С. 110.

⁸ Рязанов И. О., Дуплинская Е. Б. Анализ развития малого и среднего предпринимательства в Республике Алтай // Проблемы антикризисного управления и экономического развития (ПАУЭР-2016): Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (27–31 октября 2016 г.). Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2017. С. 279–286.

⁹ Основные характеристики и показатели экономики Республики Алтай. URL: http://geolike.ru/page/gl_4837.htm (дата обращения 01.11.2017).

¹⁰ Лысенкова В., Рудский В. В. Социально-экономическая трансформация сельской местности (Алтайский край, Республика Алтай) // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 43–53.

продукции, в том числе уникальных видов, которые пользуются спросом у туристов¹¹.

Этнические группы Республики Алтай. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) на начало 2017 г. в Республике Алтай проживают 217 тыс. чел.¹², при этом сохраняется положительная динамика роста численности населения. Наиболее крупные этнические группы – русские (56 % от общего числа жителей республики), алтайцы (32 %) и казахи (6 %). Доля представителей коренных малочисленных народов Севера – теленгитов, тубаларов, челканцев, телеутов, кумандинцев – составляет чуть более 3 %¹³. Значительная часть представителей этих народов проживает в отдаленных высокогорных труднодоступных селах со сложными климатическими условиями.

Структура этнического расселения по территории республики неоднородна: в Усть-Коксинском, Майминском, Чемальском, Турочакском и Чойском районах проживает в основном смешанное население с преобладанием русских, в Онгудайском, Улаганском и Усть-Канском большая часть жителей – алтайцы, в Кош-Агачском районе – казахи¹⁴. Часть сел в республике моноэтничны, в них (за редким исключением) проживают только казахи или алтайцы. Также реализуется вариант совместного проживания в некоторых моноэтничных поселениях алтайцев и представителей коренных малочисленных народов Севера.

¹¹ Лысенкова В., Рудский В.В. Социально-экономическая трансформация сельской местности (Алтайский край, Республика Алтай).

¹² Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/mun_obr2017.rar (дата обращения 17.10.2017).

¹³ Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Materials/pril2_dok2.xlsx (дата обращения 24.01.2016).

¹⁴ Макошева А. А., Макошев А. П., Апенышева И. Н. Население Республики Алтай (системно-структурный анализ) // Информационные образовательные ресурсы ГАГУ. URL: <http://e%lib.gasu.ru/eposobia/makoshev/> (дата обращения 22.01.2016).

Как показывают результаты экспертного опроса, проведенного в республике в 2014 г.¹⁵, сейчас межэтнических конфликтов в Республике практически нет: «разные народы, издавна населяющие земли Алтая, мирно уживаются»*. Отношения между титульным этносом – алтайцами и русскими – большинство экспертов считают стабильными и мирными, подчеркивая, что за долгое время совместного проживания народы многое переняли друг у друга. О стабильности межэтнических отношений между алтайцами и русскими говорят и выводы алтайских социологов. На основе анализа данных массового опроса, проведенного в Турочакском районе республики, исследователи заключают, что «межнациональные отношения носят достаточно терпимый и уважительных характер. При этом выявлено, что наиболее высокий уровень комплиментарности наблюдается между русскими и алтайцами... К представителям других национальностей отношение в целом толерантное... Отношение жителей района к межнациональным бракам также подтверждает уважительное отношение к представителям иных национальностей. Большинство уверены, что подобные браки объ-

¹⁵ Здесь и далее речь идет об экспертном опросе, проведенном в Республике Алтай сотрудниками Института философии и права СО РАН. Опрос проводился под руководством д.филос.н., проф. Ю.В. Попкова в Республике Алтай в сентябре 2013 г. Всего по анкете опрошено 73 эксперта, также проведена серия свободных и полуструктурированных интервью с экспертами. В качестве респондентов выступили как представители государственной и муниципальной власти, имеющие прямое отношение к политическим решениям в области национальной политики, так и люди, имеющие активную гражданскую позицию: творческая и научная интеллигенция, работники СМИ, руководители общественных организаций. В исследовании были акцентированы такие ключевые вопросы, как динамика этнической структуры республики, состояние этносоциальной ситуации и характер межэтнических отношений, уровень и причины межэтнической напряженности, особенности существующей региональной этнонациональной политики. Авторы методики экспертного опроса: Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, В. В. Мархинин, И. В. Удалова. Опрос в Республике Алтай проводили Ю. В. Попков, Е. А. Ерохина, С. А. Мадюкова, О. А. Персидская, И. С. Тарбастаева.

* Цитата из интервью с экспертом.

единяют общество, в семье абсолютно не важна национальность супругов»¹⁶.

Представляется, что за счет продолжительного соседства перенесенных этнических групп в регионе выработались определенные практики бесконфликтного межэтнического взаимодействия и сложилось межэтническое сообщество¹⁷ – целостный, интегрированный тип общности, сформированный в результате продолжительного совместного проживания нескольких групп разнотнического населения.

Динамика индекса человеческого развития в республике Алтай. Индекс человеческого развития (ИЧР, до 2013 г. – Индекс развития человеческого потенциала, ИРЧП) является интегральным показателем, отражающим совокупность основных характеристик человеческого потенциала территории. Индекс служит инструментом сравнения уровня жизни различных стран и регионов. В 2014 г. по показателю ИЧР республика занимала 75 место из 80 проанализированных в источнике регионов РФ¹⁸ (со значением индекса 0,814), значительно уступая уровню высокоразвитых российских регионов. Наивысшие показатели данного индекса в 2014 г. были у Москвы – 0,946 и Санкт-Петербурга – 0,921. Следует отметить, что уровень Республики Алтай оказался несколько ниже среднего уровня по России (0,874). Значение ИЧР по региону близко к показателям Забайкальского края (0,821), Карачаево-Черкесской Республики (0,817), Кабардино-Балкарской Республики (0,815), Псковской (0,813) и Ивановской областей (0,812). Наиболее низкие показатели ИЧР у Чечни (0,799), Еврейской автономной области (0,797) и Республики Тыва (0,772). Следует отметить, что в последние годы Республика Алтай,

¹⁶ Литягин Е.В. Латентные конфликты и риски в полиэтнической среде Республики Алтай (на примере Турочакского района Республики Алтай) // Социальные процессы в современной Западной Сибири: Сб. науч. тр. Горно-Алтайск, 2015. С. 139–142.

¹⁷ Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // Философия образования. 2015. № 1(58). С. 165–177.

¹⁸ Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / Под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. М.: Аналит. центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с.

как и остальные регионы страны, демонстрирует устойчивый плавный рост данного показателя. Современное значение ИЧР соответствует высокому уровню развития, на который республика поднялась со среднего в 2011 г. (см. рис. 1).

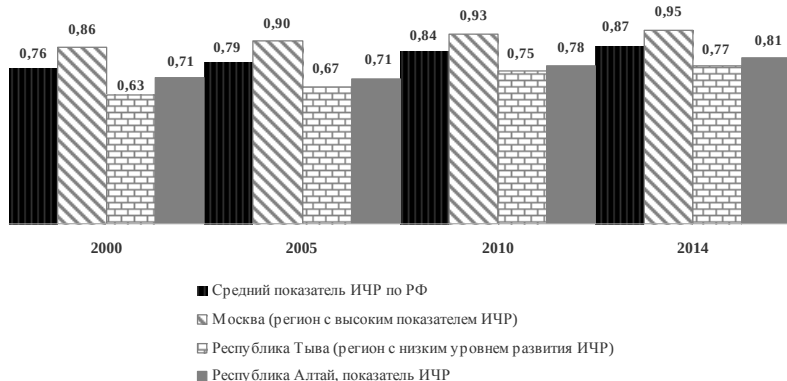

Рис. 1. Динамика ИЧР Республики Алтай с 2000 по 2014 гг. в сравнении с высокоразвитыми и менее развитыми регионами РФ

ИЧР складывается из трех основных показателей – индексов образования, долголетия и доходов. Хотя по индексу образования республика с 2011 г. опережает среднее значение по стране (11 место в 2013 г. среди регионов РФ со значением 0,947 при среднероссийском значении 0,929), по двум другим составляющим ИЧР – индексу долголетия и индексу доходов – регион существенно отстает, и занимает места в последней десятке среди 80 рассматриваемых регионов Российской Федерации. В 2013 г. республика занимала 73 место по индексу долголетия (со значением 0,706) и 74 место по индексу доходов (значение 0,764). Такие значения данных индексов соотносимы с уровнем развития стран третьего мира. Низкие значения индекса долголетия, как в целом по России, так и в рассматриваемом регионе в частности, вызваны неудовлетворительным уровнем развития медицинского обслуживания и склонностью части населения к ведению нездорового образа жизни. Индекс доходов демонстрирует

сильный, хотя и сокращающийся в последние годы, разрыв между благополучными и депрессивными регионами России¹⁹, при этом следует понимать, что данный индекс не отражает внутрирегионального неравенства населения по доходу.

В целом, сравнительно низкий показатель индекса человеческого развития Республики Алтай дает основания отнести регион к числу аутсайдеров. Дополним, что регион отличается сильным разбросом всех частных индексов при минимальных показателях дохода, а это затрудняет сохранение устойчивой положительной динамики ИЧР в дальнейшем. Как показывают расчеты экспертов, только сочетание двух тенденций – экономического роста и позитивных социальных изменений в условиях и образе жизни населения – могут обеспечить устойчивый и динамичный рост ИРЧП²⁰. Отметим, что осознание необходимости социальных трансформаций отражено в «Стратегии социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2035 года», где прописано, что «развитие человеческого капитала планируется реализовать на основе сбалансированной и сформированной гибкой системы предоставления социальных услуг (социальная политика, образование, здравоохранение, культура, физическая культура и спорт), а также эффективной жилищной, коммунальной и транспортной инфраструктуры²¹».

Динамика среднедушевых денежных доходов населения с 2005 по 2016 гг. Среднедушевые денежные доходы населения вычисляются делением общей суммы денежного дохода за год на среднегодовую численность населения²². Анализ соотношения значений среднедушевых денежных доходов по России и по Республике Алтай за

¹⁹ ИРЧП субъектов Российской Федерации. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ИРЧП_субъектов_Российской_Федерации#cite_note-autogenerated3-4 (дата обращения 02.06.2017).

²⁰ Социальный атлас российских регионов. Портреты регионов. Республика Алтай. URL: <http://atlas.socpol.ru/portraits/alt.shtml> (дата обращения 17.10.2017).

²¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2035 года. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/4fd6c9b7-1dc8-4371-a699-453afde72cb7/altay.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=4fd6c9b7-1dc8-4371-a699-453afde72cb7> (дата обращения: 23.10.2017).

²² Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Росстат. 2016. 1326 с. С. 229.

последние 12 лет показывает значительное отставание показателей республики от среднероссийских. Кроме того, если среднероссийский показатель демонстрирует за весь рассматриваемый период плавный ощутимый рост, то показатели роста по республике, во-первых, более низкие, и, во-вторых, в 2016 г. вообще сменяются спадом²³ (см. рис. 2).

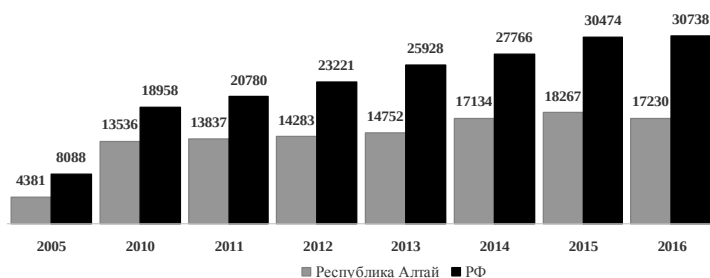

Рис. 2. Динамика среднедушевых денежных доходов населения с 2005 по 2016 гг., руб.

Динамика реальных доходов населения Республики Алтай (в процентах к предыдущему году) с 2005 по 2015 гг. Также представление о трендах социально-экономических процессов и влиянии этих процессов на благосостояние населения республики дает анализ динамики реальных доходов населения в процентах к предыдущему году. Реальные доходы населения – обобщающий показатель жизненного уровня, который определяют путем вычитания из общей суммы всех денежных и натуральных доходов населения платежей в бюджет, взносов в общественные и кооперативные организации, прироста денежных сбережений всех видов и части расходов на оплату услуг²⁴. Отметим, что 2010, 2012 и 2014 гг. отмечены ростом

²³ Среднедушевые денежные доходы по субъектам Российской Федерации 2013–2016 гг. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/table.jpg (дата обращения 18.05.2017).

²⁴ Финансовый словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/28350 (дата обращения 17.10.2017).

данного показателя, а 2011, 2013 и 2015 – сокращением по сравнению с предыдущим годом (см. рис. 3).

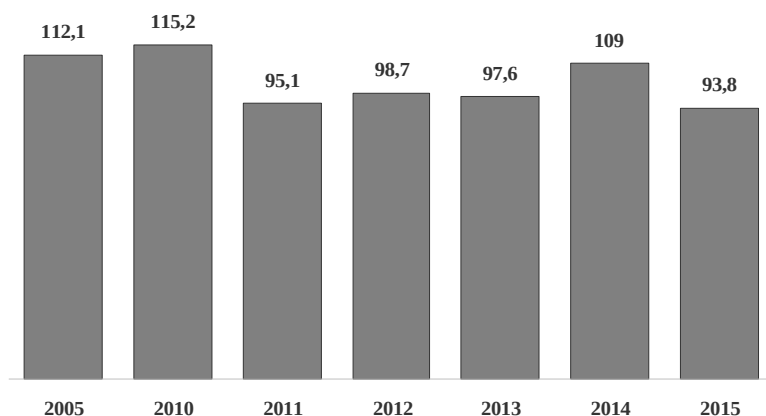

Рис. 3. Динамика реальных доходов населения Республики Алтай с 2005 по 2015 гг. (в процентах к предыдущему году)

Распределение населения Республики Алтай по величине среднедушевых денежных доходов за месяц (в процентах) в 2016 году. В 2016 г. среднедушевой денежный доход почти трети (29%) населения Республики Алтай, согласно отчетам органов статистики, составлял менее 10 тыс. руб. в месяц. У более чем половины населения, а именно 55 %, этот показатель уложился в рамки от 10 до 27 тыс. руб. в месяц. Всего 15% населения республики в 2016 г. располагали месячным среднедушевым доходом свыше 27 тыс. руб.²⁵, (см. рис. 4).

²⁵ Распределение населения Республики Алтай по величине среднедушевых денежных доходов (в процентах). URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/resources/a627e900414049f2a28fa7a3e1dde74c/Распределение+населения+Республики+Алтай+по+величине+среднедушевых+денежных+доходов.pdf (дата обращения 17.10.2017).

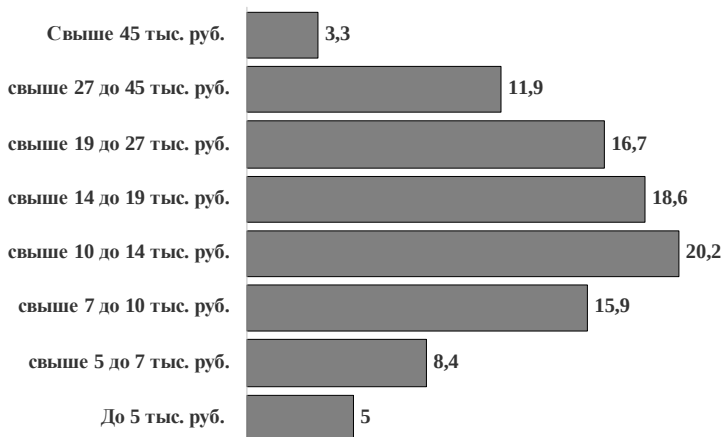

Рис. 4. Распределение населения Республики Алтай по величине среднедушевых денежных доходов (в среднем руб. за месяц в 2016 г.), %

Динамика показателей социального самочувствия. Представляется, что опора на индексы, рассчитанные на основе экономических и статистических показателей, дает информацию лишь о социально-экономической составляющей жизни региона. Для анализа социально-психологической компоненты социального бытия нами привлечены данные рейтинга социального самочувствия регионов России. Социальное самочувствие является формой функционирования общественного сознания и поведения, в котором проявляется эмоционально комфортная оценка населением уровня удовлетворения социальных потребностей²⁶. Социальное самочувствие включает в себя как уровень социальных притязаний, так и уровень социальной напряженности, тревожности. Для анализа социального самочувствия населения Республики Алтай использованы данные Фонда «Общественное мнение», а в качестве базовых критериев взяты результаты ответов респондентов на вопросы об общем положении дел

²⁶ Бурко А. А. Интерпретация показателя «Социальное самочувствие» // Социология и общество: Тезисы I Всерос. социол. конгр. «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб.: Изд-во «Скифия», 2000. С. 56.

в регионе, позитивных или негативных изменений в жизни, наличии или отсутствии недовольства руководством региона, а также о готовности или не готовности людей принимать участие в каких-либо акциях протеста. По результатам двух измерений данного рейтинга в 2013 и 2014 гг. Республика Алтай находится на достаточно высоких позициях: от 14 до 39 места среди 83 регионов, проанализированных составителями²⁷, что позволяет сделать вывод о достаточно высоком уровне оптимизма у жителей региона.

Для подтверждения данного тезиса, в соответствии с методикой исследования социальных показателей, нами привлечены данные массового социологического опроса, проведенного в Республике Алтай сотрудниками ИФПР СО РАН при участии авторов в 2014 г.²⁸ В рамках этого опроса жители региона действительно продемонстрировали высокий уровень социальной удовлетворенности: 60,1 % опрошенных заявили, что вполне удовлетворены своей жизнью. Подавляющее большинство респондентов, выбрав-

²⁷ Рейтинг социального самочувствия регионов России. Третий выпуск. URL: <http://civilfund.ru/mat/63> (дата обращения 10.06.2017).

²⁸ Здесь и далее приведены результаты массового социологического опроса жителей Республики Алтай, который был проведен сотрудниками Института философии и права СО РАН под руководством д.филос.н. Ю. В. Попкова и д.филос.н. Е. А. Ерохиной в 2014 г. Маршрут опроса прошел через г. Горно-Алтайск, села Майма (Майминский район), Чемал и Бешпельтир (Чемальский район), Шебалино, Беш-Озек и Шаргайта (Шебалинский район), Кош-Агач, Бельтир, Жана-аул, Кокоря, Тебелер, Мухор-Тархата и Теленгит-Сортогой (Кош-Агачский район). Выборка исследования является непропорциональной, целевой: одной из ключевых задач исследования было опросить представителей основных по численности этносов Республики Алтай. В опросе приняли участие 417 жителей республики из разных половозрастных, социально-профессиональных и этнических групп. Из них по этнической принадлежности 140 человек – алтайцы, 116 человек – русские, 75 – казахи, 44 – представители коренных малочисленных народов Севера (теленгиты, тубалары, челканцы, ку-мандинцы), 15 человек – представители Средней Азии. 27 человек назвали другую национальность или обозначили смешанную этническую принадлежность.

Авторы методики массового опроса: Ю.В. Попков, Е. А. Тюгашев, Е. А. Ерохина, С. А. Мадюкова, О. А. Персидская. Опрос проводили Е. А. Ерохина, Ю. В. Попков, С. А. Мадюкова, О. А. Персидская, И. С. Тарбастаева.

Обработку социологических данных проводили О. А. Персидская (статистическая обработка, подготовка графиков и таблиц), Г. С. Гончарова (статистическая обработка), В. Н. Гришаева (кодировка анкет).

ших такой вариант ответа, находятся в группе опрошенных до 25 лет, а наиболее высокий процент тех, кто не вполне доволен или совсем не доволен жизнью, в группе людей старше 60 лет. В этническом срезе наиболее высокий уровень удовлетворенности продемонстрировали казахи и проживающие в республике представители народов Средней Азии: от 70 до 85 % среди них вполне удовлетворены своей жизнью. Русские, представители коренных малочисленных народов Севера и алтайцы были более сдержаны в оценке (от 50 до 65 % удовлетворенных и от 25 до 32 % не совсем удовлетворенных жизнью).

В целом, высокие значения показателей социального самочувствия и уровня удовлетворенности жизнью позволяют сделать вывод о высоком уровне социального оптимизма и субъективного благополучия, а также низком уровне притязаний у жителей региона в современных сложных социально-экономических условиях.

Демографическая ситуация. Динамика соотношения численности этнических групп. В Республике Алтай сохраняется естественный прирост населения²⁹. По уровню рождаемости республика находится на четвертом месте среди регионов РФ и уступает лишь Тыве, Чечне и Ингушетии³⁰. При этом уровень рождаемости в городе гораздо ниже показателя на селе, а показатели рождаемости у алтайских и казахских матерей в среднем выше, чем у русских.

Динамика соотношения численности этнических групп в республике демонстрирует тенденцию к уменьшению удельного веса русского населения и увеличению алтайского и казахского. В характеристике Горного Алтая, данной «Социальным атласом российских регионов», отмечено, что сокращение доли русского населения в регионе было зафиксировано еще в советский период. За период между переписями 1989 и 2002 годов доля коренного населения уве-

²⁹ Демографическая ситуация в Республике Алтай стабильна. URL: <http://gornoaltaysk.monavista.ru/news/2641910/> (дата обращения 10.06.2017).

³⁰ Итоги ВПН 2010 г. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай. URL: http://statra.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/statra/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения 17.10.2017)

личилась, также незначительно выросла и доля казахов³¹. Как показывает анализ этнодемографических процессов, проведенный Г. С. Гончаровой, в период с 2002 по 2010 гг. зафиксированные тенденции сохранились: темп убыли русского населения составил – 1,5%, а темп увеличения численности алтайцев – +10,6%. Автор делает вывод, что увеличение доли титульного этноса связано прежде всего с высокими показателями рождаемости, а также с ростом этнического самосознания алтайцев³². По итогам переписи 2010 г. в республике проживает 56,6 % русских, 33,9 % алтайцев (включая субэтнические группы – теленгитов, тубаларов, челканцев) и 6,2 % казахов (соответственно, более 114 тыс. чел. русских, 68 тыс. чел. алтайцев, 12 тыс. чел. казахов)³³.

В то же время, следует сказать о высоком уровне смертности, который осложняет демографическую ситуацию в регионе: «уровень смертности многие годы превышает общероссийские показатели и оказывает негативное влияние на величину естественного прироста населения. Для республики остается актуальной проблема младенческой смертности»³⁴. В целом, слабыми местами системы здравоохранения остаются проблема недостатка медицинского обслуживания из-за того, что мелкие населенные пункты распределены по большой территории (и открыть пункт оказания медицинской помощи в каждом из них невозможно), и высокий показатель уровня заболеваемости населения из-за недостаточной работы в области профилактики заболеваний, слабой развитости массовых видов спорта, низкой доли расходов на здравоохранение.

³¹ Социальный атлас российских регионов. Портреты регионов. Республика Алтай.

³² Гончарова Г. С. Этнодемографические процессы в регионах Сибири и национальная политика // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 3. С. 246.

³³ Итоги ВПН 2010 г. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls (дата обращения 07.07.2017).

³⁴ Чемчицева А. П. Современные демографические процессы в Республике Алтай: основные тенденции и особенности // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 294.

Миграция (внешняя и внутренняя). На протяжении 1990-х годов в республике фиксировался положительный миграционный прирост, который в основном обеспечивался русским населением, переезжавшим из Средней Азии и Казахстана (следует отметить, что в середине 1990-х годов увеличился еще и приток казахов). При этом «большинство приезжих разместились в Горно-Алтайске и прилегающих к нему районах. На пике миграций в 1994–1995 гг. коэффициент миграционного притока (70 человек на 10 тыс. населения) почти в два раза превосходил общероссийские значения»³⁵, однако, в начале XXI века внешняя миграция сократилась, впрочем, как и в подавляющем большинстве регионов России.

Как отмечают составители Социального атласа российских регионов, «внутри республики сформировалась более широкая и устойчивая зона миграционного оттока. В нее попадают пограничные южные районы (за исключением Кош-Агачского) со значительной долей казахов и максимальными для республики показателями рождаемости. Оттуда население стремится переехать поближе к Горно-Алтайску, вокруг которого, в низкогорных и наиболее экономически развитых районах республики, сложилась зона притока. Эта зона отличается худшими показателями естественного движения из-за более высокой доли русских. Дальнейшее “сползание” населения вниз из горных районов и вовлечение его в несельскохозяйственные виды деятельности будет, в конечном счете, способствовать снижению уровня рождаемости»³⁶.

Представляется, что проблема влияния трудовой миграции из Казахстана и Средней Азии на межэтнические отношения не является острой для Республики Алтай в настоящее время. Как показали данные экспертного опроса 2014 г.³⁷, возможная причина этого – сезонный характер миграции в республику и сравнительное малое число приезжающих. Как отмечали некоторые эксперты, многие ми-

³⁵ Социальный атлас российских регионов. Портреты регионов. Республика Алтай.

³⁶ Там же.

³⁷ Потков Ю. В., Персидская О. А. Сравнительное исследование этносоциальных процессов и этнонациональной политики в регионах Сибири // Новые исследования Тувы. 2014. № 4(24). С. 6.

гранты используют Горно-Алтайск в качестве промежуточной точки миграции перед переездом в более крупные города (например, Новосибирск), и поэтому не остаются постоянно жить на Алтае. По оценке опрошенных экспертов, в основном мигранты занимаются на Алтае ремонтом и строительством.

Анализ данных экспертного опроса позволяет заключить, что в отношении к мигрантам у большинства экспертов негативные оценки сочетаются с позитивными. Так, большинство (79 %) констатируют, что только мигранты соглашаются работать там, где отказывается местное население, а также дешево и качественно выполняют бытовые услуги (с этим согласны 19 %). Однако здесь же отмечают, что мигранты неуважительно относятся к местным традициям (так считают 27 % опрошенных), обостряют межнациональные отношения, занимаются незаконным бизнесом и способствуют росту преступности (такую точку зрения разделяют 14 и 19 % опрошенных экспертов соответственно).

Размышляя о мотивах негативного отношения алтайского населения к мигрантам, эксперты делали упор на том, что социальная активность мигрантов скорее направлена на внутригрупповую консолидацию, нежели навстречу принимающему сообществу. В представлении экспертов, мигранты предстают мобильной (это качество отметили 25 % опрошенных) и сплоченной (актуально для 48 % экспертов) группой, чем отличаются от разрозненного местного населения. При этом, по мнению 39 % экспертов, мигранты испытывают сложности адаптации, которые могут быть связаны с их нежеланием встраиваться в новую среду. По мнению экспертов, для успешной адаптации мигрантов в Республике Алтай прежде всего необходимо способствовать изучению ими русского языка (70 %) и традиций коренных народов (60 %). Такие меры, как знакомство с традициями русского народа, изучение основ православной культуры или знание истории республики и ее выдающихся жителей представляется экспертам менее актуальным.

Результаты массового опроса, проведенного в Республике Алтай в 2014 г., позволяют заключить, что личное отношение к мигрантам у опрошенных является скорее нормальным и нейтральным: при оценке своего отношения к росту числа мигрантов, респонденты реже прибегали к крайним позитивным или негативным пунктам шка-

лы, чаще употребляя умеренно позитивные оценки. Этническая специфика в личном отношении к росту числа мигрантов проявилась в выраженном положительном отношении со стороны казахов и акцентированном по сравнению с другими этносами умеренно негативном у алтайцев. Важно, что значительное количество опрошенных среди казахов и представителей коренных малочисленных народов Севера дали другой ответ – чаще всего это означает, что в их населенном пункте вообще нет мигрантов (см. табл. 1).

Таблица 1

Личное отношение респондентов к росту числа мигрантов, %

Отношение	Русские	Алтайцы	КМНС ³⁸	Казахи
Положительное отношение	13,3	12,6	12,2	28,8
Нормальное отношение	23,0	17,8	17,1	20,5
Нейтральное отношение	35,4	28,9	36,6	23,3
Отрицательное отношение	14,2	22,2	12,2	8,2
Негативное отношение	8,0	8,9	2,4	1,4
Другой ответ	6,2	9,6	19,5	17,8

Региональная миграционная специфика для Республики Алтай заключается в приоритете внутренней миграции (для алтайцев более актуальна не иммиграция представителей других национальностей в республику, а миграция самих алтайцев из сельских районов в столицу республики). Значительное количество внутрирегиональных мигрантов переезжают в Горно-Алтайск из сел Онгудайского, Усть-Канского, Усть-Коксинского районов.

Анализ данных массового и экспертного опросов позволяет заключить, что на данный период времени проблема, связанная с притоком мигрантов из регионов Кавказа и Средней Азии не входит в число наиболее острых для Республики Алтай. В то же время, миграция все же постепенно меняет социальный и этнический состав населения региона, вносит коррективы в распределение трудовых обязанностей и трансформирует этносоциальную ситуацию в целом.

Динамика оценки межэтнических отношений (по результатам массового и экспертного опросов). Динамическая составляющая

³⁸ Здесь и далее в таблицах аббревиатура КМНС означает «коренные малочисленные народы Севера».

оценки межэтнической ситуации и уровня конфликтности в регионе была выявлена путем сопоставления представлений респондентов, принявших участие в массовом и экспертном опросах, о прошлом, настоящем и будущем межэтнических отношений в их регионе.

По заявлениям экспертов, сейчас этнических конфликтов в Республике практически нет: *«национальный вопрос в регионе отсутствует либо стоит не остро»*. Отношения между титульным этносом – алтайцами и русскими – большинство из них считают стабильными и мирными, подчеркивая, что за долгое время совместного проживания народы многое переняли друг у друга. Так, 60 % опрошенных экспертов заявляют, что межэтнические отношения в регионе за последние 2–3 года не изменились, при этом более трети из них в интервью и устных беседах говорят о низком уровне конфликтности межэтнических отношений в целом по республике и в том муниципалитете, где проживает респондент.

Оценка современного состояния межэтнических отношений в массовом опросе выяснялась через ответ на вопрос о том, какие отношения преобладают между людьми разных национальностей в населенном пункте респондента (см. табл. 2).

Таблица 2

Оценка отношений, преобладающих между людьми разных национальностей, в населенном пункте респондента, %

Оценка отношений	Республика Алтай	Новосибирск	ХМАО
Считают, что преобладают хорошие отношения	61	24	29
Считают, что преобладают терпимые отношения	28	46	42
Считают, что преобладают напряженные отношения	4	20	18
Считают, что преобладают враждебные отношения	1	3	4
Затруднились дать оценку	6	7	7

В Республике Алтай большинство опрошенных – 61% – считают, что в их населенном пункте преобладают хорошие отношения (данный пункт предложенной для оценки межэтнических отношений шкалы является наивысшим), 28 % характеризуют их как

терпимые. «Напряженными» или «враждебными» межэтнические отношения не назвал практически никто.

Сравнение показателей, полученных при ответе на тот же вопрос при массовом опросе в г. Новосибирске и Ханты-Мансийском автономном округе, дает основание заключить, что общая оценка межнациональных отношений, существующих в настоящий момент в Республике Алтай, гораздо более положительна.

На фоне положительной оценки современного состояния межэтнической ситуации, прошлое межнациональных отношений в Республике Алтай представляется большинству опрошенных стабильным. Как отмечают 45 % респондентов, за прошедшие 2–3 года отношения практически не изменились. Хотя количество тех, кто видит динамику межэтнических отношений в позитивном ключе в целом по массиву больше, чем тех, кто оценивает их иначе (23 % респондентов считают, что отношения улучшились, 10 % из них говорят, что отношения ухудшились), нельзя не упомянуть о том, что 9 % русских и казахов, 14 % алтайцев и 10 % представителей коренных малочисленных народов Севера отмечают ухудшение межнациональных отношений за прошедшие 2–3 года. Таким образом, однозначного ответа на вопрос о представлениях, касающихся прошедшего периода развития межнациональных отношений, дать нельзя.

Также некоторая неопределенность в представлениях была зафиксирована и в ответах на вопрос о будущем развитии отношений между этносами Республики Алтай. Здесь большая часть опрошенных – 39 % – вообще затруднились дать какой-либо ответ. 36 % считают, что межнациональные отношения останутся прежними. Ухудшение взаимоотношений прогнозируют относительно малое количество опрошенных – всего 7 % по массиву в целом, но здесь внимания заслуживает то, что среди всех этносов наиболее пессимистично настроены алтайцы: 10 % из них указали, что межнациональные отношения будут ухудшаться. Все же оптимистичные оценки имеют больший относительный вес, нежели пессимистичные: 16 % русских, 15 % алтайцев, по 25 % казахов и представителей коренных малочисленных народов Севера выразили надежду, что межнациональные отношения в ближайшие годы улучшатся (см. табл. 3).

Таблица 3

**Представления о развитии межнациональных отношений
в будущем, %**

Представление	Русские	Алтайцы	КМНС	Казахи
Считают, что отношения будут улучшаться	16	15	26	25
Считают, что отношения будут ухудшаться	4	10	12	3
Считают, что отношения останутся прежними	36	37	33	35
Затруднились ответить	43	38	30	37

Распределение ответов на вопрос о том, насколько вероятным видится респондентам возникновение конфликтов на межнациональной почве в ближайшем будущем, также выдает значительную рассогласованность оценок и неуверенность опрошенных. Количество тех, кто указал, что конфликты возможны (20 %), практически равно количеству людей, уверенных в том, что конфликтов не будет (24 %). Большинство опрошенных (40 %) считают, что конфликты на межнациональной почве в их населенном пункте в ближайшем будущем маловероятны.

Сравнение оценок возможности возникновения межнациональных конфликтов по населенным пунктам Республики Алтай дает основания для вывода о том, что с. Кош-Агач является относительно более беспокойным местом среди рассмотренных нами: тогда как в селах республики и в г. Горно-Алтайске лишь 19 % опрошенных прогнозируют реальную возможность возникновения конфликтов, в Кош-Агаче таких людей уже 28 %.

Также стоит отметить, что возрастной критерий в том числе оказывает существенное влияние на оценку возможности возникновения конфликтов: в группе молодых людей до 25 лет четверть опрошенных считают, что конфликты возможны, тогда как в остальных возрастных группах положительная оценка данной вероятности не превышает 18 %.

В ходе экспертного опроса было выявлено несколько проблемных областей в отношениях между людьми разной национальности: в частности, это касается непропорционально большого представи-

тельства алтайцев (титульного этноса) в органах власти, хотя их численность не превышает трети населения республики, а также предпочтительного выстраивания трудовых отношений на основе родственных связей. Борьба за власть на разных уровнях лидирует среди всех возможных причин, которые, по мнению экспертов, вызывают напряженность в отношениях между людьми разных национальностей: ее озвучили 58 % экспертов. Интересно также, что на вопрос о возможном наличии зон напряжения нередко был ответ о том, что эти зоны существуют «в соседнем районе», но никогда – в месте постоянного проживания респондента.

Таким образом, хотя в целом межэтнические взаимоотношения в республике оцениваются как спокойные, зафиксированная напряженность между казахским и алтайским населением в Кош-Агачском районе указывает на неоднородность оценки межэтнических отношений в республике. Подчеркнем, что наличие значительного числа респондентов, не рискнувших дать прогноз развития межэтнических отношений в будущем, может свидетельствовать о реакции общества на нестабильность и изменчивость общей социально-культурной, политической и экономической ситуации в России и мире и демонстрировать транслируемую массовым сознанием неуверенность в будущем.

Проблемы и перспективы развития коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Республике Алтай. В законодательстве Российской Федерации содержатся правовые нормы, направленные на поддержку представителей коренных малочисленных народов. В частности, это нормы, реализующие ряд положений Конвенции № 169 Международной организации труда «О коренных народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» от 1989 г. Кроме того, в 1998 г. Россия ратифицировала Рамочную Конвенцию о защите национальных меньшинств (от 1995 г.). В соответствии с ней государство обязуется создавать условия для поддержания и развития культуры и основных элементов самобытности меньшинств, не принимать мер, нацеленных на ассимиляцию лиц,

принадлежащих к меньшинствам, вопреки их воле³⁹. Эти шаги способствуют тому, что этническое многообразие начинает осмысливаться российским сообществом как естественное преимущество страны в глобализирующемся мире. В то же время, проблемы и перспективы развития коренных малочисленных народов были и остаются актуальной темой. Так, в послании Генерального Секретаря ООН Пан Ги Муна по случаю Международного дня коренных народов 2016 г., акцентированы такие проблемы этих народов, как дискриминация, нищета и конфликты, сохраняющаяся угроза лишения их традиционных земель и средств к существованию, недостаточное признание традиционных ценностей, верований, культуры, языка и образа жизни, а порой, и угроза уничтожения.

На территории Сибири исконными жителями являются 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока численностью менее 50 тыс. человек. Список этих народов утвержден постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255. Кроме них существуют коренные народы численностью свыше 50 тыс., такие как алтайцы, саха, буряты, хакасы, тувинцы⁴⁰.

Народы Севера и Сибири отличаются специфическим культурным обликом и воспроизведением в современных условиях сохраненных издревле форм культурной жизни, к которым можно отнести родоплеменную структуру их обществ в противовес классовому принципу организации, и формы передающихся из поколения в поколение исконных религиозных верований. Сохранение традиционных форм хозяйственной деятельности, таких как оленеводство, охота, рыболовство, собирательство, является основой их жизнеобеспечения по сей день⁴¹.

³⁹ Персидская О. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А. Коренные малочисленные народы Сибири в условиях современных социокультурных трансформаций // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13, № 3. С. 95.

⁴⁰ Чистякова В. А., Лукьяненко Т. И., Манеева Н. Ф., Карплюк П. Н., Сазонова О. К., Гонохова Т. А. Исследование социально-демографических и социально-культурных проблем коренных и малочисленных народов Севера // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7–1. С. 135–139.

⁴¹ Там же.

Несмотря на позитивные изменения в законодательстве, в регионах Российской Федерации представители коренных малочисленных народов Севера сталкиваются с рядом проблем, осмысление и решение которых является необходимым для их выживания. Особую остроту кризис, связанный с сохранением и воспроизведением культуры и условий жизни представителей коренных народов, приобрел в России в 1990-е годы, когда из-за всеобщего социально-экономического кризиса в стране катастрофически ухудшились условия их проживания, сократились возможности для осуществления традиционной хозяйственной деятельности, возникли глобальные проблемы, связанные с возможностями охраны их здоровья, развития образования, сохранения культуры. Положение обострила объективная неприспособленность традиционного образа жизни и этнических ценностей к условиям формирующегося рынка. Е. А. Морозова и О. И. Лузгарева на основе анализа форм и видов трудовой занятости представителей коренных малочисленных народов Севера в регионах юга Западной Сибири заключают, что «представители коренных малочисленных народов южных регионов Западной Сибири испытывают вполне определенные сложности на рынке труда: некоторые работают на неформальной основе, хотя предпочитают официальный вариант; налицо переработка, особенно у тех, кто обеспечивает себя работой сам; не все граждане, как того желают, имеют постоянную работу; многие вынуждены подрабатывать, причем чаще всего неофициально⁴²». Проблемы трудовой занятости в новых социально-экономических условиях привели к крайнему усложнению финансового положения представителей коренных малочисленных народов Севера. Как отмечают Р.В. Суляндзига и соавторы, «в семьях коренных народов, особенно в сельской местности, крайне низок уровень денежных доходов. В среднем они в 2–3 раза ниже общероссийского, на 25–30 % ниже, чем у остальных жителей,

⁴² Морозова Е. А., Лузгарева О. И. Виды и формы трудовой занятости коренных малочисленных народов в регионах юга Западной Сибири // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 2–2. С. 409.

проживающих с ними в одних регионах. В отдельных субъектах РФ они не обеспечивают и половины прожиточного минимума»⁴³.

В структуре населения Республики Алтай представители коренных малочисленных народов Севера составляют 3,2 %: это теленгиты, тубалары, кумандинцы, челканцы, телеуты (суммарно около 8 тыс. человек). Значительная их проживает в отдаленных высокогорных труднодоступных селах со сложными климатическими условиями. Изменения в естественной среде обитания сельских жителей, вызванные вырубкой значительных массивов лесов и ухудшением состояния горных пастбищ, привели к упадку сельского хозяйства и сокращению источников жизнеобеспечения сельчан. Новый источник заработка для жителей Республики Алтай – с недавнего времени значительными темпами развивающаяся в регионе туристическая отрасль. Проблемой здесь является то, что туристическая привлекательность региона становится причиной не только роста экономической состоятельности домохозяйств, но и серьезной экологической угрозой. Поскольку в республике пока что недостаточно развита современная туристическая инфраструктура, прием и размещение туристов превращается в выгодный бизнес для мелких предпринимателей, ориентированных на сиюминутное извлечение прибыли. Такая ситуация ставит под угрозу сохранение и развитие окружающей среды региона и его историко-культурного наследия⁴⁴.

Исследователи, занимающиеся изучением проблем, связанных с сохранением жизни и культуры представителей коренных малочисленных народов Севера, выделяют целый ряд острых моментов. В целом, можно структурировать выводы исследователей по нескольким основаниям:

⁴³ Чистякова В. А., Лукьяненко Т. И., Манеева Н. Ф., Карплюк П. Н., Сазонова О. К., Гонохова Т. А. Исследование социально-демографических и социально-культурных проблем коренных и малочисленных народов Севера. С. 136.

⁴⁴ Мадюкова С. А., Персидская О. А., Ерохина Е. А. Социальное самочувствие и перспективы развития коренных малочисленных народов России (по материалам социологических исследований в регионах Обского Севера и Южной Сибири) // Общество и этнополитика: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2015. С. 222–231.

1. К наиболее острым и требующим решения социальным проблемам относят распространение пьянства, высокий уровень алкоголизации населения и высокие показатели заболеваемости представителей коренных малочисленных народов Севера.

2. К проблемам, связанным с необходимостью поиска средств к существованию, относят безработицу (в том числе скрытую) и вытекающее отсюда вынужденное браконьерство как подчас единственный источник обеспечить себя и семью. Социальная поддержка представителей коренных малочисленных народов Севера через государственные пособия видится в настоящее время недостаточной мерой, которая, как отмечают исследователи, ведет к еще более серьезным проблемам: «Существующие ... целевые этнонациональные программы и проекты принимают характер компенсаций за эксплуатирование земель коренных народов. Это порождает иждивенческие настроения представителей титульных наций, не содействуя национальному возрождению»⁴⁵.

3. К проблемам, вызванным сломом традиционных форм социальной организации в новых социально-экономических условиях, относят изменение типов поселений (например, исчезновение айлов и концентрацию представителей коренных малочисленных народов Севера в крупных населенных пунктах), усложнение характера связи с природной и социальной средой, обострение межэтнических отношений. Все это ведет к утрате традиционных форм адаптации и кризису адаптивной способности представителей этих народов в современном мире.

4. Среди наиболее острых проблем этнического воспроизводства стоит отметить разрыв внутриэтнических связей, сужение брачного круга для представителей коренных малочисленных народов Севера, а также интенсификацию процессов метисации.

5. Особо нужно выделить проблемы, связанные с кризисом культуры и языка этих народов. Представляется, что если для сохранения культуры и языка титульного алтайского этноса определенные

⁴⁵ Никитин М. А. Народы Среднего и Нижнего Приобья в конце XX – начале XXI века (административно-правовой и этнокультурный аспекты): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

усилия в Республике Алтай предпринимаются, в том числе и на законодательном уровне, то достаточных условий для сохранения культурных особенностей челканцев, кумандинцев, тубаларов, теленгитов и телеутов не создано. Подчеркнем, что языки меньшинств нуждаются в институциональной поддержке, так как в современных условиях они не могут на равных конкурировать с русским на рынке образования и трудоустройства.

6. Подробно следует сказать о проблеме коренных малочисленных народов Севера, проживающих Республики Алтай, которая связана с двойственной идентичностью. Известно, что такие субэтнические группы, как кумандинцы, тубалары, челканцы, телеуты и теленгиты являются одновременно представителями коренных малочисленных народов и частью алтайского народа. В советское время субэтническая идентичность сохранялась ее носителями, однако особенно ярко она актуализировалась в связи с их признанием коренными малочисленными народами. Как заключают О. В. Нечипоренко и М. Р. Зазулина, «идентификация с алтайским этносом стала ослабевать в период перестройки (прежде всего, в среде северных алтайцев), что способствовало нарастанию кризиса коллективной общеалтайской идентичности и привело к формированию двух взаимоисключающих типов самосознания, этнического (постулирующего, что алтайцы – это один народ) и субэтнического (постулирующего, что алтайские субэтноты – это разные народы)»⁴⁶.

В современный период органы власти республики имеют установку на сохранение статуса республики, который обеспечивает бюджет региона дополнительным федеральным финансированием. По заявлению Председателя Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай И. И. Белекова перед народами Алтая «стоит задача сохранить единство алтайского народа»⁴⁷. Эта цель достижима за счет нивелирования субэтнических различий. В то же

⁴⁶ Нечипоренко О. В., Зазулина М. Р. Автохтонные этносы Сибири: особенности воспроизводства духовной культуры и этнической идентичности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2015. № 4(64). Т. 1. С. 20.

⁴⁷ Предстоящая перепись стала причиной дебатов об этнической общности алтайцев // Новости Горного Алтая. 21 апр. 2009 г. URL: <http://www.gornomaltaisk.info/news/2078> (дата обращения 15.04.2016).

время в программных заявлениях органов власти делается обязательный акцент на необходимости сохранения коренных малочисленных народов Севера в республике, в том числе для пролонгации федеральной материальной поддержки, оказываемой представителям этих народов в соответствии с законом. Из-за неоднозначности описанной ситуации не все представители коренных малочисленных народов регистрируют свой статус официально. Это вызвано как трудоемкостью процедуры закрепления статуса за носителем, так и ощущением ими себя частью алтайского этноса⁴⁸. Кроме того, часть самих алтайцев считает, что признание статуса коренного малочисленного народа Севера за алтайскими субэтносами ведет к этнической дифференциации, распаду этноса. По мнению местного населения, в этом случае численность титульного этноса может сократиться, а республика – лишиться статуса субъекта федерации⁴⁹. Следствием такого положения дел является феномен двойственной идентичности представителей этих народов: часть из них называют себя и алтайцами, и, например, теленгитами). Стоит согласиться с Г. Б. Эшматовой, что «выделение коренных малочисленных народов... из состава алтайцев во многом остается не только в теоретическом, но и в практическом плане дискуссионным вопросом и вызывает противоречивые оценки как на уровне государственных властных структур, так и на бытовом уровне»⁵⁰.

Как показывают результаты исследований, двойственная идентичность представителей коренных малочисленных народов Севера, проживающих на Алтае, с одной стороны, выражается в признании их представителями важным сам факт осознания своей этнической принадлежности, но, с другой стороны, нередко проявляется в неуверенности ее определения. Представляется, что феномен двойст-

⁴⁸ *Чемчиева А. П.* Алтайские субэтносы в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. С. 181.

⁴⁹ *Персидская О. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А.* Проблемы сохранения и развития коренных малочисленных народов в условиях современных социокультурных трансформаций // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 97.

⁵⁰ *Эшматова Г. Б.* Специфика современной этносоциальной ситуации в Республике Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сб. / Отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. Вып. 10. С. 126.

венной идентичности способствует возникновению внутреннего конфликта у представителей коренных малочисленных народов и ведет к угасанию значимости принадлежности к своему малому народу.

Весь комплекс проблем, с которыми столкнулись на современном этапе коренные малочисленные народы Республики Алтай, вынуждает согласиться с У. А. Винокуровой в том, что представители этих народов подвергаются угнетению. Исследователь считает, что модель отношения к представителям этих народов, сложившаяся в республике, представляет собой их вытеснение: «четвертая модель – вытеснение коренных народов. Эта модель распространена на благодатных территориях исконных земель многих коренных и малочисленных народов Сибири, особенно в республиках Алтай и Хакасия. Проявляется в захвате пастбищ, территорий вдоль берегов Катуни, знаменитых озер, долин различными юридическими и физическими лицами, занятыми туристско-рекреационными видами деятельности»⁵¹.

Взглянуть на ситуацию с коренными малочисленными народами Севера Республики Алтай с другой стороны позволяет анализ результатов массового опроса 2014 г. Из опрошенных в регионе более чем 400 человек к представителям этих народов себя отнесли 44 респондента.

По результатам количественного анализа полученных данных, социальное самочувствие представителей коренных малочисленных народов по их собственной оценке позитивно: вполне удовлетворены своей жизнью в целом 65,1% опрошенных, не совсем довольны – 25,6 %, не довольны – 0 % (!). Более подробный анализ удовлетворенности конкретными сторонами жизни показал, что наибольшую неудовлетворенность у представителей коренных малочисленных народов вызывают уровень доходов и работа местных органов власти (см. табл. 4).

⁵¹ Винокурова У. А. Коренные народы Сибири: могут ли они ответить на вызовы XXI века? // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 110.

Таблица 4

**Уровень удовлетворенности представителей КМНС
Республики Алтай разными сторонами жизни, %**

Стороны жизни	Довольны	Не совсем довольны	Не довольны
Уровень доходов	30,2	37,2	30,2
Медицинское обслуживание	59,1	20,5	15,9
Работа местных органов власти	34,1	31,8	22,7
Жилищные условия	69,0	21,4	7,1

В числе проблем, обозначенных представителями коренных малочисленных народов в качестве наиболее актуальных, находятся сохранение и развитие родного языка и традиционной среды обитания, а также проблема, связанная с необходимостью паритетного предоставления льгот и распределения материальных благ по национальному признаку. Примечательно, что обозначенные проблемы по своей злободневности обогнали даже материально-бытовые, а именно, необходимость борьбы с алкоголизмом и важность улучшения условий жизни (см. табл. 5).

Таблица 5

**Проблемы, обозначенные представителями КМНС
как наиболее актуальные для их сохранения и развития, %**

Сохранение и развитие родного языка	81,4
Сохранение традиционной природной среды обитания	53,5
Предоставление льгот и распределение материальных благ по национальному признаку	48,8
Улучшение условий жизни всех жителей округа (города, поселка)	41,9
Борьба с алкоголизмом	37,2
Увеличение численности представительства коренных малочисленных народов в органах власти и местного самоуправления	30,2
Решение демографической проблемы путем возрождения семейных ценностей и роста рождаемости	23,3
Возрождение традиционных религиозных верований	20,9

Уровень патерналистских ожиданий остается в среде коренных малочисленных народов чрезвычайно высоким: среди опрошенных в Республике Алтай представителей этих народов не на-

шлось ни одного человека, который бы считал, что дополнительные меры поддержки со стороны государства не нужны. За исключением затруднившихся ответить и предложивших свой вариант ответа, оставшиеся 83,7 % заявили о необходимости поддержки со стороны государства.

Мнения опрошенных касательно будущего коренных малочисленных народов Севера в регионе разделились, не выявив явной позитивной или негативной оценки перспектив их развития. Настораживает значительное число – треть опрошенных среди представителей этих народов – затруднившихся предположить, что ждет их в будущем. В то же время больше половины русских и казахских респондентов, которым был задан аналогичный вопрос, считают, что будущему коренных малочисленных народов не угрожает ничего. Интересно, что с ними не согласны половина опрошенных алтайцев, которым, как представляется, ближе и понятнее стоящие перед коренными малочисленными народами проблемы: 51 % из них считают, что будущее этих народов находится под угрозой.

Сопоставление двух показателей социального самочувствия – удовлетворенности своей жизнью в настоящем и неуверенность в будущем – подтверждает гипотезу о том, что на уровне повседневных практик жизни коренных малочисленных сообществ региона сохраняется устойчивая ориентация «жить сегодняшним днем».

Следует заострить внимание на том, что уровень патерналистских ожиданий у представителей коренных народов остается чрезвычайно высоким, что, вероятно, вызвано в том числе зафиксированной степенью тревожности по поводу перспектив их будущего. Решать такие проблемы, как сохранение родного языка, территорий традиционного природопользования, а также необходимость равного, основанного на паритете интересов, доступа к экономическим (предоставление льгот) и политическим (пропорциональное представительство во власти) ресурсам, самостоятельно коренные малочисленные народы не могут. Гарантом сохранения их языка, культуры и образа жизни остается государство, и его способность выполнять свои обязательства перед этой категорией своих граждан является одним из определяющих факторов самочувствия представителей коренных малочисленных народов Севера. Представляется, что в сложившихся условиях социальное самочувствие и перспективы

развития коренных малочисленных народов Республики Алтай нуждаются в особо пристальном внимании как со стороны власти, так и научного сообщества⁵².

Изменения идентификационных стратегий жителей Республики Алтай. Формирование общенациональной российской идентичности является одной из важнейших современных задач внутренней политики России, поскольку отсутствие стратегической определенности в этом вопросе и утрата чувства национального самосознания могут привести к неспособности четко формулировать и отстаивать национальные интересы⁵³. В то же время, наряду с укреплением общероссийского гражданского единства, значимой задачей реализации внутренней политики страны постулируется развитие этнокультурного многообразия народов России. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года в явном виде обозначены как задачи укрепления государственного единства и целостности России, так и сохранения этнокультурной самобытности ее народов, «сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России,... активизация всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развитие их национальных языков и культур»⁵⁴. Этническое своеобразие народов, населяющих Республику Алтай, специфика природно-географической среды и исторического развития, обусловившие яркость иллюстраций этнической и общенациональной идентичности ее жителей, дают основания для фиксации актуальности исследования соотношения общенациональной и этнической идентичности у группы народов данного региона.

В инструментарий (анкету) массового социологического опроса 2014 г. были заложены несколько уровней идентичности. Помимо

⁵² Персидская О. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А. Коренные малочисленные народы Сибири в условиях современных социокультурных трансформаций // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13, № 3. С. 94–101.

⁵³ Буханцова А. В., Куценко С. В. Гражданская идентичность как ресурс консолидации общества // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 2 (24). С. 112.

⁵⁴ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (п.2, раздел I Общие положения). URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата обращения 15.05.2016).

этнической и гражданской идентичности, это макрорегиональная (сибирская) и региональная идентичность (выраженная в важности ощущения себя жителем Республики Алтай). Кроме того, в задачи исследования входило выяснение степени актуальности для респондентов таких этноконсолидирующих факторов, как язык и культура, а также некоторых аспектов, связанных с идентификацией через соблюдение традиционной религиозной и этнической обрядности. Так как принято считать, что структура идентичности многомерна и в ней могут быть одновременно выражены несколько составляющих, респондентам в ходе исследования предлагалось не проводить ранжирование идентичностей или выбирать какую-либо из альтернативных, а отметить важность или не важность ощущения себя россиянином, сибиряком, представителем своей национальности и жителем Республики Алтай.

По результатам анализа данных проведенного массового опроса, все обозначенные аспекты идентичности оказались значимыми для респондентов, однако существуют некоторые интересные вариации в предпочтениях той или иной идентичности разными этническими группами (см. табл. 6).

Таблица 6

Важность для респондентов разных видов идентичности, %

Виды идентичности	Этнические группы			
	русские	алтайцы	казахи	КМНС
Важно чувствовать себя представителем своего народа	69	96	88	91
Важно чувствовать себя россиянином	92	86	99	88
Важно чувствовать себя сибиряком	78	78	90	81
Важно чувствовать себя жителем Республики Алтай	69	93	95	95

Общенациональная идентичность, выраженная в важности для респондентов ощущения себя россиянином, является у этнических групп Республики Алтай существенно выраженной. Ее важность для себя отметили 92 % русских, 86 % алтайцев, 88 % представителей коренных малочисленных народов Севера и 99% казахов. При этом, если у русских и казахов выраженность общенациональной иден-

тичности преобладает над этнической (причем у русских преобладает значительно), то для алтайцев и представителей коренных народов этническая несколько более преобладает над общенациональной.

Актуальность этнической идентичности опрошенных алтайцев, казахов и представителей коренных малочисленных народов высока: степень важности ощущения себя представителем своего народа в этих группах около (или даже выше) 90 %. Интересную статистику демонстрируют данные по опрошенным русским: у них самый низкий процент обозначивших важность для себя этнической идентичности. Кроме того, каждый четвертый из опрошенных отвечал, что для него «ощущать себя представителем своего народа» не важно. В то же время, актуальность знания языка и культуры своего народа – фактора, который является основным содержанием этнической идентичности – высока для всех этносов в Республике Алтай. Также высокие показатели у фактора, связанного с актуальностью трансляции языка и культуры последующим поколениям – от 85 до 95 % опрошенных важно, чтобы их дети знали язык и культуру своего народа. Таким образом, для алтайцев, казахов и представителей коренных малочисленных народов важно ощущать себя представителем своего народа, и столь же необходимо знать и транслировать последующим поколениям язык и культуру своего народа. Но для русского этноса ситуация иная: с одной стороны, отмечается важность языка и культуры своего народа, но, с другой стороны, самоощущение себя как русского выражено слабее.

Сравнение степеней выраженности макрорегиональной (сибирской) и региональной (республиканской) идентичностей показывает, что для алтайцев, представителей коренных малочисленных народов и казахов идентификация себя как жителя республики выражена сильнее, нежели идентификация как сибиряка. Для опрошенных русских ситуация обратная – большее их число отметило важность для себя сибирской, а не региональной идентичности.

Сравнительный анализ разных видов идентичности показывает, что для большинства опрошенных русских, как уже говорилось, наиболее актуальной является общенациональная идентичность, чуть меньшее их число считают важной сибирскую идентичность и еще меньшее – этническую и региональную. Наибольшее число опрошенных алтайцев отметили важность для себя этнической иден-

тичности, немного меньшее – региональной и общенациональной идентичности. Большинство респондентов среди казахов акцентировали общенациональную идентичность, на втором месте по распространенности находятся региональная и затем прочие виды идентичности. Наконец, большинству опрошенных представителей коренных малочисленных народов Республики Алтай важно чувствовать себя представителями своего народа и жителями республики, немного меньшему их числу важно ощущать себя россиянами и сибиряками.

Отметим также специфический вид идентичности, актуальный для представителей субэтнических групп Алтая: родовую идентичность. Как известно, разделение алтайцев на отдельные сеоки (роды) издавна служило основой организации алтайских этнических групп (принцип организации по родам позволяет, например, не допустить брак между представителями одного сеока, так как они считаются близкими родственниками). Результаты опроса, проведенного О. В. Нечипоренко и М. Р. Зазулиной в Улаганском районе Республики Алтай, показали, что родовая идентичность коренного населения достаточно выражена: «в ходе опроса свой сеок смогли назвать 98 % респондентов, при этом знание родовой принадлежности продемонстрировали представители всех субэтнических групп»⁵⁵. Представляется, что уровень родовой идентичности находится в несколько иной плоскости по сравнению с этнической, гражданской или региональной, так как в его основе лежит принцип родства, а не единства территории.

Как представляется, зафиксированный в ходе массового социологического опроса баланс между этнической, общенациональной, макрорегиональной и региональной идентичностью – когда ни одна из них не является ни явно преобладающей, ни недостаточно востребованной по сравнению с другими – является наиболее благоприятным и для отдельной личности, и для общества в целом. Все это позволяет предположить наличие оснований для полноценного развития полиэтнической общности народов Республики Алтай в рамках единого национального государства.

⁵⁵ Нечипоренко О. В., Зазулина М. Р. Автохтонные этносы Сибири: особенности воспроизводства духовной культуры и этнической идентичности. С. 20.

По нашему мнению, этническая идентичность может достаточно гармонично сосуществовать (и сосуществует) с гражданской идентичностью. Принципиально значимым представляется, что основой этнической идентичности является культурно-языковая компонента общественного бытия. Поэтому при сохранении политического, экономического и правового единства Российской Федерации, при осмысленной политике не слияния этих сфер, этнокультурное многообразие в стране не является фактором угрозы раздробленности страны, но, наоборот, выполняет функцию определенного механизма «распознавания себя» российским сообществом через выбор собственных историко-культурных традиций. В этом смысле укрепление локальных этнических идентичностей может и должно являться фундаментом формирования общероссийской гражданской идентичности.

Специфика культурных процессов в условиях глобализации. Сохранение и обеспечение условий для воспроизведения культур народов Российской Федерации прописано в Стратегии государственной национальной политики⁵⁶ как одна из основных задач. В то же время, в культурном пространстве Республики Алтай, сотканном сложным переплетением культур этнических групп, населяющих ее, существует ряд проблем, требующих решения.

Говоря об этих проблемах, эксперты, принявшие участие в исследовании 2014 г., не редко обобщали их как «кризис алтайской культуры». Речь идет о постепенной утрате знания языка, особенностей традиционных верований, тонкостей обрядовых процедур как титульным населением республики (алтайцами), так и представителями субэтнических групп. Как говорят эксперты, хотя сохранению культуры на республиканском уровне уделяется особое внимание (так, в Конституции Республики алтайский и русский языки равноправны, проводятся многочисленные алтайские праздники и т. д.), на деле культурная консолидация принимает скорее формальный вид. Адаптация культурных практик для национальных фестивалей и праздников приводит к постепенной их замене на нежизнеспособ-

⁵⁶ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (п.2, раздел I: Общие положения).

ный эрзац, когда культура становится экзотической приманкой для туристов и перестает выполнять свою функцию по интеграции и идентификации этнического сообщества: «при строительстве новых зон отдыха используется алтайская цветовая и архитектурная символика, мифологические образы как привлекательные турпродукты, но собственно алтайская культура не выдерживает натиска европейского стиля природопользования»⁵⁷.

Имеются значительные различия в распространенности и «укорененности» традиционной культуры алтайцев на территории республики. А.Л. Бабич заключает, что «алтайская культура ... плохо сохранилась в северной части республики ... Здесь много браков между русскими и алтайцами. Проживающие здесь алтайцы плохо знают алтайский язык, предпочитая использовать русский. При организации свадьбы или похорон они не придерживаются алтайских традиций и больше тянутся к русской и российской культуре. В большей степени алтайская традиционная культура сохраняется в южной части Горного Алтая... Обычаи и народные традиции здесь функционируют и в общественном быту, ... и в семейной сфере... Южные алтайцы готовят национальную пищу, носят национальные костюмы, строят традиционные постройки (айлы) и придерживаются языческих верований. В полном объеме в этих районах используется разговорный алтайский язык»⁵⁸.

Тревожащие тенденции связаны с постепенной утратой алтайского языка: в школах алтайский язык не является обязательным предметом, учебники не переиздаются, молодежь и дети стремятся изучать русский (поскольку русский язык представляется более востребованным для получения или продолжения образования и трудоустройства за пределами республики). Фактически никто не занимается обновлением алтайского языка с учетом современных, недавно вошедших в лексикон слов, издается крайне мало периодических

⁵⁷ *Чемчиева А.П.* Алтайские субэтносы в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. 254 с.

⁵⁸ *Бабич И.Л.* Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай // Антропология и смежные науки. Изучение человека, культуры и общества. URL: <http://www.social-anthropology.ru/node/106> (дата обращения 15.04.2016).

изданий на алтайском языке, на улицах и трассах вывески на русском не всегда дублируются по-алтайски.

Особенно тревожащими отмеченные тенденции представляются в свете анализа мнений жителей Республики Алтай по поводу актуальности для них проблем, связанных с языком, культурой, религией. Результаты массового опроса показывают, что от 92 до 98 % алтайских респондентов заявляют об актуальности и важности для себя знания языка своего народа, хотят соблюдать свои традиции и религиозные обычаи. Примечательно, что столь же высок процент тех, кто уверен в необходимости передачи знаний о языке и культуре своего народа следующему поколению – собственным детям. Те же тенденции были зафиксированы у представителей коренных малочисленных народов Севера (теленгитов) в исследовании О. В. Нечипоренко и М. Р. Зазулиной: «результаты нашего исследования демонстрируют высокое значение традиционной культуры в обследованном районе. Очевидно, что коренное население Улаганского района, несмотря на развитие глобального процесса гомогенизации культурных практик, еще сохраняет свою самобытность, что выражается в сохранении традиционной обрядности, повышении престижа и уровня владения родным языком, сохранении культурной преемственности»⁵⁹. Можно предположить, что в желании сохранять и воспроизводить язык, верования и обряды выражено представление алтайцев о своей культуре как об этноконсолидирующем и идентификационном механизме, который позволяет сохранить уникальное этническое самоощущение в стремительно глобализирующемся мире.

С точки зрения социокультурного подхода, Республика Алтай является специфичной системой, а ее ядро – межэтническое сообщество, образованное по большей части русским, алтайским и казахским населением – объединено взаимосвязанными политическими, экономическими, культурными и социальными процессами. Социокультурная динамика развития региона не может быть оценена однозначно. При том, что экономические процессы в Республике Алтай

⁵⁹ Нечипоренко О. В., Зазулина М. Р. Автохтонные этносы Сибири: особенности воспроизводства духовной культуры и этнической идентичности. С. 18–23.

находятся в стадии стагнации (в регионе в результате социально-экономического кризиса и последовавшей за ним затяжной рецессии значительно деградировали базы для развития легкой промышленности и сельского хозяйства, которые служили основой экономики региона, туристическая отрасль пока что находится в стадии становления; денежные доходы населения в современный период остаются низкими, остро стоит проблема безработицы и т.д.), социальное самочувствие населения (по результатам проведенного социологического опроса) является достаточно оптимистичным. Также в целом позитивна оценка населением динамики межэтнических отношений: преобладающая часть опрошенных характеризуют преобладающие в их населенном пункте межэтнические отношения как хорошие, более трети считают, что такими же межэтнические отношения останутся и в будущем. Однако в данной сфере есть проблемные точки – среди них, например, угроза будущему представителей коренных малочисленных народов, вопрос паритета представительства разных этнических групп во власти, напряженность между казахским и алтайским населением в Кош-Агачском районе республики.

Следует отметить, что сценарий благополучного развития региона в будущем должен быть основан на повышении благосостояния населения через структурную перестройку и развитие традиционных для республики отраслей. Продуманная на уровне государственной этнонациональной политики стратегия развертывания в регионах этноэкономических отраслей может служить не только цели сокращения экономической дифференциации регионов, но и сохранению позитивной этнокультурной идентичности их населения.

Особого внимания заслуживает экосфера региона, испытывающая возрастающую нагрузку в связи со стихийным развитием туристической отрасли. В Республике Алтай целесообразно развивать только те виды туризма, которые не оказывают негативного влияния на окружающую природную среду, а также способствуют сохранению традиционной культуры жителей региона.

Также представляется, что стратегия улучшения показателей социально-культурной и экономической динамики региона должна включать акцентирование значимости этнических культур республики в этнонациональной политике. Это касается как необходимости преодоления неопределенности двойственной идентичности пред-

ставителей коренных малочисленных народов, вызванной зафиксированной неоднозначностью курса современной политики в регионе, так и важность равной институциональной поддержки развития культур как алтайцев, так и представителей коренных малочисленных народов Севера.

С точки зрения перспектив использования геополитического потенциала Республики Алтай видится приоритетным упрочнение статуса региона в евразийском пространстве. Ориентиры реализации национальной политики на региональном уровне должны формироваться с учетом трансграничного положения региона и укрепления межкультурного евразийского пространства.

Список литературы

Численность и размещение населения: Стат. сб. Горно-Алтайск: Алтайстат, 2012.

Асеев С. Ю., Асеева Т. А., Казанцев Д. А., Киреева О. С., Шашкова Я. Ю. Угрозы национальной безопасности в процессе идентификации жителей Республики Алтай в контексте полиэтнического и поликонфессионального социокультурного пространства региона. Барнаул: Си-пресс, 2016. 64 с.

Бабич И. Л. Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай // Антропология и смежные науки. Изучение человека, культуры и общества. URL: <http://www.social-anthropology.ru/node/106> (дата обращения 15.04.2016).

Бурко А. А. Интерпретация показателя «Социальное самочувствие» // Социология и общество: Тезисы I Всерос. социол. конгр. «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб.: Изд-во «Скифия», 2000. 682 с.

Буханцова А. В., Кущенко С. В. Гражданская идентичность как ресурс консолидации общества // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 2(24). С. 112–117.

Винокурова У. А. Коренные народы Сибири: могут ли они ответить на вызовы XXI века? // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 106–117.

Гончарова Г. С. Этнодемографические процессы в регионах Сибири и национальная политика // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, №3. С. 239–249.

Гончарова Н. П. Социальная сфера села: предварительные результаты исследования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 1 / Под ред. Е.А. Попова. Барнаул, 2009.

Демографическая ситуация в Республике Алтай стабильна. URL: <http://gornoaltaysk.monavista.ru/news/2641910/> (дата обращения 10.06.2017).

Дирин Д. А., Голядкина Е. И. Роль туризма в трансформации социально-экономического пространства Республики Алтай // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. № 8–1. С. 64–68.

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / Под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. М.: Аналит. центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с.

Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // Философия образования. 2015. № 1 (58). С. 165–177.

ИРЧП субъектов Российской Федерации. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ИРЧП_субъектов_Российской_Федерации#cite_note-autogenerated3-4 (дата обращения 02.06.2017).

Итоги ВПН 2010 г. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай. URL: http://statra.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/statra/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения 17.10.2017)

Итоги ВПН 2010 г. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls (дата обращения 07.07.2017).

Красноярова Б. А. Современные процессы реформирования и диверсификации экономики алтайских регионов России // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 1 (4). С. 108–114.

Литягин Е.В. Латентные конфликты и риски в полиэтнической среде Республики Алтай (на примере Турочакского района Респуб-

лики Алтай) // Социальные процессы в современной Западной Сибири: Сб. науч. тр. Горно-Алтайск, 2015. С. 139–142.

Лысенкова В., Рудский В.В. Социально-экономическая трансформация сельской местности (Алтайский край, Республика Алтай) // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 43–53.

Лысенкова В., Рудский В.В. Социально-экономическая трансформация сельской местности (Алтайский край, Республика Алтай).

Мадюкова С. А. Национальная политика и туризм в Республике Алтай // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 4. С. 188–201.

Мадюкова С. А., Персидская О. А., Ерохина Е. А. Социальное самочувствие и перспективы развития коренных малочисленных народов России (по материалам социологических исследований в регионах Обского Севера и Южной Сибири) // Общество и этнополитика: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2015. С. 222–231.

Макошева А. А., Макошев А. П., Апеньшиева И. Н. Население Республики Алтай (системно-структурный анализ) // Информационные образовательные ресурсы ГАГУ. URL: <http://e%lib.gasu.ru/eposobia/makoshev/> (дата обращения 22.01.2016).

Морозова Е. А., Лузгарева О. И. Виды и формы трудовой занятости коренных малочисленных народов в регионах юга Западной Сибири // Фундаментальные исследования. 2016. № 2–2. С. 406–410.

Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Materials/pril2_dok2.xlsx (дата обращения 24.01.2016).

Нечипоренко О. В., Зазулина М. Р. Автохтонные этносы Сибири: особенности воспроизводства духовной культуры и этнической идентичности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2015. № 4 (64). Т. 1. С. 18–23.

Никитин М. А. Народы Среднего и Нижнего Приобья в конце XX – начале XXI века (административно-правовой и этнокультурный аспекты): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

Основные характеристики и показатели экономики Республики Алтай. URL: http://geolike.ru/page/gl_4837.htm (дата обращения 01.11.2017).

Персидская О. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А. Коренные малочисленные народы Сибири в условиях современных социокультурных трансформаций // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13, № 3. С. 94–101.

Персидская О. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А. Проблемы сохранения и развития коренных малочисленных народов в условиях современных социокультурных трансформаций // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 97.

Попков Ю. В., Персидская О. А. Сравнительное исследование этносоциальных процессов и этнонациональной политики в регионах Сибири // Новые исследования Тувы. 2014. № 4 (24). С. 6.

Предстоящая перепись стала причиной дебатов об этнической общности алтайцев // Новости Горного Алтая. 21 апр. 2009 г. URL: <http://www.gorno-altaisk.info/news/2078> (дата обращения 15.04.2016).

Распределение населения Республики Алтай по величине среднедушевых денежных доходов (в процентах). URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/resources/a627e900414049f2a28fa7a3e1dde74c/Распределение+населения+Республики+Алтай+по+величине+среднедушевых+денежных+доходов.pdf (дата обращения 17.10.2017).

Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Росстат. 2016. 1326 с.

Рейтинг социального самочувствия регионов России. Третий выпуск. URL: <http://civilfund.ru/mat/63> (дата обращения 10.06.2017).

Рязанов И. О., Дуплинская Е. Б. Анализ развития малого и среднего предпринимательства в Республике Алтай // Проблемы антикризисного управления и экономического развития (ПАОУЭР-2016): Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (27–31 октября 2016 г.). Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2017. С. 279–286.

Социальный атлас российских регионов. Портреты регионов. Республика Алтай. URL: <http://atlas.socpol.ru/portraits/alt.shtml> (дата обращения 17.10.2017).

Среднедушевые денежные доходы по субъектам Российской Федерации 2013–2016 гг. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/table.jpg (дата обращения 18.05.2017).

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (п.2, раздел I Общие положения).

URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата обращения 15.05.2016).

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (п.2, раздел I: Общие положения).

Стратегия социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2035 года. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/4fd6c9b7-1dc8-4371-a699-453afde72cb7/altay.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=4fd6c9b7-1dc8-4371-a699-453afde72cb7> (дата обращения: 23.10.2017).

Финансовый словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/in_enc/28350 (дата обращения 17.10.2017).

Чемчиева А.П. Алтайские субэтнотипы в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. 254 с.

Чемчиева А. П. Современные демографические процессы в Республике Алтай: основные тенденции и особенности // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 288–296.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/mun_obr2017.rar (дата обращения 17.10.2017).

Чистякова В. А., Лукьяненко Т. И., Манеева Н. Ф., Карплюк П. Н., Сазонова О. К., Гонохова Т. А. Исследование социально-демографических и социально-культурных проблем коренных и малочисленных народов Севера // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7–1. С. 135–139.

Эшматова Г. Б. Специфика современной этносоциальной ситуации в Республике Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сб. / Отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. Вып. 10. С. 120–127.

Глава 3

СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ РОССИИ

3.1. Основные тренды и перспективы динамики развития сельских сообществ России

Современную динамику в экономике локальных сообществ сельской России, трансформацию массовых хозяйственных практик и трудовых ориентаций крестьянства предопределили:

1) законы рынка, предопределяющие разорение и крах неэффективных игроков (а большинство «крупхозов», возникших как специфические «переходные» образования, оказались к началу 2010-х гг. банкротами или находились в состоянии, близком к банкротству);

2) изменения государственной аграрной политики (мероприятия по повышению эффективности сельскохозяйственных производителей, означающие и прекращение государственной политики поддержки убыточных сельхозпроизводителей);

3) структурная перестройка аграрной сферы.

Складывающиеся тренды современного развития села, с одной стороны, свидетельствуют о повышении эффективности сельской экономики, росте производства сельскохозяйственной продукции и повышении уровня самообеспечения страны продовольствием, а с другой, – определяют возникновение новых социальных рисков. Данные риски имеют многомерный характер – от геополитического измерения (риски утраты социального контроля над рядом «депрессивных» территорий) до социокультурной сферы (кризис системных элементов традиционной культуры общества).

Можно предположить, что «неокрестьянский» уклад экономики личных подсобных хозяйств (далее – ЛПХ), сформировавшийся в условиях трансформационного кризиса, в условиях стабилизации, будучи адаптационно-кризисной формой, должен либо исчезнуть, либо трансформироваться (возможно, превращаясь из укладной формы организации экономики и социальной жизни крестьян во второстепенную структуру, выполняющую вспомогательные функции, т.е. вновь обретая «подсобное» значение).

Данные статистики и социологических опросов 2009–2017 гг. во многом подтверждают такое предположение (см. табл. 1).

Таблица 1

**Структура производства
видов сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств
(в % от общего объема производства)**

	1990	2000	2010	2011	2012	2013	2014	2015
<i>Сельскохозяйственные организации</i>								
Зерно	99,7	90,8	77,1	76,8	76,8	74,5	73,7	72,7
Картофель	33,9	7,5	10,5	13,0	13,1	10,9	12,1	13,8
Скот и птица на убой (в убойном весе)	75,2	40,2	60,6	63,3	66,9	70,3	72,4	74,5
<i>Хозяйства населения</i>								
Зерно (в весе после до- работки)	0,3	0,8	1,0	1,1	1,0	0,9	1,0	1,0
Картофель	66,1	91,2	84,0	79,6	78,9	82,3	80,4	77,6
Скот и птица на убой (в убойном весе)	24,8	58,0	36,5	33,7	30,2	26,9	24,7	22,6
<i>Крестьянские (фермерские) хозяйства</i>								
Зерно (в весе после до- работки)	0,01	8,4	21,9	22,1	22,2	24,6	25,3	26,3
Картофель	0,0	1,3	5,5	7,4	8,0	6,8	7,5	8,6
Скот и птица на убой (в убойном весе)	0,01	1,8	2,9	3,0	2,9	2,8	2,9	2,9

Источник: Российский статистический ежегодник 2016. М., 2016. С. 379.

Современная ситуация с ЛПХ (выступающего в качестве одного из важнейших средств жизнеобеспечения домохозяйств в сельской и провинциальной России) характеризуется постепенным, но неуклонным снижением роли сегмента подсобных хозяйств в общей структуре аграрного производства России: пик производства скота и птицы на убой в ЛПХ был достигнут в 2000 г., когда «подсобными» хозяйствами было произведено более половины товарного мяса – 58 %. К 2015 г. доля ЛПХ в производстве мяса, постепенно сокращаясь, снизилась до 22 % (сокращение ниже дореформенных показателей). За те же годы существенно снизилась роль ЛПХ и в производстве товарного картофеля (91 % в 2000 г. и 77 % в 2015 г.). Падение значения хозяйств населения в производстве этих товаров в основном было восполнено за счет повышения роли сельскохозяй-

ственных организаций (прирост на 34 % и 6 %, соответственно), а также фермерства (демонстрирующего с начала 2000-х гг. уверенный рост по всем показателям).

Каковы причины такого стремительного падения роли этого уклада в структуре агропроизводства (в некоторых сельских сообществах России в 1990-е гг. да и сегодня – выступавшего основой выживания и воспроизводства жителей села)?

Во-первых, сокращение значения сегмента ЛПХ связано с исчерпанием ресурсов симбиозных экономических форм. Социальный потенциал предприятий – доноров подрывается вследствие деградации производственного потенциала нерентабельных или малорентабельных хозяйств («крупхозов»). По мере сокращения ресурсной базы крупных сельхозпроизводителей и постепенного внедрения принципов рыночной рациональности в деятельность реформированных предприятий, прямое присвоение и безвозмездное использование ресурсов уступает место кредитованию населения, и льготному обеспечению потребностей домохозяйств, необходимых для реализации их экономических и социальных функций. Исследования 2013–2017 гг., проведенные в процессе социологического мониторинга процессов самоорганизации в российском селе (Новосибирская область), показали, что наиболее распространенными видами помощи ЛПХ являются продажа по льготным ценам кормов, а также выделение транспорта для подвозки сена, дров, трактора для вспашки огородов. В то же время, судя по незначительной доле респондентов, выбравших тот или иной вариант ответа, даже в случае, когда поддержка населения осуществляется, она имеет минимальные объемы. При этом они перестают выполнять ряд функций по неформальной поддержке сельского социума, в рамках сложившейся в 1990-х гг. симбиотической модели, выступая в этом плане антиподом тесно связанного с локальными сельскими общностями «крупхоза» (например, прекращается поставка кормов по льготным ценам, что напрямую влияет на эффективность и экономические объемы производства в ЛПХ).

Во-вторых, новые тенденции в развитии аграрного сектора России характеризуются институциональными и социально-структурными инновациями, систематизирующими хаотичное рыночное реформирование 1990-х гг. Экономические и социальные функции хо-

зяйств населения развивались в ходе пассивной адаптации населения к рынку, трансформации прежней экономической организации социума. Общие изменения в экономике оказывают влияние и на формы социально-экономической адаптации населения. Содержание современного этапа развития аграрной сферы характеризуется кризисом реактивно-пассивных стратегий адаптации (в результате реализации которых формируются симбиотические социально-экономические структуры). Адаптационные экономические формы постепенно приходят в упадок (что связано также с курсом государственной аграрной политики на «оздоровление» сельхозпроизводителей, т. е., отказом от поддержки нерентабельных хозяйств). В экономику села внедряются действительно инновационные уклады, в том числе представленные вертикально интегрированными экономическими предприятиями с участием городского капитала (агрохолдинги); возрастает значение фермерских хозяйств, доказавших свою жизнеспособность; постепенно изменяются массовые адаптационные стратегии. Эти изменения в ориентациях социально-экономического поведения сельского социума обусловлены не столько осознанием несоответствия реактивно-пассивных механизмов адаптации, сколько неудовлетворительными результатами следования стратегиям, сформированным в период кризиса.

В-третьих, результаты многолетних исследований демонстрируют, что ни следование исключительно стратегии экономической натурализации, ни многоканальная модель адаптации (совмещение трудовой активности домохозяйств в сфере ЛПХ и одновременная работа в «крупхозе») не дают удовлетворительных результатов в области материального благосостояния жителей села – прежде всего, в силу низкой экономической эффективности и высокой трудоемкости такой деятельности. Успехи в социально-экономической адаптации достигаются домохозяйствами путем наращивания объемов тяжелого, неквалифицированного ручного труда, зачастую специалистами неаграрного профиля, с ограниченным использованием техники. Очевидно, что нетоварное или мелкотоварное сельскохозяйственное производство может быть привлекательным только на определенном временном интервале – как феномен, сформировавшийся в качестве реакции на кризисные явления в социально-экономической сфере. А современный спад ЛПХ можно условно охарак-

теризовать как «психологическую усталость» от десятилетий жизни в режиме выживания. Ретроспективный анализ результатов социологических исследований, проведенных с 2001 по 2017 г., показывает, что к числу наиболее актуальных проблем респонденты относят безработицу, пьянство, распространение бедности и нищеты. Во всех обследованных ареалах денежные доходы населения крайне низки: подавляющая часть домохозяйств находится ниже официального порога бедности, причем сравнение данных различных лет не показывает положительной динамики в решении этой проблемы. Доминирующее настроение жителей села определяется неуверенностью в своем будущем и повышенной тревожностью, происходит постепенное накопление социального негатива среди различных групп сельского населения. Бесперспективность прежних адаптационных трудовых практик особенно остро осознается жителями села в связи с обострением социальным проблем и рисков (бедности, социального неравенства), имеющих свою, сельскую специфику, связанную, в том числе, и с особенностями государственной социальной политики. Например, дифференциация между предпринимателями, руководителями хозяйств, специалистами, с одной стороны, и основной массой селян – с другой, в настоящее время дополнилась новыми статусными оппозициями, возникающими вследствие реализации федеральных социальных мероприятий, которые направлены на повышение пенсий и доходов отдельных категорий лиц, занятых в бюджетных организациях (полиция, учреждения образования и здравоохранения). В результате доходы пенсионеров зачастую существенно превышают доходы работающих, а разрыв в доходах между бюджетниками и остальными жителями села оказывается фактически непреодолим при любой степени интенсификации крестьянского, аграрного труда. С точки зрения экономического потенциала ЛПХ, ситуацию осложняет тот факт, что новые «среднезажиточные» слои пенсионеров и бюджетников, находясь в относительно комфортных условиях, гораздо в меньшей степени оказались заинтересованы в таком дополнительном источнике доходов, как малорентабельный и тяжелый труд в своем личном хозяйстве, которое вновь становится действительно «подсобным». Данные наших исследований позволяют сделать вывод о том, что социально-экономические механизмы стабилизации и поддержания социального равновесия

в сельском социуме, основанные на пассивных стратегиях адаптации, в определенной мере исчерпали свой ресурс и на сегодняшний день не соответствуют вызовам изменившейся социально-экономической ситуации и не способны в должной мере стимулировать население в полном объеме задействовать имеющиеся ресурсы. В условиях снижения доли доходов от личного подсобного хозяйства, в связи с потерей его товарности, сельское население вынуждено искать новые источники выживания.

Рационализация трудовых и жизненных установок сельских жителей находит выражение в прогрессирующем отказе от аграрного труда как такового: сектор ЛПХ переживает упадок, в то время как все большее распространение, особенно в среде молодежи, получает работа вахтовым методом и «неоотходничество»*, а сельхозпредприятия все чаще сталкиваются с кадровыми проблемами, несмотря на высокий уровень безработицы. Например, социологическое обследование сельских сообществ Убинского района Новосибирской области, проведенное в 2013 г., показало, что в условиях фактического отсутствия возможностей трудоустройства (реформированные колхозы и совхозы района либо распались, либо находятся в состоянии, близком к банкротству, а для предпринимательских структур «нового типа» район имеет низкую инвестиционную привлекательность), около 1/3 опрошенных не заинтересовано в создании новых

* Термин «отходничество», принятый в науке в начале XX в. для характеристики этого вида трудовой миграции сельского населения, фиксирует ее важнейшие характеристики: сезонность, возвратность. Отходничество приняло в России особые масштабы в конце XIX – начале XX вв., исчезнув в советское время. Однако, в период реформирования аграрного сектора и обострения проблем сельской занятости произошла реновация отходничества как одной из самых массовых моделей жизнеобеспечения сельских домохозяйств.

Ряд исследователей (М.А. Шабанова, Ю.М. Плюснин и др.) полагают, что среди наблюдаемых ныне форм трудовой миграции в России отходничество выглядит как близкое или даже аналогичное старому отходничеству, исчезнувшему в 30-е гг. XX в. Согласно другой точке зрения (П.П. Великий), феномен современной масштабной сезонной трудовой миграции сельского населения в современной России уместнее называть «неоотходничество», поскольку совершенно изменился субъект практик «отходничества». Наиболее уместно употреблять термин «неоотходничество», когда речь идет о современной сельской молодежи.

рабочих мест в сельском хозяйстве. В каком-то смысле проявлениями тенденции рационализации сознания сельских жителей и кризиса трудового этоса крестьянства является и отказ от сельского образа жизни, как такового, миграция в город (данные исследований 2016 г. показывают, что 1/4 хозяйств населения в Новосибирской области в своей деятельности ориентированы на поддержку продуктами и деньгами родственников, живущих в городе, выступая, таким образом, ресурсной базой миграции).

Данные исследований 2015–2017 гг. позволяют также говорить о том, что процесс упадка важнейших адаптационных интегративных структур сельской России сопровождается разрушением социальных сетей локальных сообществ, хотя их значение для сельских жителей по-прежнему очень велико. Около половины экспертов отметили, что за последние пять лет связи жителей села ослабли и носят эпизодический характер. В то же время лишь 1% экспертов считают, что связи расширились, окрепли. В целом сельское население сегодня рассчитывает только себя, и – в гораздо меньшей степени – на помощь друзей и близких. Под влиянием имущественного расслоения меняются плотность и конфигурация сельских социальных сетей: по мере повышения жизненного уровня пропадает необходимость в поддержании отношений, направленных на упрочение «сетей выживания». Изменение интенсивности межсемейных обменов обусловлено и углублением социально-экономической дифференциации сельского социума. Наблюдения показывают, что в случае значительного повышения материального дохода семьи происходит сворачивание ранее сложившейся сети взаимопомощи, что выражается в ограничении помощи родственникам, сокращении интенсивности контактов в рамках сложившихся ранее соседских и дружеских связей и отношений.

Общий вектор современной трансформации сельского социума обуславливает и постепенное уменьшение значения и интегративных самоуправленческих систем, включающих в себя сугубо экономические структуры. В условиях, когда местные предприятия оказываются экономически слабы и переживают кризис, «рейтинг доверия» к ним со стороны местных жителей понижается и, как следствие, растет «рейтинг доверия» к местной власти. Уменьшение значимости «крупхозов» в представлении жителей села, наряду с одно-

временным возрастанием авторитета местной власти фиксируется исследованиями последних лет. Как показали наши исследования процессов развития местного самоуправления в результате последней муниципальной реформы, в условиях, когда местные предприятия оказываются экономически слабыми и переживают кризис, «рейтинг доверия» к ним со стороны местных жителей понижается и, как следствие, растет «рейтинг доверия», к местной власти. Уменьшение легитимности «крупхозов» с одновременным увеличением легитимности местной власти фиксируется в течение последних лет (см. табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«С кем Вы связываете надежды на решение проблем
Вашего села?», Новосибирская область, %**

Ответ	2007	2013	2017
Затрудняюсь ответить	55	14	27
С местными властями	11	64	62
С местными предприятиями	34	22	10

Таким образом, анализ современных тенденций социально-экономического развития российского села показывает сокращение значения всех основных структур, генерирующих неформальные связи и отношения. Часть из них становятся незначительными, другая часть видоизменяется, трансформируется. Сами по себе рост и последующее сокращение неформального сегмента социальной и экономической жизни села свидетельствуют о том, что мы имеем дело с некоторым адаптивным (ситуативным) феноменом, зависящим, как любая адаптация, от внешних условий-вызовов. Как представляется, гипертрофированное развитие неформальных практик и отношений в 1990-е гг. было вызвано как особенностями адаптации сельского населения к рынку (вынужденного, вследствие сокращения возможностей официальной занятости, искать «нетрадиционные» каналы и ресурсы социально-экономической активности), так и ослаблением государственного контроля в различных сферах общества в период масштабной перестройки, отсутствием детальной законодательной базы, адекватной изменившимся реалиям. Вслед за общим «упорядочением» социальной среды происходит упадок не-

формальных структур. Поэтому современные исследования неформальных интегративных структур сельского социума фиксируют снижение значимости неформальных норм и взаимодействий, уменьшение социального капитала, выражающегося в смещении ценностных установок к персональной автономии и меньшей значимости солидарных, локальных связей в сообществах, ориентированных на развитие практик неформального предпринимательства, товарных промыслов, «отходничества». Очевидно, что развитие ситуации в данном направлении приводит к снижению значения взаимодействий реципрокного и редистрибутивного типов*.

* Согласно типологии К. Поланы, сформированной в рамках исследования качественно различающихся обществ, в существующих отношениях, связанных с производством и распределением материальных благ, можно выделить три типа:

1) реципрокность (reciprocity) – добровольный обмен без разделения труда, симметричный или асимметричный в зависимости от того, каков социальный статус его участников; 2) редистрибуция (redistribution) – централизованное принудительное перераспределение, организуемое в рамках вертикального разделения труда между неравными членами социума; 3) рынок (market) – добровольный симметричный обмен, основанный на горизонтальном разделении труда.

Редистрибутивный тип взаимодействий в российском селе в 1990–2000-е гг. представлен в колхозах, потом в функционировании убыточных реформированных предприятий, «крупхозов», в значительной степени перераспределявших ресурсы государственной поддержки для неформальной социальной поддержки местного сообщества – от продаж по «льготным» ценам до прямых хищений.

Исследования доминирующих в российском селе форм социальной интеграции в 1990–2000 гг. показывает, что помимо взаимодействий, складывающихся в соответствии с капиталистической и редистрибутивной моделями, не меньшее значение имеет в это время неформальная сельская экономика и неформально-сетевые взаимодействия, основывающиеся преимущественно на реципрокном типе обмена (экономика дара). Если рыночный обмен предполагает ясную договоренность сторон, то реципрокные по своему типу отношения регулируются культурным контекстом: условия реципрокной сделки зачастую не оговариваются, но однозначно понимаются, поскольку участники реципрокных отношений умеют декодировать смысл даров в рамках существующей соционормативной системы, определяющей бытовое поведение индивидов и социальных общностей, спектр взаимных ожидаемых действий участников этих отношений. Таким образом, процессы банкротства большинства убыточных реформированных сельских предприятий, «крупхозов», и происходящее в последние годы стремительное сокращение сельских неформально-экономических и неформально-интегративных структур, в широком смысле ведут к снижению значения взаимодействий реципрокного и редистрибутивного типов.

Адаптационные экономические формы постепенно приходят в упадок (что связано также с курсом государственной аграрной политики на «оздоровление» сельхозпроизводителей, т.е., отказом от поддержки нерентабельных хозяйств – доноров ЛПХ (всего населения или его значительной части)). В экономику села внедряются действительно инновационные уклады, в том числе представленные вертикально интегрированными экономическими предприятиями с участием городского капитала (агрохолдинги); возрастает значение фермерских хозяйств, доказавших свою жизнеспособность; постепенно изменяются массовые адаптационные стратегии. Эти изменения в ориентациях социально-экономического поведения сельского социума обусловлены не столько осознанием несоответствия реактивно-пассивных механизмов адаптации изменяющимся правилам игры, сколько неудовлетворительными результатами следования стратегиям, сформированным в период кризиса¹.

В то же время, сегмент агрохолдингов, замещающий позиции «крупхозов» и ЛПХ, с самого начала своего бурного роста в 2000-х гг. играл неоднозначную роль в системе адаптационного потенциала локальных сообществ, определяющего локальную социальную и экономическую устойчивость. Агрохолдинги, представляющие собой качественно новый инновационно-капиталистический уклад, перестают выполнять ряд функций по неформальной поддержке сельского социума, в рамках сложившейся в 1990-х гг. симбиотической модели, выступая в этом плане антиподом тесно связанного с локальными сельскими сообществами «крупхоза» (например, прекращается поставка кормов по льготным ценам, что напрямую влияет на эффективность и объем производства в ЛПХ). При этом наиболее ожидаемым вариантом социально-экономической динамики является прогрессирующее снижение роли и стабилизирующего по-

¹ Самсонов В. В. «Традиционные» и «новые» социальные риски сельского развития // *Островские чтения*. 2015. № 1. С. 454–457; Нечипоренко О. В., Самсонов В. В. Хозяйственные уклады российского сельского социума: модели и стратегии развития // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2012. № 4(69). С. 50–60; Зазулина М. Р., Самсонов В. В. Неформальные тренды муниципальной реформы в России // *Сибирский философский журнал*. 2013. Т. 11, № 2. С. 93–99.

тенциала традиционного уклада, представленного сектором хозяйств населения (ЛПХ) и последующей пауперизации значительной части трудоспособного населения, ранее самозанятого в подсобном хозяйстве и/или «высвобождаемого» в результате оптимизации устаревших производственных цепей. Кризис главных элементов системы социально-экономических связей, обеспечивающих воспроизводство социального и человеческого капитала российского села, ведет к разрушению стихийно сформированных механизмов адаптации сельских локальных сообществ. А формирование психологии наемного работника у жителей села, занятых в агрохолдингах, ведет к дальнейшему упадку трудового этоса крестьянства.

Помимо сокращения социальной и культурной инфраструктуры села, происходит кризис самого сельского образа жизни, проявляющийся в том, что сельская неаграрная экономика и занятость сельских жителей (отходничество в первую очередь) за пределами села начинают преобладать над традиционной сельскохозяйственной ориентацией по своему значению как для бюджета отдельной сельской семьи, так и в плане устойчивости сельских сообществ.

Интенсифицируются миграционные процессы из села в город по модели «урбанистического перехода», потерявшего динамику в 1980-х гг. и даже повернувшего немного вспять в начале 1990-х гг. (когда несколько лет подряд статистика фиксировала ежегодное сокращение доли городского населения и рост сельского); особенно сильны миграционные настроения среди сельской молодежи.

При этом продолжается процесс количественного сокращения сел, связанный с ликвидацией удаленных «бесперспективных» деревень. За время, прошедшее между двумя Всероссийскими переписями населения в 1989 и 2010 гг., число населенных пунктов сократилось на 9,2 тысячи. А количество обезлюдивших сел и деревень удвоилось — с 9,4 тысячи до 19,4 тысячи. Очевидно, что дальнейшее развитие ситуации в этом направлении неизбежно ведет к новому этапу трансформации производственной, социальной и даже поселенческой структур сельского социума. Наличие деструктивных тенденций в развитии сельского социума, приводящих, в конечном счете, к исчезновению целого ряда поселений, представляет собой угрозу не только продовольственной безопасности страны, но и геополитическому положению Российской Федерации, так как эти про-

цессы в отдаленной перспективе могут привести к разрушению целостности территориально-поселенческой системы и потере социального, а потом и любого другого контроля над малонаселенными и удаленными территориями Сибири и Дальнего Востока, что особенно важно, если принимать одновременно во внимание различия в демографических и экономических потенциалах этих пограничных территорий России и соседних густонаселенных (по российским меркам) регионов Китая. То есть, наметившаяся динамика развития сельских локальных сообществ сибирского и дальневосточного регионов, в том числе ситуация с сокращением стабилизирующей функции ЛПХ, упадком престижа крестьянского труда, интенсификацией процессов миграции из села в город – на локальном уровне и миграции из удаленных и малонаселенных территорий – на региональном, сопровождающиеся сокращением сельской поселенческой сети – по всей России – могут стать серьезным геополитическим фактором, значение которого стремительно возрастает и выходит далеко за региональные рамки.

3.2. Влияние глобальных трендов на динамику развития локальных сельских сообществ России

В начале 2000-х гг., когда окончательно законодательно и институционально оформляются социально-экономические отношения, сложившиеся на основе института частной собственности на землю и прекращается трансформационный спад, формируется новая парадигма развития сельских сообществ, схожая с глобальными («универсальными») изменениями сельского образа жизни. Если с 1991 по начало 2000 гг. российское село демонстрировало собственную специфику развития, обусловленную противоречивыми последствиями реформирования аграрной сферы, то, начиная с 2000-х гг., основные тенденции социально-экономических изменений развиваются в русле общемировых трендов, из которых можно выделить следующие²:

² Более подробно см.: *Нечипоренко О. В., Самсонов В. В.* Векторы развития сельских территорий в условиях глобальных вызовов // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия.* 2014. Т. 12, вып. 1. С. 108–115.

1. Идет процесс поляризации социально-экономического пространства, проявляющийся в разделении (сегментации) относительно однородного социально-экономического поля (этап 90-х – начало 2000-х гг.) на кластеры инновационных изменений, образующие «архипелаговую» структуру (латифундии) и деградирующие территории (модель «экономического сжатия»). Нарастающая асимметрия в международной конкуренции и глобальная реструктуризация рынка продовольствия обуславливают процесс дифференциации и сегментации сельскохозяйственной экономики. Возрастающая дифференциация затрагивает как организационно-производственные основы (институционально-организационные аспекты изменений) сельской экономики, так и место сельскохозяйственных структур в экономической системе общества. Неравномерность изменений порождает дифференциацию социально-экономического пространства, представленного кластерами инновационного развития, территориями доминирования традиционных хозяйственных укладов, переходными образованиями, и отражает различные уровни (и траектории) диверсификации сельской экономики в странах и регионах, находящихся на различных стадиях процесса трансформации. Так, в России 2000-х гг. наметилась устойчивая тенденция «вторичной концентрации» аграрного и лесопромышленного производства в крупные вертикально интегрированные структуры, инициируемые и управляемые из городов и использующие современные технологии производства, переработки продукции и логистики. Появились новые пространственные конфигурации, сформированные сырьевыми зонами этих вертикальных структур, повлекшие за собой сильную поляризацию и фрагментацию пространства страны. Вместе с инновационным развитием отдельных территорий и модернизацией в них производства сохраняются обширные площади депрессивной и архаичной сельской местности, характеризующиеся хронической безработицей населения³.

2. Происходит экономическая дифференциация: специализация отдельных регионов и территорий в рамках глобализованной эконо-

³ Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М: Ленанд, 2013. 456 с.

мики, упадок традиционных форм организации сельскохозяйственной экономики. Тенденцию сегментации социально-экономического пространства усиливает его деление на центр (происходит концентрация сельхозпроизводства, особенно его инновационных форм, в пределах городских агломераций) и периферию.

Результаты сравнительных исследований позволили выявить у сельских периферийных сообществ потенциалом к саморазвитию. К ресурсам можно отнести мелкотоварный уклад подсобных хозяйств, выполняющий важные социальные функции – от полной компенсации возможностей официальной занятости (в селах без работодателя) до вспомогательных функций повышения материального благосостояния жителей села и обеспечения их продуктами питания. Однако нужно понимать, что такой вариант развития, опирающийся на силы социальной и экономической самоорганизации, не является универсальным сценарием, поскольку требует исключительно удачного совпадения целого ряда факторов (наличие свободных земельных, демографических и трудовых ресурсов, рынков сбыта продукции и т.д.). Кроме того, принимая во внимание, что социальная ситуация в сельских поселениях различных регионов различается незначительно (и в целом может быть оценена критически), следует признать, что исключительная ставка на саморазвитие, в том числе за счет повышения рыночности и масштабов личных хозяйств, их фактической трансформации в разновидность фермерских, была бы ошибочной. В разных странах наиболее распространенной адаптационной реакцией населения на вызовы глобализации и рынка является новая конфигурация экономической активности и источников доходов, характеризующаяся изменением роли аграрного производства и возрастающей значимостью экономической активности населения за пределами аграрного сектора и трансфертов, включающих как частные, связанные с миграцией и неоотходничеством, так и государственные, связанных с конкретными системами социальной поддержки⁴.

⁴ Losch B., White E. Rural Transformation and Late Developing Countries in a Globalizing World: A Comparative Analysis of Rural Change. - Washington, DC: World Bank, 2011. P. 36.

3. Прослеживается рост значения занятости населения сельской местности не в аграрных видах деятельности, что проявляется в диверсификации социально-экономической активности домохозяйств и изменении сельского образа жизни. Диверсификация экономики выражается в том, что привлекательность сельских территорий, т. е. способность привлекать ресурсы и сохранять свой человеческий потенциал, в значительной степени зависит от возможности сельских территорий создавать альтернативные источники дохода, не имеющие отношения к сельскому хозяйству⁵. Масштабность этого явления породила многочисленную исследовательскую литературу, посвященную «сельской неаграрной экономике», включающей в себя всю деятельность неаграрного характера, т. е. несельскохозяйственный частный сектор в сельской местности (в том числе неформальный), институты государственного и муниципального управления в сельских районах и социальную инфраструктуру. Рост неаграрной экономической активности и занятости населения вне села, сопровождаемый встречными процессами субурбанизации, влечет за собой кардинальное изменение сельского образа жизни и трансформацию культурного облика сельских жителей. Если в развивающихся странах диверсификация экономической активности домохозяйств обусловлена недостаточными возможностями официальной занятости в аграрном секторе, переизбытком аграрного населения и низкими доходами от слабо оснащенного в техническом плане аграрного труда, то в развитых странах Европы диверсификация обусловлена ситуацией невозможности дальнейшего расширения аграрного производства (в связи с достижением в середине 1980-х гг. технологических пределов роста), причем многофункциональность сельских территорий со временем становится проявлением новых отношений между городом и деревней⁶.

⁵ *Saraceno E.* Recent trends in rural development and their conceptualization // *Journal of Rural Studies*. 1995. № 10. Pp. 321–330; *Richardson T.* Discourses of rurality in EU spatial policy: The European spatial development perspective // *Sociologia Ruralis*. 2000. № 40(1). Pp. 53–71.

⁶ *Ploeg J. D., Renting H., Brunori G.* Rural Development: from Practices and Policies towards Theory // *Sociologia Ruralis*. 2000. Vol. 40. №. 4. Pp. 391–408.

Наши исследования, осуществленные в различных регионах страны, убедительно свидетельствуют о возрастании значения неаграрной занятости сельского населения. Работа за пределами села, в том числе вахтовым методом, – все чаще выступает альтернативой занятости населения в сельском хозяйстве. Даже в самых удаленных поселениях все большее число предприимчивых жителей села заняты «неоотходничеством».

Результаты мониторинговых исследований социальной адаптации сельских локальных сообществ в условиях многоукладной экономики (2013–2017 гг., Куйбышевский, Убинский, Барабинский, Искитимский, Черепановский районы Новосибирской области) зафиксировали преобладание модели социальной адаптации сельского населения, сложившейся в условиях географической близости к урбанистическим центрам, что обеспечивает дополнительные возможности альтернативной, неаграрной занятости населения: наряду с заработной платой и пенсиями, доходами от реализации продукции ЛПХ, в качестве дополнительного важного источника денежных средств выступают работа вахтовым методом и неоотходничество. Хозяйства населения характеризуются низкой товарностью и по своим основным параметрам схожи со структурой и размерами пригородных дачных участков – это объясняется также и тем, что в результате «экспансии города» (дачное, дорожное строительство) площадь сельскохозяйственных угодий постоянно сокращается.

Развитие сельского неаграрного сектора происходит неравномерно – в связи с изначальным неравенством объективных условий (ресурсов адаптации) для сельских сообществ. Следовательно, усиливающаяся динамика дифференциации сельского социально-экономического пространства и возможные трудности в адаптации сельских домохозяйств к этому процессу (в отсутствие эффективных альтернатив диверсификации источников доходов и направлений экономической активности) могут создавать риски трансформационных тупиковых ситуаций для целых сообществ и регионов. Таким образом, процессы пространственной и социальной дифференциации порождают риски возникновения трансформационных тупиков, соотносимых с недостатком возможностей альтернативной активности, нехваткой материальных (финансовых, земельных) ресурсов и огра-

ниченностью рынка труда. Это приводит к появлению «проигрывающих сообществ», для которых характерны высокий уровень бедности, формирование устойчивых тенденций маргинализации населения вследствие локальных ограничений; при этом все объективные факторы обуславливают их дальнейшую негативную социальную и демографическую динамику. В случае, если ситуация характеризуется еще и ограниченными возможностями миграции, положение таких сообществ (локального, регионального или даже национального уровня) становится практически безвыходным. Данная тенденция (формирования «трансформационных тупиков») проявляется и в развитии российского села, в котором все большее распространение получает деструктивный тип адаптации, когда социальными изгоями становятся целые сообщества. Ликвидация массы крупных хозяйств, образующих основу социально-экономической жизни сообществ и экономики личных подсобных хозяйств, зачастую приводит к катастрофическому снижению жизненного уровня жителей села, деградации и гибели сельских локальных сообществ. Безработица все чаще становится не индивидуальной характеристикой, а «опознавательным признаком» сельских поселений, оставшихся без работодателя. Спусковым механизмом полной деградации таких населенных пунктов выступает локальная миграция в поисках работы наиболее трудоспособных жителей, после чего в селе остаются либо пенсионеры, либо маргинализированные прослойки, не способные к самостоятельному хозяйствованию. Наиболее ярко выраженной формой деструктивного типа адаптации сельских сообществ является постепенное разрушение и вымирание деревни.

Проведенный анализ показывает, что современная динамика социальных процессов в сельских локальных сообществах России обусловлена закономерностями глобальных структурных преобразований сельского социума и схожа с направленностью структурных изменений, фиксируемых исследователями в различных регионах и странах мира. В свете новых данных можно предположить, что сходные явления в различных сельских регионах мира вызываются столь же сходными причинами, одинаково действующими и в России, и на Западе, и в странах Третьего Мира (т. е. являющихся действительно глобализованными по своим масштабам). Анализ динамики развития и актуальных структурных изменений,

происходящих в социально-экономической и социально-политической сферах сельских локальных сообществ России, проанализированных на материале соответствующих полевых обследований 2005–2017 гг., проведенных в сельских районах Новосибирской области позволил выявить ряд социальных инноваций в жизни сельских локальных сообществ, изменения в жизненных стратегиях жителей села, и в их образе жизни (все более приближающемуся к городскому), трансформации социально-экономической и социокультурной сфер сельского социума.

Динамика развития интегративных и экономических структур сельских локальных сообществ России, также, как изменения в адаптационных и жизненных стратегиях жителей села свидетельствуют о том, что практически все ключевые элементы сельского социума (потенциала устойчивого развития локальных сообществ) находятся в состоянии кризиса или трансформации, ход и закономерности которой не до конца ясны и определяются факторами как национального уровня, так и глобальными, а результаты сложно предсказать, в связи с общей неустойчивостью сельского социума в целом а также и его ключевых элементов - локальных сообществ - перед вызовами глобального рынка.

Уязвимость экономики сельской России и типологических институциональных форм сельской экономики проявляется в том, что социально-экономические структуры, сформировавшиеся на предыдущем этапе развития, в ходе адаптации села к рыночным реформам, в современных условиях демонстрируют свою неэффективность, будучи практически лишены государственной поддержки. Это приводит к тому, что организации, образовавшиеся в процессе преобразования совхозов и колхозов в хозяйства, функционирующие как рыночные структуры, как и хозяйства населения, находящиеся с ними в социально-экономическом симбиозе, испытывают заметный количественный спад – например, по доле производимого продовольствия сегмент ЛПХ сократился до дореформенных показателей (с 58 % производимого скота и птицы в 2000 г. до 22 % в 2015 г.), а большинство акционерных обществ, образованных в 1990-е гг. или уже признаны банкротами и расформированы, или находятся в состоянии, близком к банкротству.

Сегмент агрохолдингов, замещающий позиции «крупхозов» и ЛПХ, с самого начала своего бурного роста в 2000-х гг. играл неоднозначную роль в системе адаптационного потенциала локальных сообществ, определяющего их социальную и экономическую устойчивость. Агрохолдинги, представляющие собой качественно новый инновационно-капиталистический уклад, перестают выполнять ряд функций по неформальной поддержке сельского социума в рамках сложившейся в 1990-х гг. симбиотической модели, выступая в этом плане антиподом тесно связанного с локальными сельскими общностями крупхоза (например, прекращается поставка кормов по льготным ценам, что напрямую влияет на эффективность и экономические объемы производства в ЛПХ). При этом наиболее ожидаемым вариантом социально-экономической динамики является прогрессирующее снижение роли и стабилизирующего потенциала традиционного уклада, представленного сектором хозяйств населения (ЛПХ) и последующая пауперизации значительной части трудоспособного населения, самозанятого в подсобном хозяйстве.

Разрыв сложившейся системы устойчивых социально-экономических связей, обеспечивающих воспроизводство ресурсов, социального и человеческого капитала села приводит к разрушению стихийно сформированных механизмов адаптации сельского населения. А формирование психологии наемного работника у жителей села, занятых в агрохолдингах, ведет к дальнейшему упадку трудового этоса крестьянства. При этом, хотя объемы государственной поддержки агрохолдингов растут (они получают большую часть ресурсов, направляемых на поддержку села), в последние годы общий рост в этом сегменте сельской экономики с каждым годом сбавляет свои темпы, а участвовавшие случаи переориентации этих предприятий на несельскохозяйственное производство, и/или «ухода» агрохолдингов с рынка продовольствия, когда целые поселения оказываются лишенными не только рабочих мест, но и ресурсов, позволяющих выживать за счет самозанятости в ЛПХ, демонстрирует появление беспрецедентных по масштабу и остроте социальных рисков.

Сельское самоуправление, как один из ключевых элементов адаптационного потенциала российского села переживает очередной этап реформирования. Если ранее местная была субъектом локальной социальной политики, действовавшим как в формальной, так

и в неформальной сферах (образующего в 1990-е гг. социально-политический симбиоз с «крупхозами»), наиболее близким к населению видом власти, имевшим наибольший авторитет для жителей села по сравнению с другими региональными и локальными властями, то современная динамика развития сельского самоуправления ведет ко все большей формализации этого института, безусловно теряющего некоторые свои характеристики по мере сокращения принципа выборности в формировании его органов.

Помимо сокращения социальной и культурной инфраструктуры села, происходит кризис самого сельского образа жизни, проявляющейся в том, что сельская неаграрная экономика и занятость сельских жителей (отходничество в первую очередь) за пределами села начинают преобладать над традиционной сельскохозяйственной ориентацией по своему значению как для бюджета отдельной сельской семьи, так и в плане устойчивости сельских сообществ. При этом продолжается процесс количественного сокращения села, связанный с ликвидацией удаленных «бесперспективных» деревень. Очевидно, что дальнейшее развитие ситуации в этом направлении неизбежно ведет к новому этапу трансформации производственной, социальной и даже поселенческой структур сельского социума. Наличие деструктивных тенденций в развитии сельского социума, приводящих, в конечном счете, к исчезновению целого ряда поселений, представляет собой угрозу не только продовольственной безопасности страны, но и геополитическому положению Российской Федерации.

Список литературы

Зазулина М. Р., Самсонов В. В. Неформальные тренды муниципальной реформы в России // Сибирский философский журнал. 2013. Т. 11, № 2. С. 93–99.

Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М: Ленанд, 2013. 456 с.

Нечипоренко О. В. Трансформация хозяйственных укладов в сельском социуме: модели и стратегии развития // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2011. Т. 9, № 4. С. 78–86.

Нечипоренко О. В., Самсонов В. В. Векторы развития сельских территорий в условиях глобальных вызовов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 108–115.

Нечипоренко О. В., Самсонов В. В. Хозяйственные уклады российского сельского социума: модели и стратегии развития // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 4(69). С. 50–60.

Самсонов В. В. «Традиционные» и «новые» социальные риски сельского развития // Островские чтения. 2015. № 1. С. 454–457.

Losch B., White E. Rural Transformation and Late Developing Countries in a Globalizing World: A Comparative Analysis of Rural Change. Washington, DC: World Bank, 2011. P. 36.

Ploeg J. D., Renting H., Brunori G. Rural Development: from Practices and Policies towards Theory // Sociologia Ruralis. 2000. Vol. 40. №. 4. Pp. 391–408.

Saraceno E. Recent trends in rural development and their conceptualization // Journal of Rural Studies. 1995. № 10. Pp. 321–330; Richardson T. Discourses of rurality in EU spatial policy: The European spatial development perspective // Sociologia Ruralis. 2000. № 40(1). Pp. 53–71.

Глава 4

ПРОЦЕССЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКОГО ЛОКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Близость урбанистических центров всегда была фактором, положительно влияющим на динамику развития сельских сообществ. Следствием близости к городу является, прежде всего, альтернативная трудовая занятость (вне сообщества), а также влияние городской культуры и городского образа жизни на население (в первую очередь на молодежь), что приводит к интенсификации миграционных процессов. Город дает возможность практически бесконечно диверсифицировать стратегии жизнеобеспечения сельских домохозяйств в виде формальной занятости на городских предприятиях или случайных приработков в городе. Близость с городом, в котором работает значительная часть сельчан, а также соседство с промышленными предприятиями предопределили крайне незначительный размер личных хозяйств населения (своими основными параметрами схожими со структурой пригородных дачных участков) и их низкую товарность. Невысокий уровень развития натурального хозяйства, по своему типу больше похожий на городской, объясняется, во-первых, близостью к городу и тесными связями с ним; во-вторых, тем, что в результате «экспансии города» (дачное, дорожное строительство) площадь сельскохозяйственных угодий постоянно сокращается. Вместе с тем, тот факт, что город выступает постоянным обширным рынком сбыта продукции крестьянских хозяйств, обуславливает ориентацию части этих хозяйств на сельскохозяйственное производство, имеющее исключительно товарный характер.

Яркий пример «пригородной» модели развития представляют собой сельские сообщества Искитимского района Новосибирской области. Особенность района состоит в том, что сельское хозяйство, будучи одним из приоритетных направлений развития района, не является единственной сферой экономической деятельности. Продукция сельского хозяйства занимает 16 % в структуре внутреннего валового продукта. Кроме того, в районе развиты торговля, перера-

батывающее производство, строительство и сфера услуг. Отмеченные особенности экономического развития связаны с близостью урбанистической конгломерации Новосибирск – Искитим. Положение дел в сельских населенных пунктах определяется снижением роли аграрного производства и ориентацией части населения на работу вне села и вне аграрной сферы, что обусловлено как близостью города, так и отсутствием крупных сельскохозяйственных предприятий на территории большинства сельских населенных пунктов (на 72 сельских населенных пункта приходится всего 17 сельскохозяйственных предприятий).

Сбор информации о положении дел в районе осуществлялся в ходе комплексного социологического исследования, реализованного авторским коллективом ИФПР СОРАН в 2016 г. Были обследованы 10 населенных пунктов: Лебедевка, Быстровка, Тальменка, Легостаево, Верх-Коев, Новолокти, Гусельниково, Преображенка, Бурмистрово, Листвянский. Отбор населенных пунктов проводился на основании представленности в них различных форм хозяйствования и степени их эффективности. Учитывалась также численность жителей и количество домохозяйств в каждом из населенных пунктов. При отборе респондентов в населенном пункте мы руководствовались следующим принципом: в каждом домохозяйстве опрашивалось не более одного члена. Кроме того, была проведена работа в районной администрации (г. Искитим). В каждом населенном пункте осуществлялись: 1) массовый опрос населения (на основе квотной выборки, стратифицированной по населенным пунктам; квотировались пол, возраст и род занятий респондента; модель выборки была направлена на сбор максимально разносторонних высказываний; $n=300$, максимальная стандартная ошибка выборки составляла 4,8 %); 2) стандартизованный экспертный опрос (к экспертам были отнесены представители управленческого звена муниципальных органов власти районного и поселкового уровней, представители мелкого и крупного бизнеса, работники сельскохозяйственных предприятий, занимающие руководящие должности, а также представители организаций социальной сферы села, представители органов государственной власти и силовых структур; $n=80$); 3) выборочное неформализованное интервьюирование экспертов (40 чел., среди которых – главы районного и поселковых муниципалитетов, руководи-

тели крупных сельскохозяйственных предприятий, крестьянско-фермерских хозяйств и крупных ЛПХ); 4) паспортизация обследованных сел; 5) сбор документов официальных органов власти (статсправки, планы, программы развития и т. д.).

В ходе исследования экономических параметров развития сельских сообществ района, был выполнен анализ уровня занятости и безработицы, а также структуры занятости. Полученные данные позволяют охарактеризовать социальные реалии обследованных сельских сообществ и определить основные проблемные ситуации, с которыми сталкивается население Искитимского района.

Среди опрошенных нами респондентов 80 % заняты в экономике района, в том числе 69 % трудоустроены официально, 6 % работают без заключения трудового договора и 9 % самозаняты. Доля пенсионеров среди опрошенных составила 20 %, что соответствует данным официальной статистики (см. табл. 1). Исследование показало, что самозанятость и работа без официального заключения трудового договора больше распространена среди мужчин (25 % среди мужчин и 10 % среди женщин). Среди женщин оказалась выше доля официально занятых (73 % среди женщин и 60 % среди мужчин). Более высокий уровень занятости среди женщин объясняется тем, что основные рабочие места находятся в бюджетной сфере, традиционно являющейся «женской» (по данным статистики, в 2015 г. 36 % мест в экономике района, т. е. фактически каждое третье место, было в бюджетных организациях).

Таблица 1

Социальный статус респондентов массового опроса, %

Категория	Все	Мужчины	Женщины
Фактически безработные	5	4	6
Работают официально	69	60	73
Работают без заключения официального трудового контракта	6	10	4
Самозаняты	9	15	6
Учатся	2	0	2
Находятся на пенсии	14	15	14

Район характеризуется относительно невысоким уровнем безработицы. Для оценки реального количества безработных в нашем исследовании применялась методика Международной организации

труда (МОТ), адаптированная к условиям изучаемого ареала. Используя такое определение, можно установить, что в момент опроса реальный уровень безработицы составлял около 7 % всего трудоспособного населения. При этом в крупных селах, в частности, в с. Лебедевка и с. Быстровка, зафиксированный уровень безработицы оказался значительно ниже, чем в более мелких населенных пунктах, что объясняется, во-первых, тем, что именно на территории крупных населенных пунктов сохранились крупные сельскохозяйственные предприятия, обеспечивающие занятость в сфере сельского хозяйства; а, во-вторых, тем, что в таких населенных пунктах более развита социальная инфраструктура, обеспечивающая занятость в бюджетной сфере. На момент обследования официальный уровень безработицы в данном районе составлял 1,5 %. Отметим, что разница в цифрах объясняется скрытым характером сельской безработицы. Так, среди безработных, проинтервьюированных в ходе исследования, только 17 % имели официальный статус безработного, т.е. состояли на учете в службе занятости и получали пособие по безработице.

Экспертная оценка уровня реальной безработицы оказалась выше данных массового опроса и составила 29 %. Практически половина экспертов (48 %) отметили, что уровень безработицы в сельских населенных пунктах составляет от 10 до 30 %, а еще 31 % экспертов считает, что безработными на данный момент являются от 30 до 50 % трудоспособного сельского населения (табл. 2). Отметим, что в целом показатели безработицы в Искитимском районе оцениваются как средние на фоне соседних районов.

Таблица 2

**Уровень безработицы в Вашем населенном пункте,
экспертная оценка, %**

Оценка	Доля ответивших
Безработица менее 10 %	10
Безработица от 10 до 30 %	48
Безработица от 30 до 50 %	30
Безработица более 50 %	12
Итоговая экспертная оценка	29

Среди населения района преобладает «многоканальная» модель адаптации, согласно которой каждое домохозяйство старается найти несколько источников дохода и, следовательно, максимально диверсифицирует свою экономическую деятельность (рис. 1). Наибольшее значение для жизнеобеспечения средней сельской семьи во всех обследованных селах имеет заработная плата, что отметили 84 % респондентов массового опроса. На втором месте – пенсии и пособия (40 %), на третьем месте – доход от продажи продуктов с крестьянского подворья (23 %).

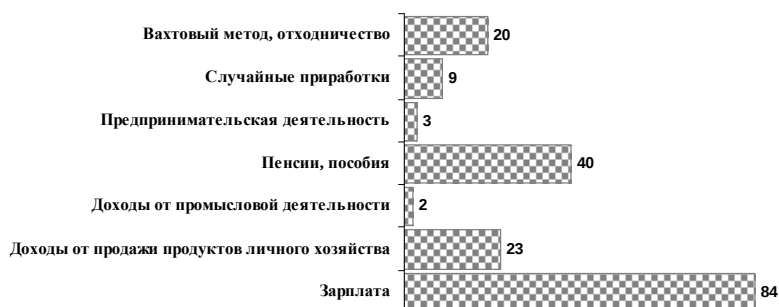

Рис. 1. Источники денежных доходов сельских домохозяйств, массовый опрос, %

Официальная занятость хотя бы одного из членов семьи гарантирует поступление в домохозяйство пусть минимальных, но все-таки денежных средств, в то время как ведение ЛПХ, ориентированного, прежде всего, на внутреннее потребление, позволяет в значительной степени сэкономить на продуктах питания.

По данным экспертного опроса, в структуре денежных доходов сельских домохозяйств Новосибирской области доходы от зарплаты имеют гораздо большее значение по сравнению с доходами от продажи продукции ЛПХ. Итоговая оценка доли заработной платы в общей структуре доходов, полученная на основе взвешивания, составляет 62% (табл. 3). Именно столько, по мнению экспертов, приходится на заработную плату в типичной сельской семье. Однако доход от официального трудоустройства не является единственным, для значительной части сельских семей сегодня характерна «многоканальная» модель адаптации, в этих домохозяйствах деятельность

на личном подворье совмещается с официальной занятостью в сфере сельхозпроизводства, реже – с работой в бюджетной или муниципальной сферах. Официальная занятость хотя бы одного из членов семьи гарантирует поступление в домохозяйство пусть минимальных, но все-таки денежных средств, в то время как ведение ЛПХ, ориентированного, прежде всего, на внутреннее потребление, позволяет в значительной степени сэкономить на продуктах питания.

Таблица 3

Доля основных элементов в структуре денежных доходов жителей села, экспертная оценка, %

Значение	Заработная плата	Доход от продажи продукции ЛПХ
До одной трети	30	36
Две трети	31	42
Более двух третей	39	22
Итоговая экспертная оценка	62	44

В целом структура занятости и экономическая активность населения сельских сообществ обследованных районов определяется двумя факторами. Во-первых, это близость урбанистических центров, которые обеспечивали бы дополнительный рынок труда и рынок сбыта; во-вторых, это наличие на территории поселенческих администраций сельскохозяйственных предприятий, которые предоставляют работу значительной доле населения районов. В такой ситуации часть экономически активного населения переориентируется на одновременную официальную занятость в своем селе и ведение натурального хозяйства, а часть – на занятие отходничеством на длительное время, связанное с выездом из села. В этом случае личное подсобное хозяйство, как правило, не ведется.

Таблица 4

«Какими способами Вы пытаетесь повысить свои доходы?», %

Ответ	Доля
Ничего не предпринимаю	34
Работаю на двух работах	13
Сезонные приработки	17
Заработки в городе	9
Продажа продукции ЛПХ	33
Продажа продуктов промыслов	4

Исследование показало, что продажа продукции ЛПХ остается основной стратегией повышения доходов домохозяйств в пригородных сельских сообществах, опережая по значимости и сезонные приработки, и двойную занятость, и заработки в городе, и работу вахтовым методом (табл. 4).

Специфика обследованного района, как и других пригородных сельских сообществ, заключается в том, что если часть экономически активного населения ориентируется на официальную занятость в своем селе, в немногочисленных сохранившихся крупных хозяйствах, в бюджетной или муниципальной сферах и одновременное ведение «подсобного» хозяйства, то другая часть – на занятие отходничеством и другие способы заработка, связанные с выездом из села на длительное время. В этом случае личное подсобное хозяйство, как правило, не ведется. По оценкам экспертов, работа за пределами села является второй по значимости сферой деятельности (после сельского хозяйства), в которой проявляется деловая активность жителей села. Таким образом, не имея возможности найти работу в своем населенном пункте, жители района пытаются активно заниматься отходничеством. В Искитимском районе относительная доступность таких практик обусловлена близостью урбанистической конгломерации Новосибирск – Искитим, федеральной автотрассой и железной дорогой, проходящими по территории района.

На уровень жизни сельского населения большое влияние оказывают изношенность материальной базы предприятий, недостаточное число объектов социальной инфраструктуры, дефицит безопасной питьевой воды, а также экологические проблемы. В ходе исследования респондентами было отмечено критическое состояние таких элементов инфраструктуры села как жилищно-коммунальное хозяйство, сферы здравоохранения и образования, правовой контроль и защита (более 20 % опрошенных отметили, что эти сферы пострадали в результате реформ в наибольшей степени).

Во всех сельских районах области жители сталкиваются примерно с одинаковым набором проблем, таких как безработица, резкое сокращение денежных доходов населения, вытеснение трудовых ресурсов в сферу личного крестьянского хозяйства, которое из подсобного превратилось в основной фактор выживания сельского населения.

Жители Искитимского района единодушны в ранжировании проблем по степени их важности: в качестве наиболее острых были отмечены пьянство, безработица и плохие дороги (см. табл. 5). При этом в Искитимском районе уровень тревожности населения не очень высок (268 пунктов). Отмечая необходимость решения столь острых проблем, к остальным проблемам сельчане относятся достаточно спокойно.

Таблица 5

Социальные проблемы, выделенные сельским населением, %

Проблема	Доля ответивших
Загрязненность окружающей среды	25
Безработица	58
Задержка в выплатах зарплаты	19
Распространение бедности, нищеты	21
Пьянство	65
Преступность	14
Рост смертности, сокращение рождаемости	11
Дороги	55
Уровень тревожности	268

Уровень жизни населения обследованных районов находит свое отражение в структуре расходов жителей обследованных поселений, который характеризуется возрастанием доли расходов на текущее потребление за счет уменьшения сбережений и капитальных вложений. Результаты экспертизы структуры расходов типичной сельской семьи являются еще одним подтверждением того, что доходы населения находятся на уровне, обеспечивающем лишь самый крайний минимум, необходимый для простого выживания (рис. 2).

Как видно из данных, значительная часть (47 %) денежных средств расходуется на приобретение продуктов питания, несмотря на то, что немалую часть продуктов типичная сельская семья получает в своем собственном хозяйстве. Заметную долю расходов (18 %) составляют также коммунальные платежи и транспорт (в диаграмме они приводятся в графе «другие расходы»). Еще 12 % приходится на приобретение необходимых хозяйственных товаров. Кроме того, в среднем 10 % бюджета сельских жителей тратят на образование своих детей. Фактически образовательные услуги постепенно

становятся предметом роскоши. После всех этих расходов доля, приходящаяся на товары долговременного пользования, составляет 10 %, а на досуг – лишь 3 %.

Рис. 2. Экспертная оценка структуры расходов типичной сельской семьи, %

Хотя, по данным исследования, собственное хозяйство ведет более 70 % сельских домохозяйств района, в товарную экономику поступает лишь меньшая часть производимой в этом секторе продукции, в то время как подавляющая часть продуктов домашнего хозяйства потребляется непосредственно в домохозяйстве. Лишь 23 % семей имеют доход от продажи продукции ЛПХ. При этом экспертная оценка уровня развития личных хозяйств населения оказалась достаточно низкой. Так о низком уровне развития хозяйств населения заявили 55 % экспертов, а о среднем – 37 %.

На фоне общей низкой оценки уровня развития крестьянских подворий оценка динамики развития ЛПХ также свидетельствует о снижении активности в этой сфере (табл. 6). Подавляющее большинство респондентов (82 %) отметили значительное снижение хозяйственной активности на подсобных участках за последние пять лет. Рост хозяйственной активности отметили лишь 12 % опрошенных и еще 6 % считают, что все осталось без изменений. Среди экспертов доля отметивших уменьшение хозяйственной активности ЛПХ составила 75 %.

Таблица 6

**Изменение хозяйственной активности ЛПХ
за последние пять лет, %**

Оценка	Все опрошенные	Эксперты
Взросла	12	16
Уменьшилась	82	75
Все осталось без изменений	6	9

При ответе на вопрос о факторах, препятствующих развитию ЛПХ, респонденты массового опроса сошлись во мнении, что наиболее серьезным сдерживающим фактором являются низкие закупочные цены (61 %), т.е. традиционная для России проблема «ножниц цен». Среди других проблем, препятствующих развитию хозяйств населения, были отмечены недостаток кормов (48 %) и проблемы сбыта продукции (36 %) (табл. 7). Следует отметить, что в условиях развала предшествующей организационно-производственной структуры АПК и «выпадения» малопривлекательных для инвесторов сельскохозяйственных земель района из оборота, проблема нехватки земли является несущественной.

Таблица 7

Что, на Ваш взгляд, мешает (препятствует) развитию ЛПХ? (%)

Ответ	Доля ответивших
Нет ответа	4
Нехватка сельскохозяйственной техники	22
Нехватка земли	2
Недостаток кормов	48
Проблемы реализации (сбыта продукции)	36
Большая трудоемкость работ	23
Низкие закупочные цены	61

Зафиксированный в районе уровень товарности домохозяйств, составивший более 50 %, является достаточно высоким на фоне других районов области. Ситуация объясняется близостью таких дополнительных рынков сбыта, как город, железная дорога и автомагистраль, которые обеспечивают прямое и быстрое сообщение с областным центром. Реализация некоторой части продукции ста-

новится все более значимой и массовой формой товарно-денежных отношений.

Среди способов реализации домохозяйствами продукции подворий следует отметить сбыт через частных скупщиков, самостоятельную продажу и реализацию путем отправки продуктов родственникам, живущим в городе. Паритет таких способов реализации сельхозпродукции является, как показывают наши исследования, не совсем обычным. Как правило, основным способом реализации продукции выступает ее продажа частным скупщикам.

По оценкам респондентов массового опроса, большая часть продукции потребляется в собственном домашнем хозяйстве, что отметили 46 % респондентов, ведущих ЛПХ. Частным скупщикам продукцию сдают 13 % домохозяйств, 15 % домохозяйств предпочитают самостоятельно заниматься продажами, а 17 % передают часть продукции подворья родственникам, проживающим в городе (рис. 3).

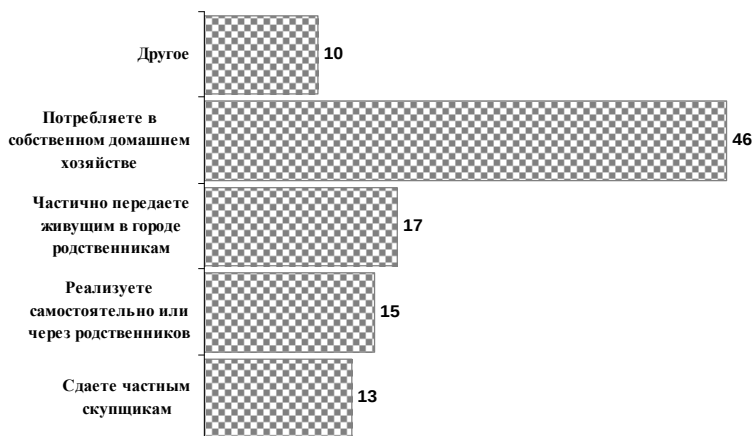

Рис. 3. Формы реализации продукции ЛПХ, в % от числа ведущих хозяйство

Показатели домашнего хозяйства по району являются средними для Новосибирской области. Среди домохозяйств, ведущих ЛПХ, 70 % держат птицу и более 50 % – коров. Мелкий рогатый скот и свиньи есть в 30 % домохозяйств и еще 10 % домохозяйств держат лошадей. В каждом втором домохозяйстве, ведущем ЛПХ, имеется автомобиль, а в каждом пятом – сельхозтехника (как правило, трактор).

Как видно из данных табл. 8, несмотря на всю важность мелкотоварного крестьянского уклада, респонденты в обследованном районе практически не связывают надежд на развитие сельских сообществ, полагая наиболее перспективной формой уклад крупных коллективных хозяйств (акционерные общества, колхозы и пр.) – так считают 69 % экспертов и 75 % обычных селян (табл. 8).

Таблица 8

**Оценка роли различных форм хозяйств
в поддержании уровня жизни села, %**

Ответ	Эксперты	Все опрошенные
<i>Крупные предприятия</i>		
Нет ответа	16	18
Очень важны	58	57
Не очень важны	18	10
Не играют никакой роли	8	16
<i>Фермерские хозяйства</i>		
Нет ответа	29	32
Очень важны	30	30
Не очень важны	18	15
Не играют никакой роли	23	23
<i>Личные подворья</i>		
Нет ответа	9	23
Очень важны	75	59
Не очень важны	13	11
Не играют никакой роли	3	7

Выявлено, что с точки зрения перспективности и адекватности условиям современной российской деревни роль фермерских хозяйств невысока. Причем наиболее скептично возможности развития фермерства оценивает именно «рядовое» население села (рис. 4).

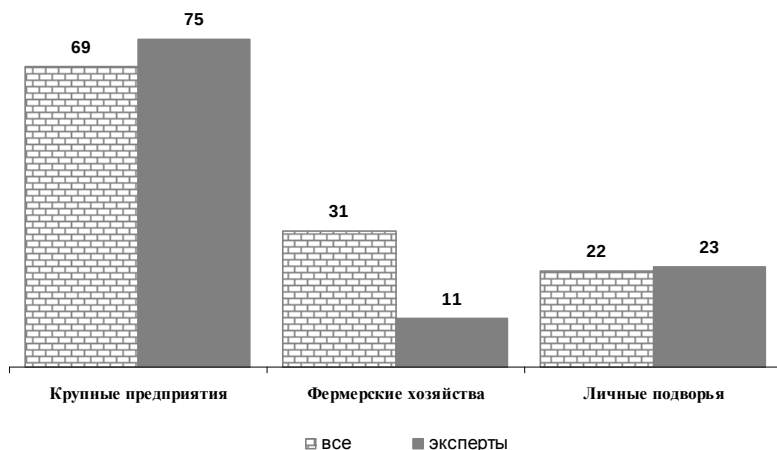

Рис. 4. С какой из форм связаны перспективы развития села?

Важной частью экономики сельских домохозяйств является промысловая деятельность, которой занимаются 60 % опрошенных. Большая часть продуктов промыслов потребляется непосредственно в домашнем хозяйстве и лишь незначительная сдается скупщикам (табл. 9).

Таблица 9

**Основные виды промыслов,
в % от числа занимающихся промысловой деятельностью**

Ответ	Доля ответивших
Охота	6
Рыбная ловля	17
Сбор ягод	90
Сбор грибов	71

В меняющихся институциональных условиях сформированные в период кризиса реактивно-адаптивные модели оказываются неэффективными – они не способны в должной мере стимулировать население полностью задействовать имеющиеся ресурсы и реализовывать успешные адаптационные стратегии. Следствием этого в сельских районах России на уровне массовых социально-экономических практик происходит повышение доли в доходах до-

мохозайств заработной платы с одновременным снижением доли от доходов продажи продукции ЛПХ, что обуславливает снижение активности хозяйств населения.

В институциональной сфере эти процессы сопровождаются развитием организационно-производственных структур нового типа. Соответственно, меняются доминирующая модель социальных взаимодействий: ослабевает значимость неформальных социальных связей (различного рода социальных сетей), происходит ослабление взаимозависимости крупных экономических единиц и экономики ЛПХ (в связи с ростом ориентации на формальную занятость отчасти падает значение этого мелкотоварного уклада).

Стратегия интеграции местных администраций с бизнес-структурами, функционирующими на территории их населенного пункта, является одной из самых распространенных форм адаптации сельских сообществ и восполнения нехватки ресурсов, получаемых на формальных основаниях. Недостаток финансирования и проблемы практической реализации муниципального законодательства вынуждают местные администрации искать альтернативные пути решения проблем. Как показывают наши исследования, положительной социально-экономической динамике сельских сообществ способствует взаимодействие сельских администраций и представителей бизнеса, прежде всего в лице реформированных коллективных хозяйств (крупхозов), реже фермерских хозяйств или индивидуальных предпринимателей, занимающиеся торговлей. Именно так бизнес-структуры на практике оказываются непосредственно включены в процесс управления социально-экономическим развитием сельских локальных сообществ и в этом смысле являются одним из базовых элементов реальной системы власти на селе. Процесс интеграции органов местного самоуправления с бизнес структурами первоначально имеет стихийный характер, это взаимодействие ориентировано на решение самых насущных проблем поселка. Впоследствии такие отношения «взаимопомощи» становятся постоянными, но сохраняют свой неформальный характер и зачастую не попадают под законодательное регулирование.

Исследование показало, что характер взаимоотношений между местными администрациями и бизнес-структурами может быть разным. В большинстве случаев отношения между властью и бизнесом

в их поселениях складываются «на равных» (это отметили 40 % экспертов), либо власть, не стремясь к взаимодействию с бизнесом, выступает гарантом соблюдения «правил игры» (23 % экспертов). Существование конфликта между властью и предприятиями отметили 14 % экспертов (табл. 10).

Таблица 10

«Как Вы оцениваете роль местной власти во взаимодействиях с местными предприятиями и бизнесом?», эксперты, %

Ответ	Доля ответивших
Местная власть – это партнер-координатор, на равных условиях участвующий в решении проблем бизнеса для реализации общих интересов	40
Местная власть доминирует над бизнесом и навязывает местным предприятиям правила игры	3
Местная власть в значительной степени зависит от поддержки местных предприятий	9
Местная власть не стремится к взаимодействию с местными предприятиями, но является гарантом соблюдения «правил игры» в рамках закона	23
В нашем муниципальном образовании существует конфликт между властью и местными бизнес-структурами, в котором каждая сторона преследует свои интересы	14
Нет ответа	10

Таблица 11

Понимание сущности «социально ответственного бизнеса», эксперты, %

Ответ	Доля ответивших
Прибыльный, растущий бизнес, обеспечивающий создание рабочих мест и рост доходов	38
Своевременная уплата налогов	8
Дополнительные социальные обязательства предпринимателя перед трудовым коллективом	13
Дополнительные социальные обязательства предпринимателя перед селом за счет взносов, спонсорской помощи	5
Благотворительная деятельность предпринимателя	3
Затруднились ответить	32

Социальная роль сельхозпредприятий, по мнению экспертов района, заключается, прежде всего, в обеспечении рабочими местами и предоставлении гарантий роста доходов своих работников (такое значение вкладывает в данное понятие около 38 % опрошенных экспертов). На втором месте стоит выполнение дополнительных социальных обязательств предпринимателя перед трудовым коллективом (13 %) и только потом перед селом (5 %) (табл. 11).

Обобщая, можно сказать, что в понимании экспертов социально ответственный бизнес – это бизнес, обеспечивающий местное население трудоустройством, реализующий ряд социальных программ по отношению к своим работникам и своевременно уплачивающий налоги. Независимо от складывающихся взаимоотношений, мотивация местных властей оценивается экспертами достаточно однозначно: 53 % из них считают, что основной целью местных властей является создание условий для развития села, еще 22 % полагают, что власть в первую очередь пытается привлечь инвесторов. По мнению 21 % экспертов, местные власти просто выполняют распоряжения вышестоящих органов власти в интересах сохранения собственных должностей (табл. 12).

Таблица 12

**«Какие цели преследует власть
при взаимодействии с бизнесом?», эксперты, %**

Ответ	Доля ответивших
Создание условий для развития бизнеса и привлечения новых инвестиций	22
Создание условий для решения социально-экономических проблем и развития села	53
Выполнение распоряжений вышестоящих органов власти в интересах сохранения собственных должностей	21
Нет ответа	6

Таким образом, социально-экономическое развитие каждого населенного пункта зависит, в конечном счете, от складывающейся модели взаимодействия местной власти и бизнеса (в первую очередь, крупных сельскохозяйственных предприятий, функционирующих на территории муниципальных образований). Эти отношения носят преимущественно неформальный характер, возникают вне предпи-

санных законом рамок действия субъектов и имеют скорее социальную, а не экономическую подоплеку.

В случае отсутствия сельскохозяйственного предприятия происходит частичный перенос функций по оказанию помощи селу на администрацию и фермеров, или крупные «подсобные» хозяйства, осуществляющие, по сути, предпринимательскую деятельность, но не прошедшие процедуру официальной регистрации. Однако ни сельские администрации, ни фермерские хозяйства не обладают достаточной ресурсной обеспеченностью для поддержания социальной жизни села и экономики личных подсобных хозяйств, поэтому ликвидация или банкротство крупхозов является спусковым механизмом деградации и гибели сообществ.

Об успешности и эффективности складывающихся моделей адаптации локальных сообществ, в конечном счете, говорят показатели благосостояния сельского населения. Во всех обследованных поселениях района денежные доходы населения крайне низки. Зафиксированный в ходе исследования среднедушевой доход в домохозяйствах Искитимского района составил 9 885 руб., что ниже прожиточного минимума, который на момент обследования во 2-м квартале 2016 г. составлял в Новосибирской области 10 583 руб. на душу населения. Таким образом, если ориентироваться на среднедушевой уровень денежных доходов населения, больше половины домохозяйств (55 %) находится ниже порога бедности, а каждая четвертая семья (26 %) может быть отнесена к крайне бедным, поскольку уровень среднедушевого дохода в таких семьях составлял ниже половины прожиточного минимума (ПМ) на каждого члена семьи в месяц (табл. 13).

Таблица 13

**Среднедушевые доходы сельского населения
Искитимского района, %**

Категория	Доля ответивших
Крайняя бедность (менее 1/2 ПМ)	26
Бедность (от 1/2 до 1 ПМ)	29
Более 1 ПМ на члена семьи	28
2 ПМ на члена семьи и больше	5
Нет ответа	12

При оценке своего материального положения 49 % респондентов охарактеризовали его как среднее, еще 37 % назвали плохим или скорее плохим и лишь 11 % – как в той или иной степени хорошее. В ходе исследования не было выявлено жесткой корреляции между уровнем безработицы и уровнем доходов. Занятость на крупном сельскохозяйственном предприятии, наемный труд у фермера или самозанятость в ЛПХ отнюдь не являются гарантией процветания и достатка и не избавляют жителей села от рисков бедности и нищеты (рис. 5).

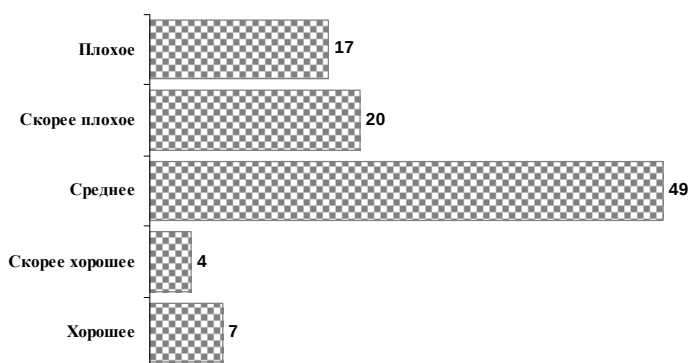

Рис. 5. Субъективная оценка своего материального положения, %

Несмотря на то, что приведенные оценки материального положения выражают именно субъективное отношение селян к своей жизненной ситуации, была выявлена корреляция между реальным доходом и субъективным восприятием ими своего материального положения. Несмотря на то, что в более доходных группах респонденты склонны к более позитивным оценкам, в любой из групп доходности около половины респондентов оценивают свое материальное положение как среднее.

Характеризуя свое материальное положение, 13 % респондентов отмечают, что денег не хватает даже на продукты, еще 32 % респондентов признались, что испытывают материальные трудности при покупке одежды. Эти две группы домохозяйств можно охарактеризовать как крайне бедные. Вещи длительного пользования, такие как телевизор, стиральная машина, компьютер, без труда могут приобре-

сти лишь 16 % обследованных домохозяйств, т.е. в среднем каждая седьмая семья (табл. 14).

Таблица 14

Характеристика материальных возможностей респондентов, %

Ответ	Доля ответивших
Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты	13
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднения	32
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является для нас проблемой	36
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но нам затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	16
Мы можем позволить себе дорогие покупки: квартиру, дачу и многое другое	1

Ощущение проигрыша от реформ, столь острое в середине 2000-х гг., сменилось более спокойным отношением к произошедшему (табл. 15). Если в 2005 г. 2/3 жителей села ощущали себя «проигравшими», то во второй декаде XXI в. этот показатель неуклонно снижается. В Искитимском районе проигравшими от реформ называли себя лишь 33 % опрошенных. В то же время большая доля затруднившихся с ответом на этот вопрос свидетельствует о том, что процесс адаптации (и психологической и социально-экономической) к реформам еще не завершен, до сих пор происходит осмысление произошедшего.

Таблица 15

«В целом Вы и Ваша семья выиграли или проиграли от рыночных реформ?», массовый опрос, %

Ответ	Доля ответивших
Скорее выиграли	1
Не выиграли и не проиграли	37
Скорее проиграли	33
Затрудняюсь ответить	29

Если для рядовых жителей села в целом характерно неопределенное отношение к реформам, то среди экспертов (большинство из

которых являются представителями управленческих структур и бизнес-элит) преобладают отрицательные оценки реформ и их последствий: 64 % экспертов в Искитимском районе отметили их негативный эффект для села в целом (табл. 16).

Таблица 16

**«В целом выиграло или проиграло село от рыночных реформ?»,
эксперты, %**

Ответ	Доля ответивших
Скорее выиграли	1
Не выиграли и не проиграли	34
Скорее проиграли	64
Затрудняюсь ответить	1

Оценивая свою жизненную ситуацию, около половины жителей района (48 %) признаются, что жить трудно, но терпеть можно, а еще 30 % полагают, что все не так уж плохо. Лишь незначительная часть респондентов (8 %) ощущают себя в крайне бедственном положении (рис. 6).

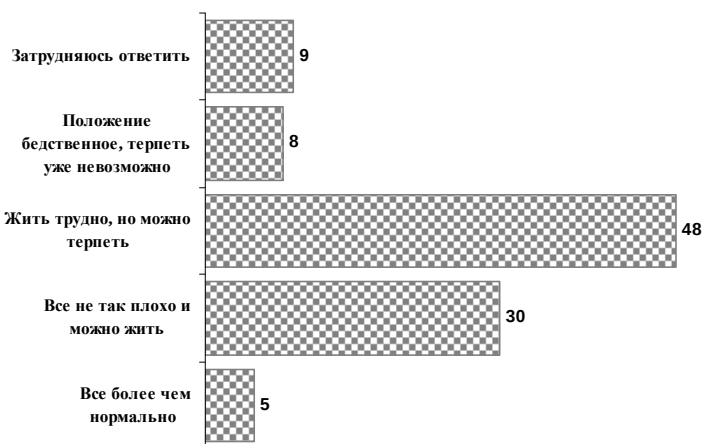

Рис.6. Оценка жизненной ситуации, массовый опрос, %

С данными массового опроса совпадает и экспертная оценка социального оптимизма крестьянства. Характеризуя доминирующее настроение жителей села, более половины экспертов (70 %) указы-

вают на то, что жители села испытывают либо тревогу за свое будущее, либо некоторое беспокойство. Об относительном спокойном психологическом настрое своих земляков заявили лишь 23 % экспертов. И лишь 4 % экспертов полагают, что крестьянство района уверено в завтрашнем дне (рис. 7).

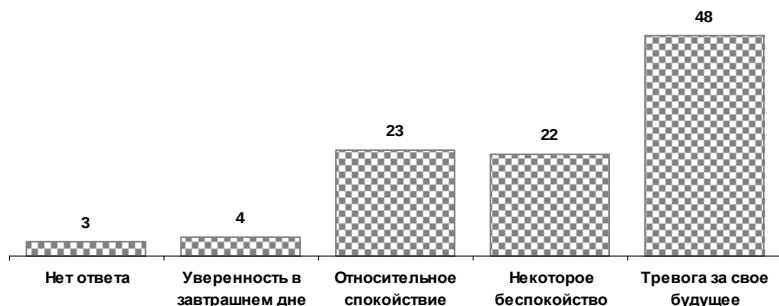

Рис. 7. Экспертная оценка настроений жителей села, %

Низкий уровень адаптации населения к изменившимся реалиям не может не оказывать влияния на политические взгляды жителей села и общую оценку направленности развития социально-политической ситуации в стране. Среди опрошенных нами селян 80 % заявили, что в обществе есть социальная напряженность, и лишь 9 % считают, что напряженности нет (табл. 17).

Таблица 17

«Существует ли в нашем обществе социальная напряженность?», %

Ответ	Доля ответивших
Да	51
Скорее да	29
Скорее нет	6
Нет	3
Затрудняюсь ответить	11

Такая же ситуация прослеживается и в оценке социального оптимизма сельских жителей. Значительная их часть затрудняется предположить, как изменится их жизнь в ближайшем будущем. Во

взглядах на будущее доля оптимистических оценок не очень высока: 22 % респондентов полагают, что все изменится к лучшему, 28 % – что все останется без изменений. Доля тех, кто настроен пессимистично, составила 14 %. По сравнению с рядовыми жителями села, эксперты настроены более оптимистично: каждый третий указал, что все изменится к лучшему (табл. 18).

Таблица 18

«Как изменится Ваша жизнь в ближайшем будущем?», %

Ответ	Все опрошенные	Эксперты
Изменится к лучшему	22	34
Останется без изменений	28	29
Изменится к худшему	14	17
Затрудняюсь ответить	36	20

Критическая оценка сложившейся действительности актуализирует запрос на изменения: по данным опроса большинство респондентов (53 %) уверены в необходимости существенных общественных перемен. При этом только 15 % опрошенных считают, что необходимо сохранить существующий порядок вещей. Среди экспертов доля заявивших о необходимости перемен еще выше – 78 % (рис. 8).

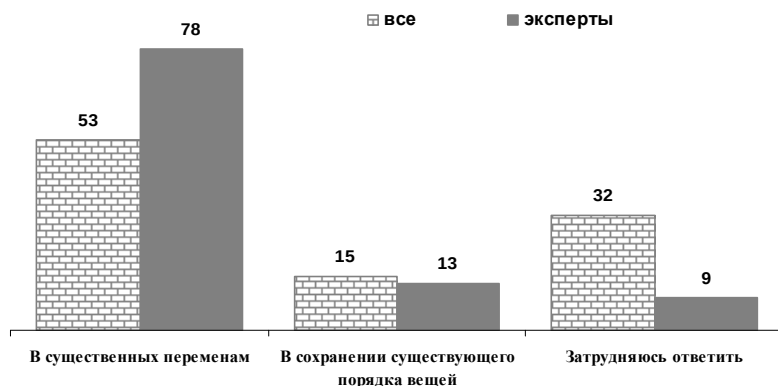

Рис. 8. «В чем больше всего нуждается сегодня наше общество?», %

Можно отметить, что для сельского населения сегодня характерны негативные оценки государственной аграрной политики, низкая оценка эффективности деятельности политических институтов всех уровней и неудовлетворенность положением дел в стране. В целом такие же оценки характерны и для представителей управленческих структур. В плане психологического самочувствия опасения вызывает высокий уровень тревожности населения и его ощущение собственного бедственного положения, что, в общем, характерно не только для населения Искитимского района, но и для других районов Новосибирской области.

Данные исследования социально-экономической динамики локальных сельских сообществ Искитимского района Новосибирской области показывают, что в условиях влияния урбанистического фактора сельское население с трудом вписывается в современные стратегии рыночного реформирования. Треть респондентов считают себя проигравшими от реформ, индекс адаптации населения к ним до сих пор имеет отрицательное значение. Следует подчеркнуть, что общее положение подавляющего большинства сельских сообществ остается очень тяжелым, наблюдается прогрессирующая тенденция к обезлюдению удаленных и труднодоступных сельских территорий даже в пригородных районах.

Согласно полученным данным, наиболее острые проблемы сельских локальных сообществ имеют не столько социальный, сколько экономический характер: это и безработица, имеющая скрытый характер (индекс безработицы, рассчитанный на основе средневзвешенной оценки экспертов, составил 29 пунктов, в то время как официальная безработица в районе – 1,5 %), и низкие доходы населения (55 % домохозяйств в обследованных селах района находятся за чертой бедности, имея среднедушевой доход ниже прожиточного минимума). Подобное положение дел характерно для большинства «проигрывающих сообществ» Новосибирской области и шире – для всей сельской России в целом. Более того, данные, полученные в ходе исследований социально-экономической динамики развития сельских локальных сообществ Искитимского района, по ряду показателей «лучше» чем у соседних районов, лишенных таких дополнительных ресурсов адаптации, как близость к городу или возможности диверсификации трудовой и экономической активности, имею-

щейся внутри района, обладающего определенным промышленным потенциалом и выступающего, помимо этого, в качестве локального транзитно-сервисного центра сразу нескольких транспортных сетей.

В целом структура занятости и экономическая активность населения сельских локальных сообществ Искитимского района определяются двумя факторами, определяющими ускоренное протекание глобальных процессов диверсификации и дифференциации экономики, экономических и трудовых практик стратегий населения. Близость урбанистической конгломерации (Новосибирск – Искитим) дает сельским жителям не только дополнительные возможности на рынке труда, но и выбор новых для села культурных образцов, жизненных стратегий. В такой ситуации экономически активное население вынуждено либо полностью переориентироваться на ведение натурального хозяйства, повышая его товарность (однако в современном «пригороде» таких хозяйств, живущих исключительно за счет ЛПХ, практически не осталось), либо заниматься отходничеством, работой в городе или вахтовым методом.

В то же время и «простое» сельское население, и эксперты осознают, что основным фактором, определяющим дальнейшее стабильное и устойчивое развитие сельских территорий в целом, оказывается государственная поддержка села, позволяющая разработать и реализовать комплексный системный подход к развитию села и сгладить перекосы в аграрной политике на уровне регионов.

ОБЩИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулатипов Р. Г. Создание российской нации // Российская газета. 2003. 28 авг. № 3284.

Аблажей А. М. Современная экономическая и этносоциальная ситуация в Эвенкийском автономном округе // Этносоциальные процессы в Сибири: Темат. сб. / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 123–130.

Алаудинов А. А. Региональная идентичность: понятие, содержание и структура // Перспективы науки. 2014. № 9 (60). С. 134–137.

Андреева И. С. К столетию со дня рождения Х.-Г. Гадамера: проблема традиции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 2. С. 154–163.

Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.

Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // Советская этнография. 1982. № 1. С. 8–21.

Асеев С. Ю., Асеева Т. А., Казанцев Д. А., Киреева О. С., Шапкова Я. Ю. Угрозы национальной безопасности в процессе идентификации жителей Республики Алтай в контексте полиэтнического и поликонфессионального социокультурного пространства региона. Барнаул: Си-пресс, 2016. 64 с.

Ахиезер А. С. От закрытого к открытому обществу – путь противостояния катастрофам // Рубежи. 1997. № 7. С. 29–61.

Ахиезер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А., Яковенко И. Г., Яркова Е. Н. Большевизм – социокультурный феномен (опыт исследования) // Вопросы философии. 2001. № 2 С. 28–41.

Ачкасов В. А. Трансформация традиций и политическая модернизация: феномен российского традиционализма // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сб. ст. / Под ред. Ю. Н. Солонина СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2004. Вып. 1 С. 173–191.

Бабич И. Л. Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай // Антропология и смежные науки. Изучение человека, культуры и общества. URL: <http://www.social-anthropology.ru/node/106> (дата обращения 15.04.2016).

Барсукова Е. Н., Романенко И. Б. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4 (25). С. 193–196.

Белокопыт А. Н. Этносоциальные процессы в условиях социальной трансформации: на примере Ставропольского края: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2004. 22 с.

Богатова О. А. Этническая, религиозная и гражданская идентичность в регионе // Регионоведение. 2009. №3. С. 249–260.

Богатова О. А. Этнорегиональная и национально-гражданская идентификация в структуре социальной идентичности населения Республики Мордовия // Власть. 2011. № 5. С. 110–115.

Бойцов Л. Отцы и дети: корневой вопрос современной жизни // Российская Федерация сегодня. 2006. № 2. С. 33.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.

Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 333 с.

Бурко А. А. Интерпретация показателя «Социальное самочувствие» // Социология и общество: Тезисы I Всерос. социол. конгр. «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб.: Изд-во «Скифия», 2000. 682 с.

Бурлуцкая Е. В. Традиционность и нетрадиционность как формы реализации религиозного содержания в культуре: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ростов н/Д: Рост. гос. ун-т, 2003. 29 с.

Буханцова А. В., Кущенко С. В. Гражданская идентичность как ресурс консолидации общества // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 2(24). С. 112–117.

Винокурова У. А. Коренные народы Сибири: могут ли они ответить на вызовы XXI века? // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 106–117.

Волгогорова О. Д., Татаренко И. В. Этническая идентификация русских, или искушение национализмом // Мир России. 2001. № 2. С. 149–166.

Володин Д. М., Алексеев С. В., Бенедиктов К. С., Иртенина Н. В. Традиция. Сила постоянства (историко-философский феномен традиции). М.: ЗАО «Мануфактура», 2004. 184 с.

Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 325 с.

Гончарова Г. С. Этнодемографические процессы в регионах Сибири и национальная политика // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, №3. С. 239–249.

Гончарова Н. П. Социальная сфера села: предварительные результаты исследования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 1 / Под ред. Е. А. Попова. Барнаул, 2009.

Григорьев Д. В. Формирование гражданской идентичности современного школьника // Интернет-конференция «Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования». URL: <http://proektpatriot2.jimdo.com/гражданская-идентичность/> (дата обращения 06.10.2017).

Гудыма А. П. Парадигма ревитализации хозяйственной культуры народов Севера // Проблемы устойчивого развития: иллюзии, реальность, прогноз: Материалы VI постоянно действующего науч. семинара «Самоорганизация устойчивых целостностей в природе и обществе». Томск, 2002. С. 102–110.

Даргын-оол Ч. К. Культура как основа социального развития регионов России (на примере Тувы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 40–44.

Демографическая ситуация в Республике Алтай стабильна. URL: <http://gornoaltaysk.monavista.ru/news/2641910/> (дата обращения 10.06.2017).

Денисова Г. С. Структура региональной идентичности городского и сельского населения Ростовской области // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 1 (1). С. 82–90.

Денисюк М. П. Традиции и формирование личности. Минск, 1979. 198 с.

Дирин Д. А., Голядкина Е. И. Роль туризма в трансформации социально-экономического пространства Республики Алтай // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. № 8–1. С. 64–68.

Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / Под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. М.: Аналит. центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с.

Дробижева Л. М. Российская идентичность в массовом сознании // Вестник российской нации. 2009. № 1. С. 135–146.

Дробижева Л. М. Этносоциология сегодня. Проблемы методологии междисциплинарных исследований // Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2004. С. 16.

Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А. Межэтническое сообщество Республики Алтай: этносоциальные и этнокультурные процессы // *Философия образования*. 2015. № 1 (58). С. 165–177.

Ефименко М. Н. Религиозная традиция как предмет социально-философского анализа: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. М.: Моск. пед. пос. ун-т, 2001. 36 с.

Ефимов Е. Г. Социокультурный подход как методологическое основание исследования современного социально-экономического развития России // *Условия, ресурсы и факторы развития России в XXI веке: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (20–22 окт. 2009 г.)* Волгоград, 2009. С. 269–272.

Зазулина М. Р., Самсонов В. В. Неформальные тренды муниципальной реформы в России // *Сибирский философский журнал*. 2013. Т. 11, № 2. С. 93–99.

Захаров А. В. Традиционная культура в современном обществе // *Социологические исследования*. 2004. № 7. С. 105–115.

ИРЧП субъектов Российской Федерации. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ИРЧП_субъектов_Российской_Федерации#cite_note-autogenerated3-4 (дата обращения 02.06.2017).

Итоги ВПН 2010 г. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай. URL: http://statra.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/statra/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/score_2010_default (дата обращения 17.10.2017)

Итоги ВПН 2010 г. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab7.xls (дата обращения 07.07.2017).

Калайков С. Ю. Взаимодействие традиции и новации как проблема риторического конструирования социальной реальности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 2004. 23 с.

Квеско Р. Б., Муравская Е. Н., Квеско С. Б., Чайковский В. Д. Организация управления и администрирования в социальной работе (менеджмент социальной работы): Учеб. пособие. Томск, 2009. 136 с.

Кирдина С. Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. URL: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=219&Itemid=58&lang=ru (дата обращения 11.10.17).

Конституция Российской Федерации // Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 15.05.2016).

Кочина Е. А. Гражданская идентичность в полиэтническом регионе как элемент национальной идентичности // Инновационная наука. 2015. Т. 2. № 6 (6). С. 255–257.

Красноярова Б. А. Современные процессы реформирования и диверсификации экономики алтайских регионов России // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 1 (4). С. 108–114.

Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М.: Изд-во «Экзамен», 2002. 448 с.

Латин Н. И. Россия как реальность. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России, 2000. № 3. С. 3–47.

Латин Н. И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

Литягин Е. В. Латентные конфликты и риски в полиэтнической среде Республики Алтай (на примере Турочакского района Республики Алтай) // Социальные процессы в современной Западной Сибири: Сб. науч. тр. Горно-Алтайск, 2015. С. 139–142.

Лурье С. Национализм, этничность, культура // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 101–111.

Лысенкова В., Рудский В. В. Социально-экономическая трансформация сельской местности (Алтайский край, Республика Алтай) // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 43–53.

Мадюкова С. А. Национальная политика и туризм в Республике Алтай // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 4. С. 188–201.

Мадюкова С. А., Персидская О. А., Ерохина Е. А. Социальное самочувствие и перспективы развития коренных малочисленных народов России (по материалам социологических исследований в регионах Обского Севера и Южной Сибири) // Общество и этнополитика: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2015. С. 222–231.

Макошева А. А., Макошев А. П., Апеньшева И. Н. Население Республики Алтай (системно-структурный анализ) // Информационные образовательные ресурсы ГАГУ. URL: <http://e%lib.gasu.ru/erosobia/makoshev/> (дата обращения 22.01.2016).

Малкандуев А. М. Нравственные аспекты и системный характер традиций этнической культуры. Нальчик: Полиграфсервис, 2004. 164 с.

Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1982. № 2. С. 78–97.

Мархинин В. В., Удалова И. В. Межэтническое сообщество как социокультурный концепт (постановка проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 70–78.

Медведко С. В. Функции традиций во взаимоотношениях религии и политики // Годичные научные чтения «Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты». Вып. 7: Обновление России: трудный поиск решений. М., 1999. С. 199–204.

Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Изд-во РГПУ, 2008. 118 с.

Михайленок О. М. Российская политология и вызовы современного общества. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2011. 199 с.

Морозова Е. А., Лузгарева О. И. Виды и формы трудовой занятости коренных малочисленных народов в регионах юга Западной Сибири // Фундаментальные исследования. 2016. № 2–2. С. 406–410.

Мухлынкина Ю. В. Социально-философский анализ структуры этнической идентичности // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2014. № 8 (8). С. 87–92.

Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Materials/pril2_dok2.xlsx (дата обращения 24.01.2016).

Нефедова Т. Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М: Ленанд, 2013. 456 с.

Нечипоренко О. В. Трансформация хозяйственных укладов в сельском социуме: модели и стратегии развития // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2011. Т. 9, № 4. С. 78–86.

Нечипоренко О. В., Зазулина М. Р. Автохтонные этносы Сибири: особенности воспроизводства духовной культуры и этнической идентичности // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2015. № 4(64). Т. 1. С. 18–23.

Нечипоренко О. В., Самсонов В. В. Векторы развития сельских территорий в условиях глобальных вызовов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 108–115.

Нечипоренко О. В., Самсонов В. В. Хозяйственные уклады российского сельского социума: модели и стратегии развития // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 4(69). С. 50–60.

Никитин М. А. Народы Среднего и Нижнего Приобья в конце XX – начале XXI века (административно-правовой и этнокультурный аспекты): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Омельченко Д. А., Гончарова Н. П. Этническая и гражданская идентичность населения современного региона России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 6 (128). С. 200–204.

Основные характеристики и показатели экономики Республики Алтай. URL: http://geolike.ru/page/gl_4837.htm (дата обращения 01.11.2017).

Павловская О. В. Построение обобщающего показателя социального развития региона и анализ его динамики на примере Кемеровской области // Современные тенденции развития науки и производства: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. (23–24 октября 2014 г.): в 4 т. Кемерово: ООО «ЗапСибНЦ», 2014. Т. 1. С. 65–68.

Персидская О. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А. Коренные малочисленные народы Сибири в условиях современных социокультурных трансформаций // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13, № 3. С. 94–101.

Персидская О. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А. Проблемы сохранения и развития коренных малочисленных народов в условиях современных социокультурных трансформаций // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 97.

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Динамика социокультурных процессов в сообществах: тенденции, основные показатели // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15, № 3. С. 75–85.

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Концептуальные и методические основы организации социокультурного мониторинга муниципального межэтнического сообщества // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 3. С. 149–160.

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурная динамика: концептуальные подходы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 2. С. 68–74.

Попков Ю. В., Костюк В. Г. Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: теоретико-методологические и методи-

ческие основы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 111–117.

Попков Ю. В., Персидская О. А. Сравнительное исследование этносоциальных процессов и этнонациональной политики в регионах Сибири // Новые исследования Тувы. 2014. № 4 (24). С. 6.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Ерохина Е. А., Мадюкова С. А., Персидская О. А., Гончарова Г. С., Мархинин В. В., Удалова И. В., Костюк В. Г. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / под ред. Попкова Ю.В. Новосибирск, 2015. 273 с.

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Костюк В. Г. Этносоциальные процессы в современной Евразии: история и современность // Этносоциальные процессы в Сибири: Темат. сб. / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск, 2006. Вып. 7. С. 12–31.

Предстоящая перепись стала причиной дебатов об этнической общности алтайцев // Новости Горного Алтая. 21 апр. 2009 г. URL: <http://www.gorno-altaisk.info/news/2078> (дата обращения 15.04.2016).

Прохоров Б. Б. Экология человека: терминологический словарь. Ростов на/Д: Феникс, 2005. 476 с.

Распределение населения Республики Алтай по величине среднедушевых денежных доходов (в процентах). URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/resources/a627e900414049f2a28fa7a3e1dde74c/Распределение+населения+Республики+Алтай+по+величине+среднедушевых+денежных+доходов.pdf (дата обращения 17.10.2017).

Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: Росстат. 2016. 1326 с.

Рейтинг социального самочувствия регионов России. Третий выпуск. URL: <http://civilfund.ru/mat/63> (дата обращения 10.06.2017).

Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г. В. Осипова, Москва: Изд-во НОРМА, 1998. 666 с.

Рязанов И. О., Дуплинская Е. Б. Анализ развития малого и среднего предпринимательства в Республике Алтай // Проблемы антикризисного управления и экономического развития (ПАУЭР-2016): Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (27–31 октября 2016 г.). Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2017. С. 279–286.

Сагитова Л. В. Этничность в современном Татарстане. Воспроизводство этничности в татарстанском обществе на рубеже 1980–

1990-х гг. (по материалам республиканской прессы и этносоциологических исследований). Казань, 1998. 183 с.

Самсонов В. В. «Традиционные» и «новые» социальные риски сельского развития // Островские чтения. 2015. № 1. С. 454–457.

Санина А. Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 12. Вып. 4. С. 281–286.

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Социальный атлас российских регионов. Портреты регионов. Республика Алтай. URL: <http://atlas.socpol.ru/portraits/alt.shtml> (дата обращения 17.10.2017).

Среднедушевые денежные доходы по субъектам Российской Федерации 2013–2016 гг. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/table.jpg (дата обращения 18.05.2017).

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (п. 2, раздел I: Общие положения) // Министерство национальной политики Удмуртской Республики. URL: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата обращения 15.05.2016).

Стратегия социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2035 года. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/4fd6c9b7-1dc8-4371-a699-453afde72cb7/altay.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=4fd6c9b7-1dc8-4371-a699-453afde72cb7> (дата обращения: 23.10.2017).

Суханов И. В. Обычаи, традиции, преемственность поколений. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1976. 216 с.

Тишков А. В. Этничность и национализм в постсоветском пространстве // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. Омск, 1993. С. 265–277.

Топоров В. Н. Модель мира // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. 284 с.

Тюгашев Е. А. Социокультурный подход: эпистемологический статус и содержание // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Новосибирск: НГАЭиУ, 2011. Вып. XIII. С. 8–25.

Финансовый словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/in_enc/28350 (дата обращения 17.10.2017).

Хобсбаум Э. Национализм и этничность // Национализм (Взгляд из-за рубежа): Реф. сб. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 1995. 135 с.

Цапиева О. К., Муслимов Т. К. Этнополитическая и этносоциальная ситуация в Дагестане и новейшие конфликты // Россия и мусульманский мир. 2008. № 2. С. 77–93.

Чемчиева А. П. Алтайские субэтноты в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. 254 с.

Чемчиева А. П. Современные демографические процессы в Республике Алтай: основные тенденции и особенности // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 288–296.

Чемчиева А. П. Этносоциальная ситуация в Улаганском районе Республики Алтай // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6(43). С. 472–475.

Численность и размещение населения: Стат. сб. Горно-Алтайск: Алтайстат, 2012.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/mun_obr2017.rar (дата обращения 17.10.2017).

Чистякова В. А., Лукьяненко Т. И., Манеева Н. Ф., Карлюк П. Н., Сазонова О. К., Гонохова Т. А. Исследование социально-демографических и социально-культурных проблем коренных и малочисленных народов Севера // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7–1. С. 135–139.

Шергалиева М. Т. К методологии проблемы идентичностей: социальная, личная, этническая и гражданская // Система ценностей современного общества. 2014. № 33. С. 100–105.

Шикова Р. Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 112–113.

Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

Эриксен Т. Х. Что такое этничность? // Ethnicity and Nationalism. 2002 // Диалог. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page8768.html> (дата обращения 15.10.2017).

Эшматова Г. Б. Специфика современной этносоциальной ситуации в Республике Алтай // Этносоциальные процессы в Сибири: тематический сб. / Отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. Вып. 10. С. 120–127.

Eisenstadt S. N. Tradition, Change and Modernity. N. Y., 1973. P. 253.

Losch B., White E. Rural Transformation and Late Developing Countries in a Globalizing World: A Comparative Analysis of Rural Change. - Washington, DC: World Bank, 2011. P. 36.

Ploeg J. D., Renting H., Brunori G. Rural Development: from Practices and Policies towards Theory // Sociologia Ruralis. 2000. Vol. 40. №. 4. Pp. 391–408.

Saraceno E. Recent trends in rural development and their conceptualization // Journal of Rural Studies. 1995. № 10. Pp. 321–330; Richardson T. Discourses of rurality in EU spatial policy: The European spatial development perspective // Sociologia Ruralis. 2000. № 40(1). Pp. 53–71.

Tuker R. Political Culture and Leadership in Soviet Russia. N. Y., 1987. Pp. VII–VIII.

Научное издание

С. А. Мадюкова, О. А. Персидская, В. В. Самсонов

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ РОССИИ
(на примере Республики Алтай и Новосибирской области)

Часть II

Оригинал-макет подготовлен

В. Н. Гришаевой
(ИФПР СО РАН)

Дизайн обложки

М. А. Абрамовой
(ИФПР СО РАН)

Подписано в печать 18.12.2017

Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. 9,7 Усл. печ. л. 6,6

Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии «Омега Принт»
г. Новосибирск, пр. академика Лаврентьева, 6